ISBN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(20) I No. 2(20)
ИЮНЬ I JUNE 2026

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАЦИЙ

NIC

Наука, исследования, аналитика

Консалтинг, рекомендации

Цифровые технологии и решения

Издательская и медиадеятельность

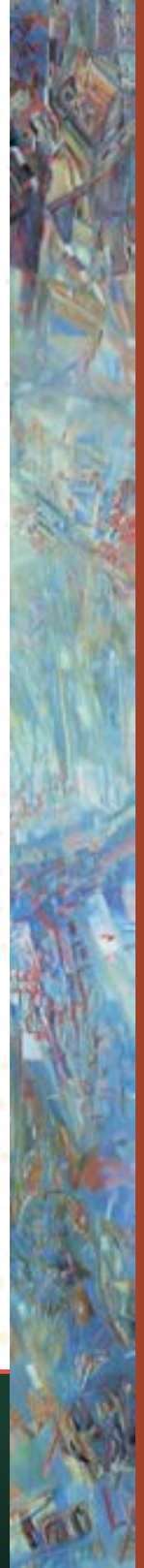
Просвещение и обучение

Гуманитарные коммуникации

Искусство диалога и доверия

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88 www.nicrus.ru institut@nicrus.ru



ISSN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 2(20) I No. 2(20)
ИЮНЬ I JUNE 2026

18+

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2026-4-2(20)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог
– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.
Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.
Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации
ISSN 2782-3067 (Print)
Архивация:
Российская государственная библиотека
Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал **«Россия и мир: научный диалог»** предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».
Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»
119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com, orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»
Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»
119034, Российская Федерация,
Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Веб-сайт: https://www.russia-world.ru/jour
Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.
Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2026
© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2026-4-2(20)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»
– print media (mass media), magazine.
Published since 2021, 4 times a year.
Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.
The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation
ISSN 2782-3067 (Print)
Archive:
Russian State Library
National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka".
The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com, orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: https://www.russia-world.ru/jour
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.
The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2026
© ANO «National Communications Development Research Institution», 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

ISSN 2782-3067 (Print)
ISSN 2782-3067 (Print)

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P.Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

ISSN 2782-3067 (Print)
ISSN 2782-3067 (Print)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

АТЛАГИЧ Синиша – доктор философских наук, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Сербия)

ДЖОРОБЕКОВА Айнур Эшимбековна – доктор политических наук, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева (Кыргызстан)

ИСКАНДАРОВ Косимшо – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан)

КИКНАДЗЕ Тамар – доктор политических наук, профессор, руководитель Департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета (Грузия)

МАРТИНОВИЧ Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, доктор теологии Венского университета (Беларусь)

ПОГОСЯН Геворг Арамович – доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, иностранный член РАН (Армения)

УСАРОВА Феруза Халматовна – кандидат политических наук, и.о. директора Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

ISSN 2782-3067 (Print)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Sinisha ATLAGIC– DSc (Philos.), Professor, Director of the Center for Russian Studies at the University of Belgrade (Serbia)

Ainur E. JOROBEKOVA– DSc (Polit.), Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after J.Balasagyn, Head of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambayev (Kyrgyzstan)

Kosimsho ISKANDAROV– DSc (Hist.), Professor, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

Tamar KIKNADZE – DSc (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Georgian Technical University (Georgia)

Vladimir A. MARTINOVICH – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Apologetics at the Minsk Theological Academy, DSc (Theology) at the University of Vienna (Belarus)

Gevorg A. POGHOSYAN – DSc (Soc.), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Armenia)

Feruza Kh. USAROVA – CandSc (Polit.), Acting Director of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

ISSN 2782-3067 (Print)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В. **16**
От главного редактора

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Цыбаков Д.Л. **24**
Мировоззренческие основы милитаризации мировой политики в условиях многополярности

Кирилина Е.Ю. **35**
Конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ

Одибоев К.М. **50**
О перспективах ОДКБ стать ядром формирующейся архитектуры безопасности в Евразии

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы. Политическая социология

Белинская Д.В., Жуликов С.Е., Жуликова О.В. **70**
Ценности современной молодежи: эмпирический аспект (на примере исследований в России, Армении, Таджикистане, Казахстане и Беларуси)

Кулеш С.А. **94**
Сравнительный анализ политик устойчивого развития России и Японии: особенности, вызовы и перспективы

Тен А.В., Чолоев Н.М. **106**
Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии

Шаболотов Т.Т., Нуралиев Н.А. **121**
Новая архитектура внешней трудовой миграции Кыргызской Республики: многовекторная стратегия и реинтеграция мигрантов

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений и внешней политики

Белозёров В.К. **148**
Реваншизм в Германии между прошлым и будущим

Гусаков И.М. **164**
Исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию

Кожухова К.Е. **172**
Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции

Ходжаева Н.Д. **183**
Вклад русских ученых XIX – начала XX в. в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Азаренкова А.А. **198**
Интерпретация Второй мировой войны как способ формирования общественного сознания Румынии

Агафонова О.В. **213**
Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры

Пупышева М.В. **225**
От забвения к признанию: политика памяти в Испании

Чайко И.В. **242**
«Берлусконизм» как политический феномен: неопатримониальная интерпретация

ISSN 2782-3067 (Print)
ISSN 2782-3067 (Print)

CONTENTS

Naumkin V.V. **16**
Editor-in-Chief Foreword

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Tsybakov D.L. **24**
Ideological Foundations of the Militarization of World Politics in a Multipolar Era

Kirilina E.Yu. **35**
Construction of the Image of Russia in the Expert-Analytical Discourse of Germany

Odiboev K.M. **50**
The Prospects of the CSTO to Become the Core of the Emerging Security Architecture in Eurasia

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Belinskaya D.V., Zhulikov S.E., Zhulikova O.V. **70**
Values of modern youth: an empirical aspect (based on studies in Russia, Armenia, Tajikistan, Kazakhstan, and Belarus)

Kulesh S.A. **94**
Comparative Analysis of Sustainable Development Policies in Russia and Japan: Characteristics, Challenges, and Prospects

Ten A.V., Choloev N.M. **106**
Water Resources and the Right to Water in International Law: Sustainable Management of Transboundary Waters in Central Asia

Shabolotov T.T., Nuraliev N.A. **121**
The New Architecture of External Labor Migration in the Kyrgyz Republic: A Multi-Vector Strategy and Reintegration of Migrants

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations and Foreign Policy

Belozerov V.K. **148**
Revanchism in Germany: Between Past and Future

Gusakov I.M. **164**
Historical Background of Migration from Central Asian Countries to the Russian Federation

Kozhukhova K.E. **172**
Historical Memory of the Chinese People: the Consequences of the Japanese Intervention

Khojaeva N.J. **183**
The Contribution of Russian Scientists of the 19th – early 20th Century to the Study of the Historical Geography of Central Asia in the Pre-Islamic Period

POWER, POLITICS, STATE

Political Institutions, Processes and Technologies

Azarenkova A.A. **198**
Interpretation of the Second World War as a Way of Shaping Public Consciousness in Romania

Agafonova O.V. **213**
Germany on the Way to Rearmament: Transformation of Security Policy within the Framework of Strategic Culture

Pupysheva M.V. **225**
From Oblivion to Recognition: Memory Politics in Spain

Chaiko I.V. **242**
«Berlusconism» as a Political Phenomenon: the Neopatrimonial Interpretation

ISSN 2782-3067 (Print)
ISSN 2782-3067 (Print)

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мы рады представить вашему вниманию результаты научных изысканий, которые, как мы надеемся, привлекут ваш интерес. Публикации этого выпуска журнала охватывают широкий спектр вопросов – от философских основ мировой политики до анализа образов государств в экспертном сообществе и региональных процессов. Работы, опубликованные в данном выпуске, в ряде случаев являются результатом многолетних исследований. Они демонстрируют высокий уровень компетентности и эрудиции авторов.

В раздел «Международные, глобальные и региональные процессы» включены статьи, посвященные различным вопросам международных отношений и региональной безопасности.

В статье Д.Л.Цыбакова говорится о том, как и почему военная логика все сильнее влияет на современную мировую политику. Автор рассматривает милитаризацию не только как рост вооружений или усиление армий, но и как более широкий процесс, связанный с изменением мировоззрения, ценностей и представлений о роли силы в международных отношениях. В статье показано, что в условиях многополярности и глобальной нестабильности военные факторы все чаще становятся частью политического мышления и внешнеполитических стратегий государств. Особое внимание уделяется связи между духовной сферой, моральными ориентирами и военно-политическим экспансионизмом в эпоху постмодерна. Главная мысль исследования состоит в том, что уровень милитаризации мировой политики нельзя объяснять только геополитическими интересами или борьбой за ресурсы. Не менее важно учитывать морально-нравственные основания, ценностные установки и те идеи, которые оправдывают применение силы в мировой политике.

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dear Readers!

We are pleased to present the results of our research, which we hope will be of interest. The publications in this issue of the journal cover a wide range of topics, from the philosophical foundations of global politics to the analysis of state images in the expert community and regional processes. In some cases, the works published in this issue are the result of years of research and demonstrate the high level of expertise and erudition of the authors.

The section "International, Global and Regional Processes" includes articles devoted to various issues of international relations and regional security.

D.L.Tsybakov's article explores how and why military logic is increasingly influencing contemporary global politics. The author examines militarization not only as an increase in armaments or the strengthening of armies, but also as a broader process associated with changing world views, values, and perceptions of the role of force in international relations. The article demonstrates that, in a context of multipolarity and global instability, military factors are increasingly becoming part of states' political thinking and foreign policy strategies. Particular attention is paid to the connection between the spiritual sphere, moral compass, and military-political expansionism in the postmodern era. The main idea of the study is that the level of militarization of global politics cannot be explained solely by geopolitical interests or the struggle for resources. It is equally important to consider moral foundations, value systems, and ideas that justify the use of force in global politics.

E.Yu.Kirilina analyzes how the image of Russia is shaped and explained in contemporary Germany, primarily by expert circles, think tanks, and political circles. Using discourse analysis, the author

ISSN 2782-3067 (Print)

Е.Ю.Кирилина анализирует, как в современной Германии формируется и объясняется образ России, прежде всего в экспертной среде, аналитических центрах и политических кругах. С помощью дискурс-анализа автор показывает, какие темы, оценки и устойчивые представления о России становятся доминирующими в немецком общественном и политическом поле. Особое внимание уделяется тому, как именно эксперты и политики говорят о России: какие аргументы используют, какие образы и страхи закрепляют, какие ассоциации формируют. Это помогает понять, как в Германии выстраивается собственная национальная идентичность и как она влияет на внешнюю политику страны. Автор показывает, что Россия все чаще описывается в Германии как серьезная, почти экзистенциальная угроза европейской безопасности. Такой образ используется для обоснования усиления милитаристской политики и изменения общественных настроений в сторону большей готовности к конфронтации. В результате восприятие России оказывается сильно секьюритизированным, что заметно сужает пространство для диалога между двумя странами.

К.М.Одибоев рассматривает ОДКБ как один из важных элементов безопасности в Северной Евразии. Автор показывает, какой потенциал есть у этой организации, какие институты и стратегические механизмы определяют ее роль в региональной политике, а также какие факторы ограничивают ее влияние. Отдельное внимание уделяется тому, как ОДКБ может встроиться в более широкую систему международной безопасности. По мнению автора, если организация сможет активнее взаимодействовать с другими структурами и участвовать в решении региональных кризисов, ее значение заметно возрастет. В этом случае ОДКБ может стать не только инструментом коллективной обороны для государств-членов, но и более заметным участником формирования новой архитектуры безопасности в Северной Евразии и за ее пределами.

Раздел «Изменяющийся социум» открывает статья Д.В.Белинской, С.Е.Жуликова и О.В.Жуликовой, посвященная ценностям молодежи в странах постсоветского пространства. Авторы на основе эмпирических данных показывают, какие установки, жизненные ориентиры и модели поведения характерны для молодых людей в разных странах региона. Особое внимание уделяется различиям между странами: это позволяет увидеть, как на молодежные ценности влияют социальные, экономические, политические и культурные трансформации. Авторы подчеркивают, что сегодня взгляды молодого поколения развиваются в сложных условиях, так как меняются привычные социальные институты, усиливается цифровизация, трансформируются представления о карьере, семье, успехе и общественном участии. В статье показано,

reveals which themes, assessments, and persistent perceptions of Russia are becoming dominant in German public and political life. Particular attention is paid to how experts and politicians speak about Russia: what arguments they use, what images and fears they reinforce, and what associations they form. This helps us understand how Germany constructs its own national identity and how it influences the country's foreign policy. The author demonstrates that Russia is increasingly portrayed in Germany as a serious, almost existential threat to European security. This image is used to justify the strengthening of militaristic policies and a shift in public sentiment toward a greater readiness for confrontation. As a result, perceptions of Russia are becoming highly securitized, significantly narrowing the space for dialogue between the two countries.

K.M.Odiboev examines the CSTO as a key element of security in Northern Eurasia. The author demonstrates the organization's potential, the institutions and strategic mechanisms that define its role in regional politics, and the factors that limit its influence. Particular attention is paid to how the CSTO can integrate into the broader international security system. According to the author, if the organization can more actively interact with other structures and participate in resolving regional crises, its importance will significantly increase. In this case, the CSTO could become not only a collective defense instrument for member states but also a more prominent participant in the formation of a new security architecture in Northern Eurasia and beyond.

The "Changing Society" section begins with the article by D.V.Belinskaya, S.E.Zhulikov and O.V.Zhulikova on youth values in post-Soviet countries. Based on empirical data, the authors show the attitudes, life goals and behaviour patterns of young people in different countries of the region. Special attention is paid to the differences between countries, which allow us to see how young values are influenced by social, economic, political and cultural changes. The authors emphasise that the views of today's younger generation are evolving in challenging circumstances, as traditional social institutions change, digitalisation intensifies and ideas about careers, families, success and civic engagement transform. The article shows that young people are not just adapting to new situations but are themselves becoming important agents of change. It is the younger generation that largely defines new cultural norms, value orientations, and future directions for society.

S.A.Kulesh's article compares Russia and Japan's approaches to sustainable development. The author demonstrates that, despite their geographical

ISSN 2782-3067 (Print)

что молодежь не просто приспосабливается к новым обстоятельствам, а сама становится важным участником изменений. Именно молодое поколение во многом задает новые культурные нормы, ценностные ориентиры и будущие направления развития общества.

В статье С.А.Кулеша сравниваются подходы России и Японии к теме устойчивого развития. Автор показывает, что, несмотря на географическую близость и похожие вызовы, эти страны выстраивали свою политику по-разному. В России в 1990-е гг. тема устойчивого развития долго оставалась на периферии внимания, а позднее стала сильнее зависеть от государственной политики и крупных стратегических решений. В Японии, напротив, подход к устойчивому развитию формировался в условиях экономической стагнации, где важную роль стали играть бизнес, корпорации и местные власти. Особое внимание в статье уделяется тому, кто именно продвигает устойчивое развитие. В России ведущая роль принадлежит государству, тогда как в Японии заметнее участие корпоративного сектора и регионального уровня управления. Публикация помогает понять, как экономическая ситуация, политические решения и участие разных акторов влияют на социальные институты и модели развития.

А.В.Тен и Н.М.Чолоев обращаются к теме устойчивого развития через проблему водных ресурсов в Центральной Азии. В статье они показывают, что вода для региона – это не только экологический, но и правовой, социальный и политический вопрос. Авторы рассматривают, как регулируется использование водных ресурсов, какие международно-правовые механизмы здесь работают и почему трансграничное сотрудничество имеет особое значение. Отдельно подчеркивается, что от справедливого и согласованного управления водой напрямую зависят социальная стабильность, экологическая безопасность и развитие стран Центральной Азии. Статья помогает понять, как водная проблематика связана с более широкими вызовами для устойчивого развития и почему без эффективных правовых решений невозможно обеспечить долгосрочную стабильность региона.

Т.Т.Шаболотов и Н.А.Нуралиев рассматривают внешнюю трудовую миграцию как один из ключевых вызовов для Кыргызстана. Авторы показывают, что привычные направления трудовой миграции становятся менее стабильными, а значит, стране нужна более гибкая и продуманная миграционная политика. В статье говорится о необходимости развивать организованные формы трудовой миграции, сотрудничать с международными организациями, внедрять цифровые инструменты управления и признавать квалификации мигрантов. Это должно помочь сделать миграцию более безопасной и выгодной как для самих граждан, так и для государства. Особое внимание уделяется возвращающимся мигрантам. Авторы подчеркивают, что их реинтеграция не должна ограничиваться разовой поддержкой. Важно создавать рабочие места, развивать малый бизнес, помогать с профессиональной адаптацией и повышать финансовую грамотность. Тогда возвращение мигрантов может стать ресурсом развития, а не социальной проблемой.

В разделе «Историческая ретроспектива и современность» И.М.Гусаков в своей статье рассматривает, почему миграция из Центральной Азии в Россию остается устойчивой на протяжении долгого времени. Автор опирается на исследования 2021–2025 гг. и показывает, что дело не только в экономических трудностях. По его мнению, миграционные потоки поддерживаются более глубокими историческими факторами, а именно: общим советским прошлым, знанием русского языка, уже сложившимися маршрутами трудовой миграции, доступностью российского рынка труда и зависимостью многих семей от заработков за рубежом. Отдельно автор отмечает, что пандемия COVID-19 не разрушила эту миграционную систему. Она лишь временно изменила ее масштабы, условия въезда, трудоустройства и адаптации мигрантов в России. Иными словами, исторические связи не только объясняют происхождение миграции, но и помогают ей сохраняться даже в периоды кризисов.

Связь между историей и современностью раскрывает в своей статье В.К.Белозёров Автор показывает, как исторические идеи реваншизма продолжают влиять на современную политику и общественные настроения в Германии. Он прослеживает развитие этих идей с начала XIX в., через нацистский период и до наших дней. Автор убедительно обосновывает, что недопустимо и опасно ослаблять внимание в отношении реваншизма, который в Германии проявляется в различных обличьях. Это позволяет связать исторический опыт Германии с ее нынешним политическим курсом. Автор приходит к выводу, что рост русофобских настроений в современной ФРГ способствует возвращению реваншистских идей. В этом контексте антироссийская политика Германии, усиление ее военного потенциала и стремление к лидерству в Европе рассматриваются как проявления более глубоких исторических тенденций. Исследование опирается на широкий круг источников: документы, мемуары и современные аналитические материалы.

В статье К.Е.Кожуховой показано, как в Китае формируется историческая память о японской интервенции и почему эта тема до сих пор остается важной для китайского общества. Автор доказывает, что память о событиях этого периода влияет не только на коллективное сознание, но и на представления китайцев о собственной национальной идентичности. Особое внимание уделяется тому, как исторический опыт войны и оккупации отражается в современной

ISSN 2782-3067 (Print)

proximity and similar challenges, these countries have developed their policies differently. In Russia, sustainable development remained on the periphery for a long time in the 1990s, but later became more dependent on government policy and major strategic decisions. In Japan, by contrast, the approach to sustainable development emerged amid economic stagnation, where business, corporations, and local authorities assumed a significant role. The article focuses on who exactly promotes sustainable development. In Russia, the state plays a leading role, while in Japan, the corporate sector and regional government are more prominent. This publication helps us understand how the economic situation, political decisions, and the participation of various actors influence social institutions and development models.

A.V.Ten and N.M.Choloyev address the topic of sustainable development through the issue of water resources in Central Asia. In their article, they demonstrate that water for the region is not only an environmental issue, but also a legal, social and political one. The authors examine how water use is regulated, what international legal mechanisms exist, and why transboundary cooperation is so important. They emphasize that social stability, environmental security and development in Central Asian countries depend directly on equitable and coordinated water management. Their article helps us understand how water issues link to broader challenges for sustainable development, and how long-term stability cannot be achieved without effective legal solutions in the region.

T.T.Shabolotov and N.A.Nuraliev examine external labor migration as one of the key challenges facing Kyrgyzstan. The authors demonstrate that traditional labor migration routes are becoming less stable, necessitating a more flexible and well-thought-out migration policy. The article discusses the need to develop organized forms of labor migration, collaborate with international organizations, implement digital management tools, and recognize migrants' qualifications. This should help to make migration safer and more beneficial for both citizens and the state. Particular attention is paid to returning migrants. The authors emphasize that their reintegration should not be limited to one-time support. It is important to create jobs, develop small businesses, assist with professional adaptation, and improve financial literacy. Then, the return of migrants can become a development resource rather than a social problem.

In the section "Historical Retrospective and Modernity," I.M.Gusakov examines why migration from Central Asia to Russia has remained stable over time. Drawing on research from 2021–2025, the author demonstrates that economic difficulties are not the only factor. He argues that migration flows are supported by deeper historical factors, namely a shared Soviet past, knowledge of the Russian language, established labor migration routes, accessibility to the Russian labor market, and the dependence of many families on earnings abroad. The author also notes that the COVID-19 pandemic has not disrupted this migration system. It has merely temporarily altered its scale, conditions of entry, employment, and adaptation for migrants in Russia. In other words, historical connections not only explain the origins of migration but also help it persist even during times of crisis.

V.K.Belozerov explores the connection between history and modernity in his article. The author demonstrates how historical ideas of revanchism continue to influence contemporary politics and public sentiments in Germany. He traces the development of these ideas from the early 19th century through the Nazi period to the present day. The author convincingly argues that it is unacceptable and dangerous to diminish attention to revanchism which manifests itself in various guises in Germany. This allows us to connect Germany's historical experience with its current political course. The author concludes that the rise of Russophobic sentiments in modern Germany contributes to the return of revanchist ideas. In this context, Germany's anti-Russian policy, strengthening of its military potential and desire for leadership in Europe are seen as manifestations of deeper historical trends. The study draws on a wide range of sources, including documents, memoirs, and contemporary analytical materials.

K.E.Kozhukhova's article examines how the historical memory of the Japanese invasion is shaped in China and why this topic remains significant to Chinese society. The author demonstrates that the memories of events from this period influence not only collective consciousness, but also Chinese people's perception of their own national identity. Special attention is paid to how historical experience of war and occupation influences contemporary politics, public opinion, and China's relations with other countries, especially Japan. The research uses historical documents, specialized sources, and sociological data. This study helps us understand why memories of the Japanese occupation in China are seen not only as a part of the past, but also as an essential element of current national policy and international agenda.

A retrospective analysis of the contribution of Russian scholars to the study of historical geography in

ISSN 2782-3067 (Print)

политике, общественных настроениях и отношениях Китая с другими странами, прежде всего с Японией. В работе используются исторические документы, профильные источники и социологические данные. Исследование помогает понять, почему память о японской интервенции в Китае воспринимается не только как часть прошлого, но и как важный элемент современной национальной политики и международной повестки.

Ретроспективный анализ вклада русских ученых в изучение исторической географии доисламской Центральной Азии представлен в статье Н.Д.Ходжаевой. Работа охватывает период до распространения ислама в регионе. Основное внимание уделяется авестийской географической традиции, реконструированной на основе текстов «Авесты» и пехлевийской литературы. В статье исследуются отчеты русских экспедиций, фиксировавших топонимические, гидрографические и этнокультурные особенности региона. Междисциплинарный подход позволил автору систематизировать древние географические объекты, идентифицировать оронимы и гидронимы, упомянутые в авестийском каноне. Полученные результаты важны для реконструкции этнокультурной идентичности таджикского народа и становления зороастрийской традиции. Материалы русских ученых служат основой для дальнейших исследований в области авестийской географии и биографии Заратуштры.

Раздел «Власть, политика, государство» представляет собой междисциплинарный анализ политической жизни и государственного устройства ряда стран. Статья А.А.Азаренковой посвящена анализу механизмов, посредством которых исторические нарративы о событиях Второй мировой войны используются для конструирования общественного сознания в современной Румынии. В работе детально исследуются риторические стратегии и идеологические инструменты, применяемые политическими элитами для формирования национальной идентичности и легитимации действий власти. Для этого и осуществляется определенная трактовка событий Второй мировой войны. Автор внимательно изучает научные труды, материалы румынских СМИ, музейно-мемориальную работу в стране, конструирование процесса влияния исторических сюжетов на общественное самосознание.

В статье О.В.Агафоновой обсуждаются изменения в оборонной политике ФРГ. «Смена эпох» привела к разработке Стратегии национальной безопасности и Военной стратегии, закрепивших курс на наращивание оборонного потенциала и переосмысление роли Германии в евроатлантической безопасности. Автор предлагает интерпретацию этих изменений как «переходной нормализации» – укрепление военного потенциала при сохранении принципов многосторонности и правового подхода. Исторически сложившаяся немецкая стратегическая культура определяет вероятность превращения Германии в ведущую военную державу НАТО, что представлено в динамике перевооружения.

Исследование М.В.Пупышевой посвящено процессу формирования и трансформации политики памяти в Испании. Автор показывает, что отношение к прошлому в стране не было неизменным. На разных этапах испанское общество и государство по-разному осмысляли историческое наследие, спорные события и фигуры. В центре внимания – механизмы, через которые формируется коллективная память: мемориальные институты, образовательные программы, культурные практики, общественные дискуссии и инициативы разных социальных групп. Автор рассматривает, как с их помощью Испания переосмысливает сложные страницы своей истории и выстраивает представление о национальной идентичности. Данная публикация помогает понять, почему политика памяти в Испании остается важной частью общественной и политической жизни, а споры о прошлом напрямую влияют на современные процессы и настроения в обществе.

Статья И.В.Чайко приобретает особую значимость из-за усиливающихся консервативных тенденций в политике разных стран. Анализ этих процессов с точки зрения неопатримониального подхода, который сохраняет традиционные практики в современном управлении, показал, что стратегия Берлускони соответствовала культурно-историческим традициям Италии. Автор выделяет общие черты «берлусконизма», «трампизма» и других явлений, где традиционные ценности сочетаются с социальным и экономическим прогрессом.

Уважаемые читатели!

Материалы, представленные в этом выпуске журнала, показывают, насколько значимым и взаимосвязанным является научное осмысление памяти, идентичности, безопасности и международных процессов. Объединяя разные исследовательские подходы и тематические ракурсы, журнал создает пространство для содержательного диалога, критического анализа и дальнейшего развития гуманитарного знания.

Особую благодарность хочется выразить нашим авторам, рецензентам и читателям, которые своим участием и вкладом способствуют реализации нашей миссии.

С искренним уважением
к нашим читателям и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

ISSN 2782-3067 (Print)

pre-Islamic Central Asia is presented in N.J.Khojaeva's article. The work covers the period before Islam spread in the region and focuses on the Avestan geographical tradition reconstructed from the texts of Avesta and Pahlavi literature. It examines the reports of Russian expeditions which recorded toponymical, hydrographic and ethno-cultural features of the region. An interdisciplinary approach allows the author to systemize ancient geographical features and identify onyms and hydronyms mentioned in Avestan canons. The results are important for reconstructing ethnic and cultural identity of Tajiks and developing Zoroastrianism. Materials from Russian researchers serve as the basis for further studies in Avestic geography and Zoroaster's biography.

The section "Power, Politics, State" presents an interdisciplinary analysis of the political life and state structure of several countries. A.A.Azarenkova's article analyzes the mechanisms by which historical narratives about the events of World War II are used to construct public consciousness in contemporary Romania. The work examines in detail the rhetorical strategies and ideological tools employed by political elites to shape national identity and legitimize the actions of the authorities. This is the purpose of a specific interpretation of the events of World War II. The author carefully examines scholarly works, materials from Romanian media, museum and memorial work in the country, and constructs the process by which historical narratives influence public consciousness.

O.V.Agafonova's article discusses changes in Germany's defense policy. This "change of era led to the development of the National Security Strategy and Military Strategy, which consolidated a course towards building up Germany's defensive potential and redefining Germany's role in Euro-Atlantic security. The author interprets these changes as "transitional normalisation" – a strengthening of military capability while maintaining multilateralism and rule of law principles. Germany's historical strategic culture determines its likelihood of becoming a leading military power within NATO, as evidenced by the dynamics of rearmament.

M.V.Pupysheva's research focuses on the formation and transformation of memory politics in Spain. The author demonstrates that attitudes toward the past in the country have not been static. At various stages, Spanish society and the state have interpreted historical legacy, controversial events, and figures differently. The focus is on the mechanisms through which collective memory is formed: memorial institutions, educational programs, cultural practices, public debates, and initiatives of various social groups. The author examines how Spain uses these mechanisms to rethink complex chapters of its history and construct a sense of national identity. This publication helps us understand why memory politics in Spain remains an important part of social and political life, and why debates about the past directly influence contemporary processes and societal sentiments.

I.V.Chaiko's article is becoming particularly important due to the increasing conservative trends in politics in different countries. Examining these processes through the lens of the neo-patrimonial approach, which upholds traditional practices in contemporary management, revealed that Berlusconi's strategy aligned with Italy's cultural and historical traditions. The author identifies shared characteristics of "Berlusconism," "Trumpism," and other phenomena where traditional values are intertwined with social and economic progress.

Dear Readers!

The materials presented in this issue of the journal demonstrate the significance and interconnectedness of scholarly understanding of memory, identity, security, and international processes. By bringing together diverse research approaches and thematic perspectives, the journal creates a space for meaningful dialogue, critical analysis, and the further development of humanities scholarship.

We would like to express our special gratitude to our authors, reviewers, and readers, whose participation and contributions support the realization of our mission.

With sincere respect to our readers and authors,
Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Vitaly Naumkin

ISSN 2782-3067 (Print)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Вместо единой монолитной идеи, оправдывающей внешний экспансионизм или апеллировавшей к патриотическим чувствам сограждан, милитаризм постмодерна являет собой хаотический набор установок на насилие, непримиримость и вражду.

Цыбаков Д.Л.
Мировоззренческие основы милитаризации мировой политики в условиях многополярности

Полученные данные свидетельствуют о глубокой секьюритизации восприятия России. Страна рассматривается прежде всего как экзистенциальная угроза европейской безопасности, а не как партнер или даже геополитический противник – определение, которым характеризовали Россию до 2022 г. в стратегических документах ФРГ.

Кирилина Е.Ю.
Конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ

…Потенциал ОДКБ и принцип открытости трансъевразийской структуры безопасности в совокупности способны не только укрепить роль ОДКБ в формировании указанной структуры безопасности, но и содействовать преодолению возникающих препятствий на пути к обеспечению стабильности в Евразии.

Одибоев К.М.
О перспективах ОДКБ стать ядром формирующейся архитектуры безопасности в Евразии

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
РОССИЯ И МИР
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научная статья
Политические науки
УДК 327
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-24-34

Мировоззренческие основы милитаризации мировой политики в условиях многополярности

Дмитрий Леонидович Цыбаков✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия
d413839@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8240-6415

Аннотация. В статье осуществляется всесторонний анализ трансформации мировоззренческих основ милитаризации политики в условиях многополярной эпохи, что позволяет выявить ключевые тенденции и закономерности в данной области. Проводится систематизация научных представлений о духовных корнях традиционного и империалистического милитаризма, что позволяет глубже понять их природу и механизмы функционирования. На основе анализа достижений политической мысли делается вывод о наличии имманентного милитаристского потенциала в контексте современных глобальных трансформаций. Результаты исследования подчеркивают необходимость учета морально-нравственных и идейно-политических аспектов при определении уровня милитаризации в мировом сообществе в процессе перехода от постбиполярного миропорядка к многополярной системе. Доказывается тесная взаимосвязь между развитием духовной сферы международных отношений и содержанием военно-политического экспансионизма в эпоху постмодерна, что позволяет выявить диалектические предпосылки для развития и ограничения милитаризма в условиях глобализации. Отмечается мимикрия милитаристских проявлений в постиндустриальных странах, которые успешно адаптируются к современным реалиям, что свидетельствует о способности милитаризма к эволюции и расширению своего технологического и идеологического арсенала.

В итоге потенциал военно-политического экспансионизма используется в целях воздействия на общественное сознание субъектами, изначально антагонистическими по отношению к идеологии милитаризма. Идейно-политические концепции этатистского характера признаются основным конкурентом транснациональной мировоззренческой парадигмы милитаризации в условиях нового мирового порядка, что требует дальнейшего углубленного анализа и разработки стратегий противодействия милитаристским тенденциям.

Ключевые слова: милитаризация, милитаризм, мировая политика, многополярность, мировой порядок

Для цитирования: Цыбаков Д.Л. Мировоззренческие основы милитаризации мировой политики в условиях многополярности // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 24-34, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-24-34

Original article
Political Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-24-34

Ideological Foundations of the Militarization of World Politics in a Multipolar Era

Dmitry L. Tsybakov✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
d413839@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8240-6415

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the transformation of the ideological foundations of the militarized politics in the multipolar era, which allows us to identify key trends and patterns in this field. Scientific ideas about the spiritual roots of traditional and imperialist militarism are being systematized, which allows for a deeper understanding of the nature and functioning of these mechanisms. Based on the analysis of the achievements of political thought, it is concluded that there is an inherent militaristic potential in the context of modern global transformations. The results of the study emphasize the need to take into account moral, ideological, and political aspects when determining the level of militarization in the world community during the transition from a post-bipolar world order to a multipolar system. The article proves the close relationship between the development of the spiritual sphere of international relations and the content of military-political expansionism in the postmodern era, which makes it possible to identify dialectical prerequisites for the development and limitations of militarism in the context of globalization. There is a mimicry of militaristic manifestations in post-industrial countries that are successfully adapting to modern realities, which indicates the ability of militarism to evolve and expand its technological and ideological arsenal. As a result, the potential of military-political expansionism is used to influence public consciousness by subjects who are initially antagonistic to the ideology of militarism. Ideological and political concepts of a statist nature are recognized as the main competitor of the transnational ideological paradigm of militarization in the new

© Цыбаков Д.Л., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

© Цыбаков Д.Л., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

world order, which requires further in-depth analysis and development of strategies to counter militaristic tendencies.

Keywords: militarization, militarism, global politics, multipolarity, world order

For citation: Tsybakov D.L. Ideological Foundations of the Militarization of World Politics in a Multipolar Era. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 24-34, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(30)-24-34

Введение

Наступление эпохи многополярного мира вновь заставляет научное сообщество возвратиться к осмыслению проблемы милитаризации международных отношений. В современном политологическом дискурсе представляется очевидным, что социумы постиндустриальных стран по-прежнему остаются вовлечены в орбиту развития очередных вариаций милитаризма XXI столетия. Новые методы, технологии и практики военно-политического экспансионизма в настоящее время формируются и проявляются со стороны социальных групп, относящихся к лидерам нового мирового порядка. Наряду с доминированием высоких технологий и колоссальным возрастанием индивидуального и общественного комфорта, созданием уникальных условий для реализации социальной инициативы и удовлетворения индивидуальных и корпоративных потребностей, культ насилия и агрессии продолжает занимать весомое место в мировоззрении общества эпохи постмодерна.

В дополнение к этому инициатором войн и конфликтов «нового типа», как и в индустриальную эпоху, сегодня становятся не аутсайдеры мирового порядка, а передовые в технологическом и экономическом отношении социальные сообщества и государства. Как справедливо замечено российским ученым В.В.Аристарховым, конфликт мировоззрений на глобальном уровне провоцируют субъекты, претендующие на роль выразителей идей справедливого и совершенного мироустройства, апеллирующие к демократическим принципам и «общечеловеческим ценностям» [2, с. 4-11].

Таким образом, возникает очевидное смысловое противоречие между беспрецедентным возрастанием материальной базы развития, его глобализацией и высокой технологизацией, с одной стороны, и воспроизводством милитаристских проявлений, которые создают реальную опасность возникновения очередной мировой войны. Закономерно вошедшие в постмодернистскую эпоху социумы стран «золотого миллиарда» (США и Западной Европы) оформляют и ретранслируют такие социальные свойства и признаки, как нетерпимость, радикализм, волюнтаризм, деструктивизм. Интенсивное культивирование в массовом сознании концептов политкорректности, «равенства и «многообразия», демонстрирует противоположный результат. Имеет место поляризация общественных умонастроений, усугубляется идейное и моральное размежевание духовной сферы постиндустриального социума, которое выходит далеко за пределы конкретных национально-государственных границ.

Серьезной проблемой признается нарастание духовного раскола между представителями разных этносов и конфессиональных сообществ. В дополнение к чему происходит эрозия ментальности политических и гражданских наций развитых стран, их дезинтеграция на антагонистические сегменты прежде вполне консолидированного культурного пространства. Тем самым в значительной мере опровергаются устоявшиеся представления о способности идеологов и вдохновителей внешнеполитических доктрин преодолеть конфронтационные стереотипы прошлых эпох. В связи с этим представляется необходимым расширение исследовательского поля политического знания в сфере уточнения духовных и мировоззренческих факторов современной фазы милитаризации мировой и региональной политики.

Материалы и методы

Тематика идеологического обеспечения военно-политического экспансионизма в многополюсном мире продолжает пребывать на периферии теории международных отношений, и в настоящее время момент характеризуется отсутствием прочного и последовательного исследовательского дискурса. Арсенал знаний в данном направлении весьма опосредованно взаимосвязан с практической стороной милитаристских проявлений в стратегиях и действиях претендентов на глобальную или региональную гегемонию. При написании статьи автором использовался массив научных публикаций и экспертных оценок отечественных и зарубежных исследователей в предметной области изучения проблематики международной и региональной безопасности, систематизировались политологические концепции в области объяснения предпосылок и политической природы современного военно-политического экспансионизма. В качестве опорных исследовательских методов нашли применение сравнительный, исторический и структурно-функциональный подходы. Принимались во внимание принципы геополитической научной традиции, адаптированные к современным условиям [17].

Учитывалась политико-философская традиция XIX–XX столетий, трактующая милитаризм в первую очередь через призму духовного измерения политических отношений, включая прямое и косвенное влияние идеологии вооруженной борьбы на направленность и итоги мирового политического процесса [18, с. 328]. Весьма показательным в данном контексте представляются разработки российского ученого Ю.С.Курочкина, объяснявшего милитаризм в качестве образа жизни и функционирования политических систем, культивирующих моральное оправдание насилия и жертвенности ради него [11, с. 73].

Согласно классику военно-политической мысли Д.Фуллеру, международно-политическое противоборство включает в себя физическую, ментальную и моральную доминанты. События эпохи глобализации наглядно доказывают, что все из них продолжают оставаться предметом приложения усилий соперничающих геополитических акторов. Подрыв ментальных процессов в противостоящем лагере

и разрушение воли неприятеля к продолжению борьбы сочетаются с политической пропагандой и популяризацией идеологии вооруженной борьбы в общественном мнении своей страны и массовом сознании государств-союзников и мирового сообщества в целом [16]. Таким образом, духовная доминанта международных отношений, мировоззрение и ментальность составляющих ее культур народов и этносов закономерно проявляют себя в двух проекциях: как один из объектов милитаристской политики, так и в качестве одной из движущих сил и источников традиционного и современного милитаризма.

Результаты исследований

Специфические черты и параметры милитаризации в постбиполярный период

Закономерно, что по мере эволюции системы международных отношений и перехода к многополярной фазе развития в границах изменившегося духовного мира человечества заявляют о себе очередные модели и формы феномена милитаризма.

Показательно, что милитаризация постмодернистской эпохи приобретает особенный характер на фоне весьма разнонаправленных процессов социального бытия в условиях глобализации мирового порядка. Многополярность по своей сути содержит диалектические предпосылки и для развития, и для ограничения милитаризма в области глобальных коммуникаций [10, с. 25-30]. Весьма показателен скепсис и пессимизм представителей различных течений и школ постмодерна по отношению к насилию, войне и государственной власти как основным компонентам ценностной системы милитаризма [1, с. 128-136]. Что должно было бы ниспровергать значение культа вооруженной борьбы в сознании обладателей глобалистского мировоззрения и культуры. Однако нарастание военных приготовлений, развитие конфликтогенного потенциала планеты, радикализация общественных настроений в высокоразвитых странах свидетельствуют о мимикрии милитаристских проявлений и их приспособлении к реалиям современности. Только в 2025–2026 гг. на планете отмечалось не менее 9 крупных военных конфликтов, половина из которых может быть отнесена к региональным войнам. Милитаризм многополюсной эпохи постмодерна продолжает эволюционировать, восполняя своей технологический и идеологический инструментарий, приобретая новые черты и формы своего выражения.

Как аргументирует В.Г.Барановский, различные сферы жизнедеятельности глобализирующегося мира демонстрируют наглядные примеры ранее не известных либо некогда преданных забвению проявлений международно-политической борьбы [3, с. 8-20]. На уровне внутреннего милитаризма наблюдается вовлечение в орбиту военных приготовлений и сопровождающую их милитаризацию сознания социальных групп, ранее, в традиционном и индустриальном обществах, сепарированных от военной службы и участия в вооруженной борьбе. Обратим внимание на доказанную российским ученым В.К.Белозеровым в рамках концепта военно-гражданских отношений фактическую конвергенцию военных и партикулярных форм жизнедеятельности в современном социуме [4, с. 15].

В дополнение к этому продвигаемые глобальными элитами в качестве императивов духовного развития такие явления, как толерантность, политкорректность, мультикультурализм, должны были бы выступать очевидными препятствиями для распространения экстремистских идейных установок и воинствующих мировоззренческих доктрин [8, с. 153-161]. Однако именно отказ признать приемлемость так называемых «новых ценностей» со стороны государств и конкретных этносов выступает одной из причин эскалации отношений между атлантическими державами и странами «второго» и «третьего» миров. В научном сообществе отмечается, что наряду с показным гуманизмом и пацифизмом мыслители-постмодернисты многое сделали для принятия общественным сознанием наиболее деструктивных и неконвенциональных форм современного проявления политического насилия [6, с. 171].

Однако, встречая моральное неприятие и отторжение со стороны сторонников традиционных ценностей, либертарианские сообщества, наоборот, на деле отказываются от проповедуемых принципов терпимости и взаимного уважения и развертывают против своих оппонентов беспощадную идеологическую борьбу. В орбиту идейного противостояния между условными «либералами / либертарианцами» и «консерваторами-традиционалистами» объективно вовлекаются не только внутриполитический, но и наднациональный и межгосударственный секторы мирового политического процесса.

Последствия милитаризации для идеологии современной международно-политической борьбы

Наиболее явное отличие ситуации многополярного мира от периода после окончания холодной войны – это реконструкция имперских традиций в политике претендентов на глобальное или региональное доминирование. Не вызывает сомнения стремление части политических элит постиндустриальных государств и развивающихся стран отказаться от безусловного следования диктату глобализма и противопоставить им все новые вариации великодержавной внешней политики [22]. В зарубежной науке неоимперские проекты признаны неотъемлемым параметром функционирования и постбиполярного, и многополярного мирового порядка [20]. В отечественной политической мысли мнение о наступлении нового этапа постимперского соперничества поддерживается И.Д.Лошкарёвым и Д.А.Пареньковым [12, с. 91-97]. В работах исследователя Е.Ю.Милешкиной обосновано повышение значения современных неоимперских тенденций в проекции нового мирового порядка [13, с. 10-29]. Российский ученый С.В.Ткачев доказывает преждевременность констатации отказа лидеров многополярного мира от политики империалистического колониализма [14, с. 26-31].

Также представляется важным признание логической связи между неоимперскими концептами и милитаризацией политики. Как обосновывается С.Н.Гриняевым, наряду с военно-силовым экспансионизмом США, в настоящее время заявляет о себе угроза международной стабильности со стороны интенсивной милитаризации ареала «единой Европы» [5, с. 15].

Как следствие ревизии основ нового мирового порядка в 2010–2020-е гг. отмечена эксплуатация правящими элитами геополитического и идеологического наследия эпохи доминирования мировых империй. Постепенно оказался преодолен характерный для постбиполярного периода кризис имперского вектора в институционализации субъектов международных отношений.

Например, в период доминирования в США и Западной Европе либерально-глобалистских правящих и культурных элит, что пришлось на первые два десятилетия XXI в., именно через возможности военной пропаганды и дисциплинарного инструментария осуществлялась идейная обработка социальных групп в духе приверженности «новым ценностям». Ведущее место среди последних занимает так называемая «расово-гендерная» повестка, реализуемая посредством «политики инклюзии». Таковая трактуется как неполноценная и неприемлемая с точки зрения традиционной морали и кодексов чести военно-профессиональной среды практически всех государств – участников Североатлантического блока и патронируемых им международных коалиций и организаций.

Таким образом, как и в период империалистического милитаризма, функции вооруженных сил выходят за границы поддержания обороноспособности и обеспечения национальной безопасности. В постмодернистском обществе задачи военной политики в очередной раз оказываются предельно идеологизированы и включены в проекты переформатирования традиционного мировоззрения цивилизации Глобального Севера [7, с. 3224-3232]. Реформирование идейно-ценностной мотивации военной политики в начале XXI столетия в западных обществах интегрировано с максимальной компрометацией суверенной государственности как опорного фундамента традиционалистских и консервативных устоев.

Однако в связи с реваншем традиционалистского крыла «политического класса» США в 2024 г. глобалистские тенденции в проведении внешней экспансии уступили место неоимперским проектам. Фактически оказался дезавуирован и концепт либерального интервенционализма, лежавший в основе стратегий англосаксонских держав в период холодной войны и сразу после ее окончания [21]. Помимо Соединенных Шатов очевидный акцент на внешнюю экспансию отличает содержание политики Великобритании, Израиля, Турции, Польской республики, нацеленных на мировой или региональный гегемонизм [9].

Однако именно трамписты фактически отошли от идей безусловной поддержи НАТО в деле преобразования этого блока в глобальную организацию безопасности [19, с. 70]. Риторика евроатлантизма оказалась замещена культом «восстановления величия США». Опорными компонентами этой доктрины являются экономический протекционизм, призывы к территориальным захватам, игнорирование союзных

обязательств перед Европой и формирование ситуационных международных военно-политических коалиций.

Таким образом, милитаризм и империализм вновь взаимно дополняют друг друга, хотя еще недавно считалось, что имперский экспансионизм ушел в прошлое, уступив место глобальным проектам доминирования и различным негосударственным и транснациональным милитаристским проявлениям.

Выводы

Стратегии обеспечения национальной безопасности и концепции внешней политики в многополюсном мире во многом подчинены ангажированным идейным доктринам. Стараниями интеллектуальных кругов в мировом общественном мнении заполняется идеологический вакуум, наступивший после коллапса идей коммунизма и социализма. В силу последовательной и всесторонней компрометации института публичной власти идеологии глобализма способствовали очевидному «разгосударствлению» современной версии милитаризма. Отсюда проистекают такие ее характеристики, как деконцентрация субъектного состава и наличие множества центров милитаристской политики и идеологии. Вместо единой монолитной идеи, оправдывающей внешний экспансионизм или апеллировавшей к патриотическим чувствам сограждан, милитаризм постмодерна являет собой хаотический набор установок на насилие, непримиримость и вражду. Особенно показателен пример трансформации сообщества «единой Европы», либеральные демократии которой на фоне эскалации отношений с Россией демонстрируют обвальный процесс милитаризации своей консолидированной внешней политики [15, с. 59].

Однако мировоззренческая парадигма лидеров мировой политики к настоящему времени представляет собой достаточно аморфный и лабильный идеологический конструкт. Наблюдается постоянная конкуренция различных подходов и идейных концептов за право определять вектор национально-государственных интересов в глобализирующемся мире. Тем самым предопределяется поляризация принципов и мнений относительно наиболее адекватного выбора современных геостратегий, которые варьируются в весьма широком диапазоне – от изоляционизма и миротворчества до экспансионизма и милитаризации. Мировоззренческий контекст постбиполярного периода во многом предопределялся тем обстоятельством, что на планете не имелось влиятельных держав, способных ответить на вызов атлантической цивилизации.

Теперь же, в ситуации 2020-х гг., имеет место полномасштабная мировоззренческая и идеологическая ревизия предназначения государства как актора мирового порядка. Обвальная эскалация международных отношений сопровождается мимикрией идейно-политического ландшафта развитых постиндустриальных государств. С идеями трансатлантизма и евроцентризма сегодня успешно конкурируют неоимперские проекты мировой или региональной экспансии.

С изменением баланса сил в многополюсном мире к властвующим элитам и их идейно-политическим союзникам приходит понимание преждевременности отказа от устранения этатистского фактора из неустоявшейся архитектуры мирового порядка. Причем этатизация проецируется в большей степени не на формат отстаивания интересов классического национального государства, а на формировании стратегий великодержавного характера. Отражением чего стал концепт неоимперского милитаризма, конкурирующий как с глобалистскими доктринами, так и с идеологией суверенной государственности. Тем самым предопределена грядущая модернизация мировоззренческой платформы милитаризации XXI столетия, ее вовлечение в орбиту неоимперской экспансии мировых акторов, которая со всей очевидностью превращается в основной дестабилизирующий фактор единого пространства безопасности планеты.

Список литературы

1. Алексеенкова И.А. «Состояния насилия» как форма войны в эпоху постмодерна [«States of Violence» as a Form of War in the Postmodernity] // Научное мнение. 2014. № 8. С. 128–136.
2. Аристархов В.В. Общечеловеческие ценности и конфликт цивилизаций [Universal Values and the Conflict of Civilizations] // Журнал института наследия. 2024. № 2(37). С. 4–11.
3. Барановский В.Г., Кувалдин В.Б. Глобальный конфликт: атрибут меняющегося миропорядка или устаревший инструмент его трансформации? [Global Conflict: An Attribute of a Changing World Order or an Outdated Instrument of Its Transformation?] // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 8–20.
4. Белозеров В.К. Политический феномен военной деятельности [Political Phenomenon of Military Activity]. М.: АТИСО, 2009. 392 с.
5. Гриняев С.Н. Милитаризация европейского Запада и Арктики: изменение стратегического баланса и угрозы интересам РФ [Militarization of the European West and the Arctic: Changing Strategic Balance and Threats to the Interests of the Russian Federation] // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 4(44). С. 12–19.
6. Гро Ф. Состояния насилия [States of Violence] // Логос. 2011. Т. 1(80). С. 149–171.
7. Денильханов А.Х. Либеральный оптимизм и кризис идеологии либерализма: аксиологический аспект [Liberal Optimism and the Crisis of the Ideology of Liberalism: An Axiological Aspect] // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7(95). С. 3224–3232.
8. Дрожжина С.В. Влияние глобализации на формирование универсальных ценностей: социально-философский контекст [The Impact of Globalization on the Formation of Universal Values: Social and Philosophical Context] // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3(39). С. 153–161.
9. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. [Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic in the 20th–21st Centuries]. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2019. 380 с.
10. Иванова С.И. Глобализация и конфликты идентичности [Globalization and Identity Conflicts] // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2025. № 3(55). С. 25–30.
11. Курочкин Ю.С. Экономическая война [Economic War]. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. 1191 с.
12. Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А. Постимперские траектории в мировой политике [Post-Imperial Trajectories in World Politics] // Право и управление. XXI век. 2017. № 4(45). С. 91–97.
13. Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций [Post-Imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations] // Политическая наука. 2013. № 3. С. 10–29.
14. Ткачев С.В. Империя и колониализм в современном мире [Empire and Colonialism in the Modern World] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 26–31.
15. Трунов Ф.О. Тенденции милитаризации европейских «либеральных демократий» [Militarization Trends of European «Liberal Democracies»] // Международная жизнь. 2025. № 10. С. 46–59.

16. Фуллер Д. Оружие в истории. От пращи до ядерной бомбы [Weapons in History. From Slingshot to Nuclear Bomb]. М.: Центрполиграф. 2025. 286 с.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Clash of Civilizations]. М.: АСТ, 2003. 603 с.
18. Штейнметц Р. Философия войны [Philosophy of War]. Петроград: Образование, 1915. 328 с.
19. Шариков П.А. «Трампизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы [«Trumpism» as the Dominant Movement in the US Republican Party in the 2020s] // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 70–94. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94.
20. Klieman A. Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. New York, Dordrecht, London: Springer International, 2015. 264 p.
21. Williams A. Liberalism and War: the Victors and Vanquished (The New International Relations). New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge, 2006. 249 p.
22. Snyder J. Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition. London: Cornell university press, 2013. 559 p.

Информация об авторе

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович. Доктор политических наук. Доцент. Профессор кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета; https://orcid.org/0000-0001-8240-6415. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1. d413839@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseenkova I.A. “States of Violence” as a Form of War in Postmodernity. Nauchnoe mnenie [Scientific Opinion]. 2014; 8:128–136 [In Russian].
2. Aristarkhov V.V. Universal Values and the Conflict of Civilizations. Zhurnal Instituta Naslediya [The Heritage Institute Journal]. 2024; 2(37):4–11 [In Russian].
3. Baranovsky V.G., Kuvaldin V.B. Global Conflict: An Attribute of a Changing World Order or an Outdated Instrument of Its Transformation? Polis (Politicheskie issledovaniya) [Polis (Political Studies)]. 2023; 6:8–20 [In Russian].
4. Belozerov V.K. Political Phenomenon of Military Activity. Moscow: ATISO [ATISO], 2009. 392 p. [In Russian].
5. Grinyaev S.N. Militarization of the European West and the Arctic: Changing Strategic Balance and Threats to the Interests of the Russian Federation. Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Papers of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2025; 4(44):12–19 [In Russian].
6. Gro F. States of Violence. Logos [Logos]. 2011; 1(80):149–171 [In Russian].

7. Denilkhanov A.Kh. Liberal Optimism and the Crisis of the Ideology of Liberalism: An Axiological Aspect. Voprosy politologii [Political Science Issues]. 2023; 13,7(95):3224–3232 [In Russian].
8. Drozhzhina S.V. The Impact of Globalization on the Formation of Universal Values: Social and Philosophical Context. Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya [Economic and Social-Humanitarian Studies]. 2023; 3(39):153–161 [In Russian].
9. Ivanova I.I. Evolution of the Middle East Policy of the Turkish Republic in the 20th-21st Centuries. Moscow: Izdatel' Vorob'yov A.V. [A.V.Vorobyov Publisher], 2019. 380 p. [In Russian].
10. Ivanova S.I. Globalization and Identity Conflicts. Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk [Modern Problems of the Humanities and Social Sciences]. 2025; 3(55):25–30 [In Russian].
11. Kurochkin Yu.S. Economic War. Novosibirsk: Siberian University Publishing House, 2001. 1191 p. [In Russian].
12. Loshkarev I.D., Parenkov D.A. Post-Imperial Trajectories in World Politics. Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and Management. XXI Century]. 2017; 4(45):91–97 [In Russian].
13. Meleshkina E.Yu. Post-Imperial Spaces: Features of the Formation of States and Nations. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2013; 3:10–29 [In Russian].
14. Tkachev S.V. Empire and Colonialism in the Modern World. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikumena. Regional Studies]. 2023; 2:26–31 [In Russian].
15. Trunov F.O. Militarization Trends of European "Liberal Democracies". Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]. 2025; 10:46–59 [In Russian].
16. Fuller D. Weapons in History. From Slingshot to Nuclear Bomb. Moscow: Centerpoligraf [Centerpoligraf]. 2025. 286 p. [In Russian].
17. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow: AST [AST], 2003. 603 p. [In Russian].
18. Steinmetz R. Philosophy of War. Petrograd: Obrazovanie [Education], 1915. 328 p. [In Russian].
19. Sharikov P.A. "Trumpism" as the Dominant Movement in the US Republican Party in the 2020. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics]. 2024; 16(4):70–94 [In Russian]. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-70-94.
20. Klieman A. Great Powers and Geopolitics: International Affairs in a Rebalancing World. New York, Dordrecht, London: Springer International, 2015. 264 p. [In English].
21. Williams A. Liberalism and War: the Victors and Vanquished (The New International Relations). – New York, London: Taylor and Francis Group, Routledge, 2006. 249 p. [In English].
22. Snyder J. Myths of empire: domestic politics and international ambition. London: Cornell university press, 2013. 559 p. [In English].

About the author

Dmitry L. TSYBAKOV. DSc. (Polit.). Associate Professor. Professor of the Department of Political Science at Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0001-8240-6415. Address: Build. 1, Ostozhenka str., 38, Moscow, 119034, Russian Federation. d413839@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья Политические науки
УДК 327
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-35-49

Конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ

Елизавета Юрьевна Кирилина ✉
Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)
liz.kirilina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9205-2961

Аннотация. Восприятие государства в международных отношениях редко бывает нейтральным: оно является продуктом целенаправленного смыслового конструирования. Статья посвящена выявлению содержательных характеристик образа России, формируемых ключевыми экспертно-аналитическими институтами ФРГ, и их роли в обосновании и легитимации политики современной Германии. Методологической основой выступают конструктивизм и теория секьюритизации Копенгагенской школы, позволяющие рассматривать «фабрики мысли» как активных акторов, формирующих интерпретационные рамки для политических решений. Особое внимание уделяется институциональной структуре германского экспертного сообщества, включающего партийные фонды и независимые аналитические центры, активно участвующие в формировании внешнеполитической повестки. В качестве основного метода исследования применяется дискурс-анализ, направленный на выявление устойчивых смысловых структур, посредством которых формируется образ России. Дополнительно используется контент-анализ для фиксации частотности ключевых смысловых единиц. Эмпирическую базу исследования составили публичные отчеты и аналитические доклады ведущих германских информационно-аналитических центров и партийных фондов за актуальный период. Автор приходит к выводу, что образ России целенаправленно конструируется как экзистенциальная и ревизионистская угроза европейской безопасности, движимая империалистическими амбициями, что легитимирует курс ФРГ на милитаризацию и конфронтацию. Этот

© Кирилина Е.Ю., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

образ характеризуется высокой степенью секьюритизации, что существенно сужает пространство для диалога и выстраивания отношений не по конфронтационному сценарию. Значимость статьи заключается в необходимости учета результатов работы информационно-аналитических центров ФРГ при формировании внешнеполитического курса России на германском направлении и прогнозировании возможных действий Германии, которые могут угрожать национальным интересам России.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2026-0002).

Ключевые слова: образ России, информационно-аналитическое обеспечение, ФРГ, экспертные сообщества, think tanks, партийные фонды, конструктивизм, секьюритизация, внешняя политика, международные отношения, дискурс-анализ, российско-германские отношения

Для цитирования: Кирилина Е.Ю. Конструирование образа России в экспертно-аналитическом дискурсе ФРГ // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 35-49, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-35-49

Original article Political Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-35-49

Construction of the Image of Russia in the Expert-Analytical Discourse of Germany

Elizaveta Yu. Kirilina ✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
liz.kirilina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9205-2961

Abstract. Perception of a state in international relations is rarely neutral. It is a product of purposeful meaning-making, and this article identifies the substantive characteristics of Russia's image shaped by key German expert analytical institutions and examines their role in justifying and legitimizing current German policies. The methodological basis of this study is constructivism and the Copenhagen School's theory of securitization. This allows us to consider think tanks as active actors who shape interpretative frameworks for political decisions. Particular attention is paid to the institutional structure of the German expert community, including party foundations and independent analytical centers that are actively involved in shaping the foreign policy agenda. The primary research method is discourse analysis, supplemented by content analysis to track the frequency of key semantic units. The empirical basis comprises public reports and analytical papers from leading German analytical centers and political foundations. The author concludes that Russia's image is purposefully constructed as an existential and revisionist threat to European security, driven by imperial ambitions. This legitimizes the FRG's course toward militarization and confrontation. This image is characterized by a high degree of securitization, which significantly narrows the space for dialogue and the development of non-confrontational relations. The article's significance lies in the necessity of considering the output of Germany's analytical centers when formulating Russia's foreign policy toward Germany and forecasting potential German actions that may threaten Russia's national interests.

The study was carried out as part of the state-funded research assignment of Moscow State Linguistic University (project No. FSFU-2026-0002).

Keywords: image of Russia, information and analytical support, Germany, expert communities, think tanks, political foundations, constructivism, securitization, foreign policy, international relations, discourse analysis, Russian-German relations

For citation: Kirilina E.Yu. Construction of the Image of Russia in the Expert-Analytical Discourse of Germany. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 35-49, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(30)-35-49

Введение

Сегодня внешнеполитический ландшафт Европы переживает фундаментальную трансформацию [14]. Регион, и прежде всего ФРГ, некогда декларировавший приверженность миру, осуществляет активную милитаризацию[1], отказываясь от прежних пацифистских установок в пользу политики сдерживания [20] и наращивания оборонного потенциала. В условиях данной трансформации возрастает роль экспертно-аналитических структур в формировании интерпретационных рамок внешней политики. Данные субъекты выступают посредниками между академическим знанием, политическими институтами и общественным мнением, участвуя в формировании дискурсивных конструкций, влияющих на процессы принятия решений.

Материалы и методы

Высокую степень влияния экспертного сообщества на сферу внешней политики ФРГ также отмечают многие отечественные исследователи, к примеру, В.Б.Белов в докладе на конференции «Образ России и Германии в глазах общественности двух стран и в зеркале СМИ»[2]. Н.В.Ивкина в своем исследовании, посвященном роли германских аналитических центров в формировании образа России, говорит о том, что подобные структуры выступают ключевыми негосударственными акторами, влияющими на международную повестку, причем их аналитические материалы не только дают экспертные оценки, но и активно транслируются в медийное пространство, закрепляя определенные представления в общественном сознании [10, с. 96].

1 Лавров: в Германии наблюдаются признаки ренацификации. URL: https://tass.ru/politika/25183397.
2 Образ России и Германии в глазах общественности двух стран и в зеркале СМИ. URL: https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/19112020.

В германском политико-экспертном пространстве Россия уже длительное время занимает центральное место в обсуждениях вопросов безопасности [18], стратегической автономии Европы и трансформации трансатлантических отношений. В этой связи представляется актуальным исследование того, каким образом в современных условиях в материалах ведущих германских аналитических центров и партийных фондов[3] конструируется образ России и какие смысловые рамки доминируют в соответствующем дискурсе.

Выбор хронологических рамок исследования связан с ключевым политическим рубежом в новейшей истории ФРГ – правительственным заявлением канцлера Ф.Мерца от 14 мая 2025 г.[4] В нем был задан тон и обозначены направления для последующей деятельности всех институтов, включая экспертное сообщество [3, с. 54].

Методологической основой работы выступает конструктивизм в международных отношениях, согласно которому государственные интересы и угрозы не являются исключительно объективно заданными, а формируются в процессе социального взаимодействия и интерпретации. Дополнительную аналитическую рамку предоставляет теория секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы (О.Вэвер, Б.Бузан [24]), согласно которой угроза становится политически значимой в результате дискурсивного акта.

Результаты исследования

Институциональная структура экспертно-аналитического дискурса ФРГ: субъекты и их типология

В современной политической науке экспертно-аналитические институты рассматриваются не просто как продуценты специализированного знания [13], но и как значимые акторы политического процесса [1, с. 13], выполняющие функции обоснования, легитимации и медиации внешнеполитических решений. Применительно к ФРГ эта роль приобретает особое значение в силу укоренившейся традиции тесного взаимодействия научно-экспертного сообщества с органами государственной власти [6].

Прежде чем перейти к анализу содержательных аспектов образа России, представляется необходимым охарактеризовать институциональную структуру [15] экспертно-аналитического дискурса ФРГ. Понимание того, какие субъекты задействованы в информационно-аналитическом обеспечении внешней политики Германии, позволяет не только оценить репрезентативность отобранных источников, но и выявить степень их ангажированности, что напрямую сказывается на достоверности выводов о конструируемом образе. В зависимости от степени интеграции в государственный механизм, источников финансирования и уровня институционального контроля данные субъекты могут быть классифицированы на три основные группы.

Первая группа представлена официальными государственными институтами, такими как: разведывательные службы (Федеральная разведывательная служба Германии (BND), Федеральное ведомство по охране конституции (BfV)) и профильные структуры Ведомства федерального канцлера. Продуцируемые ими материалы носят преимущественно закрытый характер и предназначены для узкого круга высшего политического руководства, в силу чего они не выступают полноценным источником для анализа публичного дискурса.

Вторую группу составляют партийные фонды ФРГ – формально независимые, но идеологически аффилированные [16, с. 59] с политическими партиями. В современной Германии насчитывается семь таких фондов: Фонд Конрада Аденауэра (ФКА)*[5], Фонд Фридриха Эберта (ФФЭ)*[6], Фонд Розы Люксембург*[7], Фонд Фридриха Науманна*[8], Фонд Ханса Зайделя*[9], Фонд Генриха Белля*[10] и Фонд Дезидериуса Эразма. В рамках данного исследования особого упоминания требует Фонд Дезидериуса Эразма, учрежденный в 2017 г. и аффилированный с партией «Альтернатива для Германии» (АдГ). Ввиду отсутствия релевантных публикаций фонда за исследуемый период его материалы не вошли в корпус источников. Тем не менее следует констатировать недостаточную изученность деятельности данной структуры в российском академическом дискурсе, что представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований. Актуальность изучения нарративов обусловлена фиксируемым экспертами (в частности, П.М.Рукавицыным [17, с. 107]) совпадением идеологических установок отдельных представителей партии АдГ с позицией официальной Москвы по ряду вопросов, включая критику расширения НАТО и требование отмены санкционного режима[11].

3 В соответствии с распоряжениями Минюста России от 8 апреля 2022 г. партийные фонды ФРГ исключены из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций.

4 Regierungserklärung von Bundeskanzler Friedrich Merz. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-friedrich-merz-2347888.

5 *Фонд Конрада Аденауэра включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

6 *Фонд имени Фридриха Эберта включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

7 *Фонд имени Розы Люксембург включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

8 *«Фонд имени Фридриха Науманна за свободу» включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

9 *Фонд имени Ханнса Зайделя включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

10 *Фонд имени Генриха Белля включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

11 Zeit für Deutschland. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf.

В третью группу включены независимые исследовательские институты («think tanks» или «Gedächtnis»). Их продукция носит публичный характер и оказывает прямое воздействие как на медийную повестку, так и на процесс выработки внешнеполитических решений [8]. Ключевыми игроками здесь являются: Германский институт международных политических исследований (SWP), который является одним из ведущих центров по вопросам внешней политики и безопасности; Немецкое общество внешней политики (DGAP)*[12], объединяющее экспертов, дипломатов и политиков; Кёрбер-Стифтунг, на площадках которого регулярно проводятся дискуссии по проблемам российско-германских отношений. Роль подобных структур в формировании внешнеполитической повестки подтверждается недавними исследованиями: как показано в работе А.Барбашина и А.Грефа, экспертные сообщества и аналитические центры выступают ключевыми генераторами нарративов и концептуальных подходов к осмыслению политики России и Запада [23]. Несмотря на то, что частные исследовательские институты заявляют о своей независимости на главных страницах сайтов, большинство из них формируют свой бюджет за счет государственных инвестиций. Данное положение нельзя игнорировать, когда речь идет о степени их самостоятельности, независимости и подконтрольности. Исследователи сходятся во мнении, что на современном этапе аналитические отчеты характеризуются субъективизмом и ангажированностью [5].

Публичные отчеты и аналитические материалы субъектов второй и третьей групп формируют репрезентативную базу для анализа. Именно эти тексты не только транслируют, но и активно конструируют как официальную позицию, так и общественные настроения в отношении России.

Конструирование образа России в германском экспертно-аналитическом дискурсе

Восприятие государства в международных отношениях редко бывает нейтральным: оно является продуктом целенаправленного смыслового конструирования [7, с. 36]. Значимую роль в этом процессе играют экспертно-аналитические сообщества, или «фабрики мысли», которые не только интерпретируют международную повестку, но и формируют устойчивые дискурсивные рамки для восприятия тех или иных акторов. В целях выявления ключевых смысловых конструктов, формирующих образ России в современном германском дискурсе, был проведен анализ отчетов ведущих информационно-аналитических центров ФРГ. Ключевым инструментом визуализации данных послужило «облако слов» (рисунок).

12 *Немецкое общество внешней политики (DGAP) включено в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Рисунок. «Облако слов», визуализирующее ключевые конструкты, формирующие образ России в дискурсе немецких экспертно-аналитических структур

Figure. The “Cloud of Words” Visualizing the Key Constructs Forming the Image of Russia in the Discourse of German Expert-Analytical Structures

Полученные данные свидетельствуют о глубокой секьюритизации восприятия России. Страна рассматривается прежде всего как экзистенциальная угроза европейской безопасности, а не как партнер или даже геополитический противник – определение, которым характеризовали Россию до 2022 г. в стратегических документах ФРГ[13]. Частая повторяемость таких понятий, как «война», «безопасность», «НАТО», «сдерживание», «ядерный», «угроза» и «агрессия», указывает на укоренение в немецком аналитическом поле представления о России как государстве, готовом к силовому пересмотру основ установленного международного порядка в Европе по американской модели. В публикациях DGAP, в частности, утверждается, что Москва лишь ожидает ослабления поддержки Украины со стороны США или временной паузы в конфликте, чтобы перейти к прямой конфронтации с альянсом, прежде всего на его

13 Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.), 2016. S. 7.

восточном фланге[14]. Этот образ легитимирует масштабные инвестиции европейских государств в оборону, усиление восточного фланга альянса и конкретные действия, такие как постоянное размещение немецкой бригады в Литве [21, с. 67]. Образ России также выступает катализатором дискуссий о стратегической автономии Европы и «европеизации» НАТО. Германия видит себя будущей «несущей опорой» такой архитектуры[15]. Таким образом, Россия – не только угроза, но и фактор, стимулирующий европейскую интеграцию в сфере безопасности.

Значимым элементом образа является интерпретация России как ревизионистской державы. Употребление терминов «ревизионизм», «империя», «сфера влияния», «контроль», «архитектура» и «порядок» отражает убежденность немецких аналитиков в том, что российская внешняя политика направлена на восстановление иерархической системы влияния, основанной на силе. Особое место в немецком дискурсе отведено белорусскому направлению. Россия в данном контексте репрезентируется как актор, последовательно ограничивающий суверенитет Минска и, согласно оценкам ряда экспертов, способствующий реализации эскалационных сценариев в отношении НАТО. Совместные учения «Запад-2025» и военное сотрудничество двух государств в материалах ФКА интерпретируются как элементы подготовки к эскалации[16]. В качестве обоснования аналитики ссылаются на документ «Стратегические цели Российской Федерации в Беларуси» (2021 г.), в котором, по их мнению, конечная цель интеграционных процессов связывается с перспективой вхождения Беларуси в состав Российского государства к 2030 г.[17]

Немецкие аналитики также последовательно конструируют образ России как государства, сознательно размывающего границы между войной и миром посредством так называемых «гибридных методов»[18]. Подтверждением этому является использование в аналитических материалах ФРГ таких терминов, как «дезинформация», «гибридная война», «агенты влияния» и «подрыв»[19]. Представители экспертных структур регулярно апеллируют к статье начальника Генерального штаба ВС РФ В.В.Герасимова 2013 г., интерпретируя ее как доказательство наступательной и подрывной стратегии Москвы. При этом из контекста исключается оборонительный характер российской военной доктрины [11, с. 9], а также тот факт, что концепции комплексного применения политических, информационных и военных инструментов на протяжении десятилетий являются неотъемлемой частью стратегического мышления НАТО [2, с. 96] и западных государств в целом.

14 Deterring Russia from military aggression against Europe's NATO allies. URL: https://dgap.org/en/research/publications/deterring-russia-military-aggression-against-europes-nato-allies-1.

15 Zukunft der NATO: Was bleibt von der Führungsrolle der USA? URL: https://www.fes.de/zukunft-der-nato.

16 Zwischen atomarer Drohkulisse und diplomatischen Initiativen: Das Manöver Zapad 2025 in Belarus. URL: https://www.kas.de/de/laenderberichte/detail/-/content/zwischen-atomarer-drohkulisse-und-diplomatischen-initiativen-das-manoever-zapad-2025-in-belarus.

17 Formal noch unabhängig aber kaum mehr souverän. URL: https://www.kas.de/de/laenderberichte/detail/-/content/formal-noch-unabhaengig-aber-kaum-mehr-souveraen-1.

18 European security in the era of hybrid warfare. URL: https://dgap.org/en/research/publications/european-security-era-hybrid-warfare.

19 Там же.

Не менее важен образ России как милитаризированного государства. Частое упоминание ядерного оружия, ракетных систем, противоспутниковых средств, учений и космического измерения военной деятельности формирует представление о сознательном понижении Россией порога применения силы и приоритета военных инструментов во внешнеполитической стратегии. Военно-стратегические исследования, посвященные укреплению российских позиций в Калининграде, Карелии и в акватории Ладожского озера, также подаются исключительно в наступательной логике[20] – через призму A2 / AD, размещения ракетных комплексов «Искандер-М», а также строительства корветов проектов «Каракурт» и «Буян-М». При этом полностью игнорируется расширение НАТО к российским границам и наращивание военной инфраструктуры альянса в непосредственной близости от территории России.

Нормативно-моральный компонент образа России дополняется периодическим использованием понятий «преступление», «зверства», «репрессии», «преследования» и «оккупация». Тем самым Россия встраивается в рамку не только стратегической, но и морально неприемлемой угрозы, что существенно ограничивает пространство для прагматического диалога.

В формируемом экспертным сообществом ФРГ дискурсе Россия репрезентируется как монолитный военно-политический субъект, лишенный внутренней сложности. Следствием подобной редукции становится утрата доверия к внешнеполитическим намерениям Российской Федерации со стороны германских экспертно-аналитических кругов, что создает предпосылки для трансляции данной установки и в общество. Ключевой риск для двусторонних отношений заключается в институционализации образа врага в лице Российской Федерации в качестве устойчивой основы долгосрочной политики как ФРГ, так и Европейского союза в целом.

Следует отметить, что сама категория «образа врага» имеет в германской интеллектуальной традиции глубокую историю и солидное теоретическое обоснование. В классической работе К.Шмитта враг трактуется как фундаментальная категория политического мышления – речь идет об экзистенциальном «ином», чье присутствие воспринимается как угроза единству и выживанию политического сообщества. В рамках данного подхода именно образ врага оказывается тем элементом, который структурирует коллективную идентичность и определяет мобилизационный потенциал государства [22].

Обращает на себя внимание тот факт, что образы политических врагов способны демонстрировать удивительную устойчивость на протяжении десятилетий, а порой и столетий, даже когда социально-политический контекст претерпевает кардинальные изменения. Если проследить эволюцию образа в перспективе, можно выделить несколько последовательных этапов, каждый из которых добавлял

20 Russia's naval build-up at Lake Ladoga. URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/russias-naval-build-up-at-lake-ladoga.

новые смысловые слои к восприятию России в Германии. В период существования Российской империи доминирующим был цивилизационный нарратив: Россия ассоциировалась с «азиатской деспотией», а религиозное соперничество между православием и западным христианским миром подкреплялось пропагандистскими сравнениями с гуннами и османами, что формировало образ «варварской опасности» [12, с. 56], исходящей с Востока. Годы Первой мировой войны привнесли в эту картину новый элемент – по мнению некоторых исследователей, Германия приступила к целенаправленной поддержке революционных сил внутри России, делая ставку на подрыв России изнутри [9, с. 157]. После революции 1917 г. большевизм был вписан в существовавшую конфигурацию образа уже как «антибуржуазная чума», угрожающая основам европейского порядка. Период Второй мировой войны ознаменовался радикализацией образа: идеология национал-социализма объявила славян «более низкой расой» [19, с. 106], а заключенный в 1939 г. пакт рассматривался лишь как временная отсрочка перед реализацией планов завоевания «жизненного пространства». В годы холодной войны образ России оказался расколотым вслед за самой Германией: в ФРГ утвердилась демонизация СССР в духе «империи зла», тогда как в ГДР присутствие русской и советской культуры в общественном пространстве создавало возможности для иного, более сложного восприятия. Постсоветское десятилетие характеризовалось стремлением западных стран использовать ослабление России для экономического подчинения и навязывания собственных политических моделей. Наконец, с началом 2000-х гг., после неудачных попыток реализации «цветных революций», инструментарий давления дополнился санкционной политикой и активным использованием некоммерческих организаций. Проведенный анализ позволяет констатировать наличие многовековой исторической преемственности в формировании негативного восприятия России в немецком общественном сознании [26].

Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о сохранении плюрализма мнений в немецком обществе, что позволяет говорить о незавершенном характере процесса «демонизации» России [25]. Подтверждением являются результаты опроса общественного мнения в Германии, проведенного SWP в 2024 г.: 33% являются твердыми сторонниками проводимой Западом политики, 33% – более неохотными сторонниками и 20% (каждый пятый) – «друзьями России»[21]. Однако если тенденция к целенаправленному конструированию образа врага сохранится, будущие опросы могут показать куда более пессимистичную динамику.

Противодействие сложившемуся дискурсу на современном этапе представляется возможным лишь в ограниченных рамках и требует не столько пропагандистских усилий, сколько системной работы по трансформации самого восприятия России. Для германского дискурса принципиальное значение имеют категории предсказуемости, контроля и управляемости рисков[22]. Существенным остается и взаимодействие с экспертной средой [4] на уровне частных контактов, доведение до немецких исследований российской позиции и постоянная демонстрация желания решать политические конфликты исключительно мирным путем[23].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о негативном и секьюритизированном характере образа Российской Федерации в дискурсе ведущих экспертно-аналитических центров ФРГ. Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что сложившийся после февраля 2022 г. образ не только не претерпел существенной трансформации, но и был усилен. Доминирующими конструктами выступают представления о России как об агрессивной, империалистической державе, представляющей экзистенциальную угрозу безопасности Европы.

Информационно-аналитические центры ФРГ выступают не просто трансляторами, но активными конструкторами конфронтационной парадигмы, легитимируя соответствующие изменения во внешней и оборонной политике Германии. Представления об «агрессивной» природе российской государственности, транслируемые экспертным сообществом в адрес политической элиты и широкой общественности, формируют устойчивый запрос на политику сдерживания и минимизации контактов, что объективно сужает пространство для прагматического диалога.

В сложившихся условиях перед Российской Федерацией объективно встает задача выработки комплексной стратегии реагирования, направленной не столько на прямое оспаривание сложившихся дискурсивных конструктов (что представляется малопродуктивным в краткосрочной перспективе), сколько на минимизацию рисков, связанных с их институционализацией. Подобная стратегия должна включать как меры по диверсификации каналов коммуникации с германским экспертным сообществом, так и последовательную демонстрацию приверженности международно-правовым механизмам урегулирования конфликтов.

21 The tipping point: an emerging model of European security with Ukraine and without Russia. URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/the-tipping-point-an-emerging-model-of-european-security-with-ukraine-and-without-russia.

22 Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin: Auswärtiges Amt (Hrsg.), 2023. 75 s.

23 Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 9 октября 2024 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1975319/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000495c4d86705181a092c6b42b42c86041874a5a024950fdae1fa56da3a0e56ec708abc34468143000936a019fa53cd82c3834af497ed1f5bc9943ae9ae6eb573cac6113bfc2cfa94d3d6c5b9b59184f2f9088d3967cc58feb#4; Russia never refused negotiations on peaceful settlement of Ukrainian conflict – Lavrov. URL: https://tass.com/politics/2057155?utm_source=chatgpt.com; Путин заявил о желании как можно быстрее завершить конфликт на Украине. URL: https://lenta.ru/news/2025/06/19/putin-zayavil-o-zhelanii-kak-mozhno-bystree-zavershit-konflikt-na-ukraine/?utm_source=chatgpt.com.

Список литературы

1. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт [Think Tanks: International and Russian Experience]. СПб.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 236 с.
2. Белобров Ю.Я. НАТО: стратегическое прогнозирование и планирование будущих военных операций [NATO: Strategic Foresight and Planning for Future Military Operations] // Международная жизнь. 2025. № 6. С. 96–103.
3. Белов В.Б. Первое правительственное заявление Ф. Мерца: самолегитимация и мобилизация [The First Government Statement of Friedrich Merz: Self-Legitimation and Mobilization] // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 2–17(385). С. 53–60.
4. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ [Germany Constructs a Strategic Culture: Reflections After the Release of the FRG's National Security Strategy] // Россия в глобальной политике. 2023. № 5(123). URL: https://globalaffairs.ru/articles/strat-kultura-germanii/.
5. Белозёров В.К. Провалы разведки и дефицит научной аналитики [Intelligence Failures and the Lack of Scientific Analysis] // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. С. 218–223.
6. Военная разведка [Military Intelligence] / Под ред. П.Робинсона, Р.Н.Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 376 с.
7. Данилова Е.А., Зиновьева А.А. Конструирование политического имиджа России в американских медиа [Constructing the Political Image of Russia in American Media] // Социально-политические исследования. 2023. № 3(20). С. 34–46.
8. Диксон П. Фабрики мысли [Think Tanks] / Пер. с англ. под общ. ред. В.И.Седова. М.: Прогресс, 1976. 451 с.
9. Жайбалиева Л.Т., Даньшина А.П. Германский фактор в октябрьской революции 1917 года [The German Factor in the October Revolution of 1917] // Шаг в науку. 2019. № 2. С. 157–159.
10. Ивкина Н.В. Формирование образа России аналитическими центрами Германии в контексте сирийского кризиса (на примере Фонда Фридриха Эберта) [The Problem of the Russian Federation Image Formation by German Think Tanks in the Context of the Syrian Crisis (Case of Friedrich Ebert Stiftung)] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 96–106.
11. Кузьмин А.И., Пономарев А.И., Полевой В.Г., Дуганов В.А. Научно обоснованный взгляд на целесообразность отражения в военной доктрине Российской Федерации вопросов защиты гражданского населения в ходе военных конфликтов [A Scientifically Grounded View on the Feasibility of Reflecting Issues of Civilian Protection During Military Conflicts in the Military Doctrine of the Russian Federation] // Технологии гражданской безопасности. 2022. № 19. С. 8–14.
12. Линькова Е.В. К вопросу о формировании образа России в Западной Европе [On the Formation of Russia's Image in Western Europe] // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2014. № 1. С. 51–59.
13. Мельникова О.А. Основные задачи информационного обеспечения внешнеполитической деятельности [Information Support of Foreign Policy] // Вестник МГИМО. 2015. № 2(41). С. 93–100.
14. Павлов Н., Соколов А. Политика безопасности ФРГ: от «однополярного момента» к «смене эпох» [Germany's Security Policy: From the "Unipolar Moment" to the "Turn of an Era"] // Мировая экономика и международные отношения. 2026. Т. 70. № 3. С. 65–74.
15. Парсонс Т. О социальных системах [The Social System] / Под ред. В.Ф.Чесноковой и С.А.Блановского. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.
16. Погорельская С.В. Деятельность германских политических фондов в средиземноморских странах ЕС в период кризиса еврозоны (на примере Греции) [The Activities of German Political Foundations in the EU Mediterranean Countries During the Eurozone Crisis (The Case of Greece)] // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 2. С. 61–75.
17. Рукавицын П.М. Альтернатива для Германии: реальная угроза справа? [Is the Alternative for Germany a Credible Threat from the Right?] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3(836). С. 102–111.
18. «Русские – наши природные враги». Немецкий русофобский дискурс XIX – начала XX века ["Russians Are Our Natural Enemies": German Russophobic Discourse of XIX – Early XX Centuries] / В.К.Белозеров, Д.В.Миронов, А.В.Мырикова, А.А.Ширинянц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 2(851). С. 56–63.
19. Синицын Ф.Л. Формирование нацистской политики в отношении восточнославянских и прибалтийских народов (1922–1941 гг.) [The Process of Forming the Nazi Policy Dealing with East Slavic and Baltic Nations (1922–1941)] // Информационная безопасность регионов. 2014. № 1(14). С. 105–110.
20. Соколов А.П. Россия в стратегических документах Германии: «смена эпох» [Russia in German Strategic Documents: "A Turning Point of Eras"] // ИМЭМО РАН. 2024. № 10. С. 70–79.
21. Трунов Ф.О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х – начале 2020-х годов: военные и политические аспекты [Features of German-Lithuanian Cooperation in the Late 2010s – Early 2020s: Military and Political Aspects] // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 1. С. 61–80.
22. Шмитт К. Понятие политического [The Concept of the Political] / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
23. Barbashin A., Graef A. Thinking Foreign Policy in Russia: Think Tanks and Grand Narratives. Washington: Atlantic Council, 2019. 24 p.
24. Buzan B., Wæver O., Wild J. A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
25. Krone-Schmalz G. Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München: C.H.BECK, 2017. 368 s.
26. Hofbauer H. Feindbild Russland. Geschichte einer nationalen Obsession. Wien: Promedia, 2016. 256 s.

Информация об авторе

КИРИЛИНА Елизавета Юрьевна. Кандидат политических наук. Старший преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета. https://orcid.org/0000-0002-9205-2961. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. liz.kirilina@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Balayan A.A., Sungurov A.Yu. Think Tanks: International and Russian Experience. Saint-Petersburg: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" [National Research University Higher School of Economics], 2014. 236 p. [In Russian].
2. Belobrov Y.Y. NATO: Strategic Foresight and Planning for Future Military Operations. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2025; 6:96–103 [In Russian].
3. Belov V.B. The First Government Statement of Friedrich Merz: Self-Legitimation and Mobilization. Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Papers of the Institute of Europe RAS]. 2025; 2-17(385):53–60 [In Russian].

4. Belozerov V.K. Germany Constructs a Strategic Culture: Reflections After the Release of the FRG's National Security Strategy. Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]. 2023; 5(123) [In Russian]. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/strat-kultura-germanii/.
5. Belozerov V.K. Intelligence Failures and the Lack of Scientific Analysis. Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]. 2021; 2:218–223 [In Russian].
6. Military Intelligence. Ed. by P.Robinson, R.N.Pukhov. Moscow: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy [Center for Analysis of Strategies and Technologies], 2021. 376 p. [In Russian].
7. Danilova E.A., Zinovieva A.A. Constructing the Political Image of Russia in American Media. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya [Social and Political Researchers]. 2023; 3(20):34–46 [In Russian].
8. Dickson P. Think Tanks. Transl. from English under the gen. ed. of V.I.Sedov. Moscow: Progress [Progress], 1976. 451 p. [In Russian].
9. Zhaibalieva L.T., Danshina A.P. The German Factor in the October Revolution of 1917. Shag v nauku [Step into Science]. 2019; 2:157–159. [In Russian].
10. Ivkina N.V. The Problem of the Russian Federation Image Formation by German Think Tanks in the Context of the Syrian Crisis (Case of Friedrich Ebert Stiftung). Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]. 2018; 18(1):96–106 [In Russian].
11. Kuzmin A.I., Ponomarev A.I., Polevoy V.G., Duganov V.A. A Scientifically Grounded View on the Feasibility of Reflecting Issues of Civilian Protection During Military Conflicts in the Military Doctrine of the Russian Federation. Tekhnologii grazhdanskoy bezopasnosti [Civil Security Technology]. 2022; 19:8–14 [In Russian].
12. Linkova E.V. On the Formation of Russia's Image in Western Europe. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya [Vestnik RUDN. World History]. 2014; 1:51–59 [In Russian].
13. Melnikova O.A. Information Support of Foreign Policy. Vestnik MGIMO [MGIMO Review of International Relations]. 2015; 2(41):93–100 [In Russian].
14. Pavlov N., Sokolov A. Germany's Security Policy: From the "Unipolar Moment" to the "Turn of an Era". Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2026; 70(3):65–74 [In Russian].
15. Parsons T. The Social System. Ed. by V.F.Chesnokova and S.A.Blanovsky. Moscow: Akademicheskiy Proekt [Academic Project], 2002. 832 p. [In Russian]
16. Pogorelskaya S.V. The Activities of German Political Foundations in the EU Mediterranean Countries During the Eurozone Crisis (The Case of Greece). Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2014; 2:61–75 [In Russian].
17. Rukavitsyn P.M. Is the Alternative for Germany a Credible Threat from the Right? Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2019; 3(836):102–111 [In Russian].
18. " Belozerov V.K., Mironov D.V., Myrikova A.V., Shirinyants A.A. "Russians Are Our Natural Enemies": German Russophobic Discourse of XIX – Early XX Centuries. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2023; 2(851):56–63 [In Russian].
19. Sinitsyn F.L. The Process of Forming the Nazi Policy Dealing with East Slavic and Baltic Nations (1922–1941). Informatsionnaya bezopasnost regionov [Information Security of Regions]. 2014; 1(14):105–110. [In Russian].
20. Sokolov A.P. Russia in German Strategic Documents: "A Turning Point of Eras". IMEMO RAN [IMEMO RAS]. 2024; 10:70–79 [In Russian].
21. Trunov F.O. Features of German-Lithuanian Cooperation in the Late 2010s – Early 2020s: Military and Political Aspects. Baltiyskiy region [Baltic Region]. 2024; 16(1):61–80 [In Russian].
22. Schmitt. The Concept of the Political. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka [Science], 2016. 567 p. [In Russian]
23. Barbashin A., Graef A. Thinking Foreign Policy in Russia: Think Tanks and Grand Narratives. Washington: Atlantic Council, 2019. 24 p. [In English].
24. Buzan B., Wæver O., Wild J. A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. [In English].
25. Krone-Schmalz G. Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München: C.H.BECK, 2017. 368 s. [In German].
26. Hofbauer H. Feindbild Russland. Geschichte einer nationalen Obsession. Wien: Promedia, 2016. 256 s. [In German].

About the author

Elizaveta Yu. KIRILINA. CandSc. (Polit.). Senior Lecturer at the Department of Political Science at the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0002-9205-2961. Address: Build. 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. liz.kirilina@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
Политические науки
УДК 327
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-50-67

О перспективах ОДКБ стать ядром формирующейся архитектуры безопасности в Евразии

Комрон Мамаджонович Одибоев ✉

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
k.odiboev@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-0423-1884

Аннотация. В статье анализируется потенциал Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) как возможной институциональной основы формирующейся евразийской архитектуры безопасности. Отправной точкой исследования является углубляющийся кризис евроатлантической системы безопасности, который, по мнению автора, обусловлен односторонними политическими и военно-стратегическими решениями коллективного Запада, расширением военно-политических блоков и эрозией механизмов доверия и контроля над вооружениями. В этих условиях обосновывается необходимость формирования новой, более устойчивой и полицентричной модели международной безопасности на пространстве Евразии.

В статье рассматриваются ключевые принципы евразийского подхода к безопасности, среди которых особое значение придается концепциям неделимой, общей и взаимной безопасности, а также равноправному диалогу государств и внеблоковому характеру взаимодействия. Отдельное внимание уделяется институциональным и практическим возможностям ОДКБ как важного механизма обеспечения региональной стабильности, включая ее систему коллективных сил, механизмы кризисного реагирования, военно-политическую координацию и опыт проведения совместных операций и учений. Автор также анализирует потенциал взаимодействия ОДКБ с другими евразийскими интеграционными структурами и предлагает модель трехуровневой архитектуры безопасности, в которой организация выполняет центральную координирующую функцию на военно-политическом уровне. В заключении подчеркивается, что успешная трансформация ОДКБ в одно из ключевых звеньев евразийской системы безопасности отражается в ее способности сочетать принципы равной и неделимой безопасности с открытостью к диалогу, институциональной гибкостью и готовностью к сотрудничеству со всеми заинтересованными государствами и региональными объединениями Евразии.

Ключевые слова: евразийская архитектура безопасности, евроатлантическая архитектура безопасности, континентальная безопасность, ОДКБ, трансъевразийская безопасность

Для цитирования: Одибоев К.М. О перспективах ОДКБ стать ядром формирующейся архитектуры безопасности в Евразии // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 50-67, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-50-67

© Одибоев К.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

Original article
Political Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-50-67

The Prospects of the CSTO to Become the Core of the Emerging Security Architecture in Eurasia

Komron M. Odiboev ✉

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
k.odiboev@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0007-0423-1884

Abstract. The article analyzes the potential of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) as a possible institutional foundation of the emerging Eurasian security architecture. The starting point of the study is the deepening crisis of the Euro-Atlantic security system, which, according to the author, has been caused by unilateral political and military-strategic decisions of the collective West, the expansion of military-political alliances, and the erosion of mechanisms of trust and arms control. In these conditions, the need to form a new, more stable and polycentric model of international security in Eurasia has been substantiated. The article examines the key principles of the Eurasian approach to security, among which particular importance is attached to the concepts of indivisible, common and mutual security, as well as to the principles of equal dialogue between states and the non-bloc nature of cooperation. Special attention is paid to the institutional and practical capabilities of the CSTO as an important mechanism for ensuring regional stability, including its system of collective forces, crisis response mechanisms, military-political coordination, and experience in conducting joint operations and exercises. The author also analyzes the potential for interaction between the CSTO and other Eurasian integration structures and proposes a three-level model of security architecture in which the organization performs a central coordinating function at the military-political level.

© Одибоев К.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

In conclusion, it is emphasized that the successful transformation of the CSTO into one of the key elements of the Eurasian security system is reflected in its ability to combine the principles of equal and indivisible security with openness to dialogue, institutional flexibility, and a readiness to cooperate with all interested states and regional associations in Eurasia.

Keywords: Eurasian security architecture, Euro-Atlantic security architecture, continental security, Collective Security Treaty Organization (CSTO), trans-Eurasian security

For citation: Odiboev K.M. The Prospects of the CSTO to Become the Core of the Emerging Security Architecture in Eurasia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 50-67, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(30)-50-67

Именно к долгосрочному и устойчивому миру, надежно обеспечивающему безопасность всех и каждого, и стремится наша страна[1]

В.В.Путин

Введение

Актуальность темы обусловлена фундаментальной трансформацией системы международных отношений и глубоким кризисом евроатлантической модели безопасности, которая на протяжении десятилетий выступала основой стабильности на европейском континенте. Политика коллективного Запада во главе с США, направленная на сохранение гегемонии и игнорирование интересов других центров силы [3; 19], привела к демонтажу существовавших механизмов взаимодействия. Расширение НАТО на восток [1], поддержка неонацистского режима на Украине, деградация диалога в форматах Совета Россия – НАТО и ОБСЕ, а также определение России в Мадридской концепции НАТО 2022 г. в качестве главной угрозы, – все это свидетельствует о несостоятельности прежней архитектуры и невозможности восстановления доверия в ее рамках.

В этих условиях объективно возрастает потребность в формировании принципиально новой, полицентричной модели безопасности, способной адекватно отвечать на современные вызовы и угрозы. Особое значение приобретает евразийское измерение безопасности, поскольку именно на пространстве Евразии формируются новые центры силы и альтернативные подходы к мироустройству, основанные на принципах равноправия, учета взаимных интересов и невмешательства во внутренние дела. Выдвинутая Президентом России В.В.Путиным в 2024 г. инициатива о создании новой архитектуры безопасности в Евразии задает вектор для научного осмысления роли существующих интеграционных структур в этом процессе.

В данном контексте исследование потенциала ОДКБ приобретает особую значимость. ОДКБ, обладающая уникальным военно-политическим потенциалом, опытом миротворческой деятельности и закрепленными в уставе принципами

1 Церемония вручения верительных грамот // Президент России. 16.01.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/79011.

неделимой и равной безопасности, рассматривается в качестве одного из ключевых элементов формирующейся евразийской архитектуры. Анализ способности ОДКБ стать ядром новой системы безопасности, ее соответствия современным вызовам и перспектив взаимодействия с другими интеграционными объединениями Евразии представляет собой важную научную задачу, имеющую непосредственное практическое значение для выстраивания внешнеполитической стратегии России.

В условиях кризиса евроатлантической системы безопасности и провозглашенного курса на формирование новой, полицентричной архитектуры в Евразии ключевое значение приобретает вопрос о роли существующих региональных структур в этом процессе. На этом фоне, рассматривая ОДКБ, является важным анализ ее военно-политического потенциала в качестве ядра новой системы безопасности. Исследовательский интерес заключается в определении роли и места ОДКБ в продвижении идей и принципов евразийской архитектуры безопасности.

Целью данной статьи является выявление потенциала ОДКБ для определения ее перспектив как основы формирующейся евразийской архитектуры безопасности.

Поставленная цель определяет следующие задачи:

- определить причины создания новой структуры безопасности в Евразии;
- установить направления теоретического и практического осмысления евразийской архитектуры безопасности;
- проанализировать отличительные особенности ОДКБ в контексте формирования евразийский системы безопасности;
- отметить области, в которых ОДКБ предстоит активизировать свою деятельность на пути к формированию общеконтинентальной безопасности;
- выделить концептуальные основы трехуровневой структуры безопасности и выявить место ОДКБ в указанной структуре.

Материалы и методы

В ходе подготовки статьи применялись различные методы исследования. Стоит отметить применение смешанного подхода с привлечением как качественных, так и количественных методов научного анализа. Относительно количественного метода стоит отметить стремление автора с применением дедуктивного подхода (от общего к частному) рассмотреть общую парадигму формирования евразийской архитектуры безопасности и выделить роль и место ОДКБ в этом процессе.

В свою очередь, качественный метод был полезен в контексте контент-анализа и дискурс-анализа, а также проработки результатов открытых личных бесед автора статьи с людьми, которые на практике занимаются формированием практического и теоретического осмысления российской внешнеполитической стратегии в области безопасности в Евразии (в целях сохранения конфиденциальности имена собеседников не упоминаются).

Помимо этого, применялись дескриптивный метод политического анализа (ориентирован на сбор и описание, систематизацию и обработку данных), проблемно-хронологический метод (для анализа процесса формирования российского взгляда на обеспечение безопасности в Евразии и выделения основных этапов его становления), сравнительный анализ (для сравнения различных направлений деятельности ОДКБ по обеспечению континентальной безопасности), а также системный анализ материалов.

Для анализа предпосылок формирования евразийской архитектуры безопасности и представления основных характеристик новой системы безопасности в Евразии был проведен анализ следующих докладов и статей: «Мир снизу вверх, или Шедевры евразийской архитектуры»[2], «Евразийская структура безопасности: от идеи к практике»[3], «Архитектура евразийской безопасности: пять вопросов и пять ответов»[4], «Евразийская и глобальная архитектура безопасности: направления сопряжения»[5], «Система евразийской безопасности. Экономический аспект»[6], «Безопасность для Большой Евразии»[7], «Изобретая Евразию: как российские предложения о системе коллективной безопасности сочетаются с южноазиатскими реалиями»[8].

Для определения основных направлений отечественного видения контуров трансъевразийской архитектуры безопасности был проведен анализ Стратегии национальной безопасности России [11], Концепции внешней политики России [11], статьи Посла по особым поручениям МИД России А.В.Трофимова «Безопасность на пространстве Евразии: архитектура, которая объединяет» [15], статьи пресс-секретаря ОДКБ «Перспективы формирования евразийской системы безопасности» [16], рекомендаций профильных комитетов Совета Федерации, заявления России и Белоруссии о «Совместном видении Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке», а также заявлений иных российских официальных лиц по вопросу евразийской безопасности.

2 Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Мир снизу вверх, или Шедевры евразийской архитектуры // Клуб «Валдай». 18.10.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-snizu-vverkh-shedevry-evraziyskoy-arkhitektury/.

3 Тимофеев И.Н. Евразийская структура безопасности: от идеи к практике // Клуб «Валдай». 18.11.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-struktura-bezopasnosti/?sphrase_id=777313.

4 Тимофеев И.Н. Архитектура евразийской безопасности: пять вопросов и пять ответов // Клуб «Валдай». 12.11.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti/.

5 Тимофеев И.Н. Евразийская и глобальная архитектура безопасности: направления сопряжения // Клуб «Валдай». 18.11.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-i-globalnaya-arkhitektura-bezopasnosti/.

6 Тимофеев И.Н. Система евразийской безопасности. Экономический аспект // РСМД. 15.11.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sistema-evraziyskoy-bezopasnosti-ekonomicheskiy-aspekt/.

7 Харкевич М.В. Безопасность для Большой Евразии // РСМД. 12.11.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bezopasnost-dlya-bolshoy-evrazii/.

8 Макаревич Г.Г. Изобретая Евразию: как российские предложения о системе коллективной безопасности сочетаются с южноазиатскими реалиями // РСМД. 20.11.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/izobretaya-evraziyu-kak-rossiyskie-predlozheniya-o-sisteme-kollektivnoy-bezopasnosti sochetayutsya-s/.

Результаты исследования

Трансформация мирового порядка и несостоятельность Евроатлантики

Современный мир и политическая среда, в которых мы живем, переживают тектонические изменения глобального масштаба [13]. Вереница событий, которая развивается с февраля 2022 г., позволяет с уверенностью констатировать, что контуры мирового порядка, образовавшиеся в 90-е гг., претерпевают изменения. С одной стороны, очевидны устремления недружественных государств сохранить свою гегемонию (поддержка неонацистского режима на Украине, формирование «коалиции желающих» НАТО, похищение американцами президента Венесуэлы Н.Мадуро, санкционное давление против России [20], торговые войны против Китая, дестабилизация обстановки на пространстве Большого Ближнего Востока и др.); с другой стороны, за последние годы определились новые центры силы и их незападное, альтернативное видение современного и будущего мирового становления (БРИКС, ШОС). Крайнюю озабоченность вызывает нарушение положений, закрепленных в Уставе ООН. Перечисленные факторы оказывают непосредственное влияние на уровень и качество безопасности в современном мире.

Несмотря на действия, противоречащие глубинным и историческим интересам российской государственности, которые выразились в дипломатическом, военном и стратегическом отступлении России на мировой арене, Россия все же пошла на эти вынужденные меры для сохранения глобального мира и безопасности. Можно отметить, что такая политика принесла свои плоды: создание Совета Россия – НАТО, координация действий в ОБСЕ, формирование «Группы восьми». Однако политика демократической солидарности [4] принесла России больше негативных последствий, чем положительных. По этому поводу российский лидер В.В.Путин справедливо отметил, что, как оказалось на деле, вопросы «геополитики стоят в основе»[9] противоречий между Россией и коллективным Западом – страны Евроатлантики не готовы видеть в России равного партнера вне зависимости от фактора демократического единства.

Несмотря на заявления коллективного Запада во главе с США о намерениях нормализовать диалог и создать равные партнерские отношения, на практике ими был взят курс на доминирование над Россией. Это выразилось в системном игнорировании российских интересов в Совете безопасности ООН, намеренной дестабилизации обстановки в Евразии [5, с. 299-300] и прямом вмешательстве во внутренние дела суверенной России. Бомбардировка Югославии, расширение НАТО на восток, кровавые перевороты в Ираке и Ливии, поддержка террористов на Северном Кавказе, натовизация Украины и Грузии, поддержка «цветных революций» в Малой Евразии, встреча американского посла в России М.Э.Макфола с

9 Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 08.01.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134.

оппозицией, поддержка неонацистского киевского режима – малая часть политики коллективного Запада, которая противоречит интересам России и создает угрозу ее безопасности.

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. с тревогой было воспринято на Западе – начался постепенный регресс отношений между сторонами [6]. Страны Евроатлантики заняли антироссийскую политику, которая наносила ущерб евроатлантической архитектуре безопасности с участием России. Был запущен процесс реорганизации системы безопасности в Европе, направленный на изоляцию России в регионе. Отказ считаться с интересами страны, которая имеет великодержавный статус [18, с. 330-331] и располагает достаточным военно-стратегическим потенциалом для обеспечения своих национальных интересов в любой точке мира [14], не мог способствовать обеспечению достаточного уровня безопасности в Евро-Атлантическом регионе.

Ухудшение политического диалога между Россией и странами коллективного Запада негативно сказывалось на глобальной безопасности. Односторонний отказ США и НАТО рассмотреть представленные Россией в декабре 2021 г. предложения по укреплению мер доверия и обеспечению безопасности привели к несостоятельности Совета Россия – НАТО и деградации двусторонних российско-американских, а также российско-еэсовских отношений. Помимо этого, определение в Мадридской концепции НАТО 2022 г. России в качестве главной угрозы безопасности Евроатлантики стало прямым вызовом отечественной безопасности[10].

Параллельно достигли точки невозврата отношения по линии ОБСЕ[11]. Относительно состоятельности ОБСЕ стоит вспомнить высказывание главы МИД России С.В.Лаврова, который отметил, что Организация демонстрирует стремительный отход от тех высоких норм, которые были установлены Хельсинкским Заключительным актом[12]. На этом фоне особенно заметно нарушение коллективным Западом принципа равной и неделимой безопасности в Европе. Можно констатировать, что на данный момент ОБСЕ обслуживает интересы определенного круга государств – представителей Североатлантического альянса.

Окончательно ситуация ухудшилась после вступления Финляндии и Швеции в НАТО и поддержки коллективным Западом неонацистского режима на Украине, что убедило Россию в невозможности восстановления положительного уровня доверия в рамках евроатлантической структуры безопасности. Следовательно, несостоятельность евроатлантического трека требовала от России определения концептуально новых контуров обеспечения национальной, региональной и глобальной стабильности.

С учетом вышеуказанных факторов, в 2024 г. Президент России В.В.Путин объявил о формировании новой архитектуры безопасности в Евразии[13]. Концепция евразийского подхода, призванная создать принципиально иную систему безопасности на континенте, является относительно свежей для российской внешнеполитической доктрины. Вместе с тем следует подчеркнуть, что тенденции к укреплению евразийской «континентальной самостоятельности»[14] имеют долгую историю. На практическом уровне Россия начала активно реализовывать данную стратегию с момента выдвижения проекта Большого евразийского партнерства в 2015 г.

Теоретическое осмысление евразийской безопасности

Анализируя феномен формирования евразийской архитектуры безопасности в российской научной школе, можно прийти к следующему выводу.

Евразийская архитектура безопасности – это формирующаяся эволюционным путем, многомерная и гибкая система международной безопасности на Евразийском континенте, основанная на принципе «снизу вверх». Ее ключевыми характеристиками являются:

- неблоковый и неконфронтационный характер (она не является военно-политическим альянсом, направленным против третьих стран, и отвергает логику противостоящих блоков);
- приоритет суверенного равенства и многообразия (в ее основе лежат равноправие всех государств независимо от их размера и потенциала, признание полицентричного миропорядка [2] и уважение интересов каждого участника, что исключает диктат или доминирование одной страны или группы государств);
- открытость и инклюзивность (архитектура предполагает создание сети двусторонних и многосторонних соглашений и консультативных платформ, открытых для всех стран континента, включая европейские государства, но исключая внеконтинентальные силы с гегемонистскими амбициями);
- регионализм как основа (система ориентирована на решение проблем безопасности усилиями самих евразийских государств и региональных структур, с ограничением влияния извне);

10 Одибоев К.М. Евразийская архитектура безопасности: основные источники формирования // РСМД. 07.03.2026. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/k-odiboev/evraziyskaya-arkhitektura-bezopasnosti-osnovnye-istochniki-formirovani/.

11 Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова для «Российской газеты», приуроченная к заседанию СМИД ОБСЕ в Вене, 3 декабря 2025 года // МИД России. 08.01.2026. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2062536/.

12 Выступление и ответы на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Республики Беларусь С.Ф.Алейником по итогам участия в заседании коллегий МИД России и Белоруссии // МИД России. 08.01.2026. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1848850/.

13 Выступление с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 10.01.2026. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431.

14 Континентальная самостоятельность – принцип организации международных отношений в Евразии, основанный на способности евразийских государств самостоятельно и общими усилиями, без вмешательства внеконтинентальных сил, реализовывать подходы к решению возникающих проблем и определять политику евразийского развития. Это не означает изоляционизм, а предполагает приоритет евразийских механизмов и форматов при сохранении открытости к равноправному диалогу со всеми державами в мире (понятие, сформулированное автором).

- гибкость и минимальная институционализация (на первом этапе приоритет отдается созданию постоянных многосторонних платформ для консультаций и диалога по образцу Совещания по безопасности и сотрудничеству без жесткой институциональной структуры, с возможностью практического тестирования сотрудничества в различных сферах);
- широкая повестка (помимо традиционной военно-политической безопасности, архитектура нацелена на решение гибридных угроз, включая информационную, экономическую безопасность и противодействие вмешательству во внутренние дела);
- целостность континента (концепция исходит из невозможности и недопустимости проведения новых разделительных линий в Евразии);
- продвижение равной и неделимой безопасности (это центральный, интегративный принцип, который подразумевает, что безопасность одного государства не должна обеспечиваться за счет безопасности других);
- поддержание кооперативной безопасности (создание менее формализованного формата сотрудничества; предотвращение конфликтов посредством партнерского диалога, взаимного доверия и открытости; включение государственных и негосударственных участников; сотрудничество не только в военной сфере, но и в других областях);
- неразмещение военных контингентов неевразийских держав (продвижение идеи о выводе воинских формирований внешних держав с территории Евразии для снижения напряженности и великодержавной конкуренции);
- взаимосвязь безопасности и экономического развития (диверсификация международных финансовых расчетов; формирование новых технологических цепочек и собственных производств; создание альтернативных логистических, финансовых и страховых систем; устранение «зависимости от взаимозависимости», когда экономические связи используются как оружие);
- уважение к культурному и цивилизационному разнообразию (учет разных уровней экономического развития, политической культуры и стратегического интереса всех стран Евразии без навязывания единой модели).

Ключевая цель данной архитектуры – обеспечить устойчивость и стабильность через суверенное и взаимовыгодное сотрудничество, основанное на доверии, с целью совместного решения актуальных практических задач и предотвращения крупных конфликтов в Евразии, сохраняя идею того, что безопасность в Евразии неотделима от глобальной безопасности.

Практическое осмысление евразийской безопасности

По итогам анализа можно отметить следующие направления развития евразийской структуры безопасности:

- сближение интересов ключевых центров силы, установление с заинтересованными государствами равноправного диалога по вопросам безопасности, а также развитие глобальных и региональных механизмов коллективной безопасности и мер доверия;
- построение региональной безопасности на внеблоковых принципах, что подразумевает противодействие размещению военной инфраструктуры недружественных государств, развитие диалога евразийских стран без влияния внешних сил, а также оказание поддержки союзникам и партнерам в сферах обороны, безопасности и противодействия внешнему вмешательству;
- основой подхода выступает принцип «евразийским проблемам – евразийские решения», обеспечивающий комплексную защиту от внерегиональных вызовов, а также фундаментальные принципы неделимой, общей, взаимной и открытой безопасности, реализуемые через новую систему многомерного сотрудничества, построенную на балансе интересов, взаимной выгоде, распределении ответственности и отрицании чьего-либо доминирования в Евразии;
- укрепление международного мира и безопасности, включая предотвращение применения силы в нарушение Устава ООН, поддержание стратегической стабильности и формирование эффективной системы гарантий безопасности;
- урегулирование существующих региональных конфликтов и недопущение новых очагов напряженности вблизи российских границ, что в том числе предполагает усиление роли России в миротворческой деятельности;
- содействие союзникам и партнерам в продвижении общих интересов, обеспечении их безопасности и устойчивого развития;
- углубление сотрудничества в рамках СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и СГРБ;
- создание единого и общего видения евразийской архитектуры безопасности совместно с заинтересованными государствами Малой Евразии (в том числе в рамках ОДКБ) для дальнейшего продвижения указанной архитектуры в рамках ШОС, АСЕАН, СВМДА, ЛАГ и ССАГПЗ (на пространстве Большой Евразии).

На встрече с руководством МИД России в июне 2024 г. Президент России В.В.Путин подчеркнул важность активизации диалога о создании евразийской системы безопасности, где особое внимание было уделено работе по линии ОДКБ[15]. С точки зрения России, ОДКБ представляет собой значимый институт, способствующий укреплению стабильности и защищенности в Евразии[16]. Данная организация выполняет функции регионального оборонительного союза, основной целью которого выступает сохранение мирных условий и устойчивого развития на всем евразийском пространстве[17].

15 Выступление на встрече с руководством Министерства иностранных дел России // МИД России. 08.08.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107/.

16 Выступление в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Республики Казахстан Е.Б.Кошербаевым по итогам переговоров // МИД России. 12.01.2026. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2055011/.

17 Саммит ОДКБ // Президент России. 12.01.2026. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72800.

ОДКБ в центре новой архитектуры безопасности в Евразии

С целью оценки потенциала ОДКБ в качестве основы для будущей евразийской системы безопасности был проведен сравнительный анализ ее ключевых документов, а также актуальных тенденций развития Организации. Задача исследования заключалась в проверке соответствия возможностей ОДКБ требованиям, предъявляемым к формирующейся архитектуре безопасности на континенте. По итогам сравнительного анализа можно отметить следующее.

Изучение интеграционных структур в рамках Малой Евразии показывает, что для стран-членов ОДКБ, в соответствии с ее Уставом, является приоритетной задача углубления союзнического взаимодействия. Это сотрудничество охватывает внешнеполитическую координацию, военную и военно-техническую сферы, а также совместное противодействие трансграничным угрозам, направленным против безопасности как государств, так и их населения.

На фоне иных структур, возникших на постсоветском пространстве, ОДКБ обладает особым статусом, функционируя в качестве ключевого субъекта, ответственного за поддержание региональной безопасности. Центральное место России в ОДКБ предопределяет ее стратегическую роль как основного гаранта стабильности в евразийском регионе.

Будучи великой державой и центральным государством в интеграционных проектах Малой Евразии, Россия отводит ОДКБ роль главного механизма обеспечения стабильности в данном регионе. Следовательно, наращивание влияния ОДКБ на евразийском пространстве составляет одну из ключевых задач российской внешнеполитической стратегии.

Обеспечение безопасности в регионе ближнего зарубежья выступает первостепенным вектором внешней политики России. Формирование евразийской архитектуры безопасности, рассматриваемое как поэтапный процесс, закономерно начинается с разработки ее базовых принципов совместно с основными союзниками – государствами-членами ОДКБ.

С момента своего создания в 2002 г. [9; 17] ОДКБ заложила в формирующуюся евразийскую архитектуру безопасности базовые принципы, включая неделимость, общность и взаимность. При этом, как зафиксировано в статье 3 Устава, перед Организацией были поставлены задачи по укреплению мира, безопасности и стабильности на международном и региональном уровнях, а также по защите суверенитета, территориальной целостности и независимости государств-членов. Именно эти цели Россия в настоящее время считает универсальными и стремится распространить их на все пространство Евразии.

Согласно Уставу, ОДКБ призвана содействовать становлению справедливого и демократического мирового порядка, базирующегося на общепризнанных нормах международного права (статья 4). Эта деятельность осуществляется на фундаменте ключевых принципов: суверенного равенства и добровольности участия государств-членов, невмешательства в их внутренние дела

(статья 5). Именно данная правовая и нормативная база лежит в основе российской концепции построения континентальной системы безопасности.

ОДКБ обладает значительным потенциалом в сфере нейтрализации традиционных угроз, одновременно развивая компетенции для ответа на вызовы в новых, нетрадиционных областях, таких как биологическая и информационная безопасность.

Успешное завершение миротворческой операции ОДКБ в Казахстане стало наглядным подтверждением ее оперативных возможностей [8]. ОДКБ проявила себя как действенный и надежный инструмент для поддержания региональной стабильности. Реализованная миссия продемонстрировала, что институциональные механизмы ОДКБ способны оперативно и результативно нейтрализовать современные вызовы, включая угрозы суверенитету и территориальной целостности. ОДКБ подтвердила свою ключевую роль в обеспечении легитимного порядка и противодействии дестабилизирующему внешнему вмешательству посредством практического применения своего миротворческого потенциала.

Развивая многоформатное взаимодействие с ключевыми структурами в Малой Евразии (СНГ, ЕАЭС, СГРБ) и институтами более широкого формата (ООН, ШОС), ОДКБ усиливает свою роль в качестве одного из центральных координаторов в сфере евразийской безопасности. Такая сеть партнерств превращает ОДКБ в действенный многосторонний инструмент, способствующий стабильности на континенте.

Дополнительно стоит подчеркнуть, что в системе военно-политических приоритетов России ОДКБ отводится одна из ключевых ролей. Этот подход закреплен в отечественной военной доктрине, где задача сдерживания конфликтов реализуется, в частности, через усиление значимости ОДКБ на международной арене, включая ее координацию с СНГ и ШОС, а также через продвижение в Азиатско-Тихоокеанском регионе принципов внеблокового взаимодействия. Особую весомость позиции ОДКБ придает доктринальная норма о коллективной обороне, трактующая вооруженное нападение на любого государства-члена как агрессию против всего ОДКБ, что влечет за собой адекватные ответные меры согласно договорным обязательствам[18]. Все это подтверждает, что организация рассматривается как незаменимый элемент в российской стратегии формирования полицентричного миропорядка и континентальной системы безопасности.

Принципиальное значение для понимания российской стратегии имеет доктринальное определение понятия «союзники» в контексте ядерного сдерживания. Как заявил Секретарь Совета Безопасности С.Шойгу, гарантии применения стратегических сдерживающих сил Россией распространяются исключительно на государства, являющиеся членами ОДКБ[19]. Данный подход

18 Военная доктрина Российской Федерации // МИД России. 13.01.2026. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/.

19 Ядерный зонтик РФ по новой доктрине распространяется на ОДКБ // ТАСС. 13.01.2026. URL: https://tass.ru/politika/22519775.

конкретизирован в документе, допускающем возможность ответного ядерного удара в двух основных сценариях: в случае агрессии против России или ее союзников с применением ядерного или иного оружия массового поражения, а также при атаке таким оружием на российские зарубежные военные объекты. Поскольку все подобные объекты дислоцированы на территориях государств-членов ОДКБ, это концептуально и географически очерчивает круг союзников, подпадающих под действие российских гарантий[20]. Таким образом, закрепленная в «Основах государственной политики в области ядерного сдерживания» роль ОДКБ подтверждает стратегическую важность ее дальнейшего укрепления как одного из ключевых элементов в формировании будущей евразийской архитектуры безопасности.

Исходя из проведенного анализа, ОДКБ позиционируется как фундаментальная основа складывающейся системы безопасности в Евразии. Данный статус Организации проистекает из совокупности факторов: ее особого военно-политического потенциала, отличающего ее от иных региональных объединений, ключевой роли России в ее рамках, а также полного соответствия ее уставных задач – обеспечения безопасности, защиты суверенитета, соблюдения равноправия и противодействия новым угрозам – стратегическим целям и концепции справедливого мироустройства, отстаиваемой Россией.

Объявленные устремления активизировать консультации по вопросам евразийской безопасности с приоритетным вниманием к ОДКБ являются логичным следствием ее потенциала. Организация располагает не только проверенным опытом и механизмами для поддержания стабильности в регионе, но и представляет собой действующую площадку для имплементации на континентальном уровне тех принципов обеспечения безопасности, которые являются ключевыми для российской внешней политики. Это делает ее важным компонентом стратегии российского государства в данной сфере.

Однако стоит отметить, что на начальном этапе сохраняются направления, в которых ОДКБ еще предстоит активизировать работу на пути к формированию евразийской системы безопасности, в частности:

- интенсифицировать контакты с такими интеграционными объединениями Евразии, как СВМДА, БРИКС, АСЕАН, ЛАГ, ССАГПЗ;
- оказывать всяческую поддержку углублению отношений Индии с Пакистаном и Китаем, а также укреплению пяти принципов мирного сосуществования «Панча шила»;
- активизировать совместную работу по обеспечению неукоснительного соблюдения государствами и интеграционными объединениями Евразии принципов и норм, закрепленных в Уставе ООН;

20 Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года // ПИР-Центр. 13.01.2026. URL: https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/.

- принимать более активное участие в урегулировании региональных конфликтов, в частности, в нормализации отношений между Таиландом и Камбоджей, ограничивая вмешательство в дела Евразии внеконтинентальных государств;
- содействовать закреплению достаточного уровня межгосударственного доверия для поддержания стратегической стабильности в Евразии на фоне ядерных программ Ирана, Израиля, КНДР, Индии и Пакистана;
- оказывать помощь в преодолении экологических и гуманитарных катастроф в Евразии на фоне обстановки в секторе Газа;
- противодействовать искажению итогов Второй мировой войны и героизации нацизма (неонацизма);
- содействовать продвижению в мировом информационном пространстве достоверных данных о состоянии военно-политической обстановки в Евразии, в том числе о ходе развития СВО.

На фоне указанного стоит отметить, что, по мнению пресс-секретаря ОДКБ Н.И.Харитоновой, Организация имеет все необходимые механизмы и опыт для разрешения военно-политических кризисов и продвижения евразийской парадигмы безопасности. ОДКБ располагает достаточным потенциалом, чтобы стать одной из ключевых опор будущей евразийской архитектуры безопасности [16]. В указанном контексте заложенный в основу евразийской системы безопасности принцип открытости – учета интересов всех потенциальных участников проекта – имеет особое значение. В связи с чем потенциал ОДКБ и принцип открытости трансъевразийской структуры безопасности в совокупности способны не только укрепить роль ОДКБ в формировании указанной структуры безопасности, но и содействовать преодолению возникающих препятствий на пути к обеспечению стабильности в Евразии.

ОДКБ и трехуровневая структура безопасности в Евразии

По мнению автора, контуры формирующейся континентальной архитектуры безопасности будут формироваться на базе трехуровневой структуры безопасности. «Первый уровень направлен на развитие сотрудничества в сфере безопасности в рамках региональной подсистемы в Малой Евразии. Второй уровень охватывает решение задач безопасности на пространстве Большого Евразийского партнерства (БЕП) (с особым упором на ШОС [10]). Наконец, третий уровень призван развивать взаимодействие по обеспечению безопасности со всеми странами и интеграционными структурами евразийского региона, которые придерживаются концепции равной и неделимой безопасности в Евразии»[21].

В рамках трехуровневой структуры безопасности ОДКБ способна занять ведущую роль в продвижении евразийских принципов безопасности в Малой Евразии, а

21 Odiboev K.M. The Eurasian Security Architecture: The Main Sources of Formation // SSRN. 14.01.2026. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5880042.

также, имея широкую базу сотрудничества с ШОС [12, с. 138-144], способствовать активному развитию евразийской парадигмы безопасности в контурах БЕП. В последующем накопленный опыт в формировании пространства доверия и стабильности в Евразии может проецироваться на глобальный уровень с учетом имеющегося высокого уровня отношений ОДКБ[22] с ООН [7].

Так, трехуровневая структура безопасности отражает центральную роль ОДКБ на пути к формированию евразийской системы безопасности. Ввиду этого предполагается, что от степени активности и вовлеченности ОДКБ в продвижение евразийского подхода к безопасности будут зависеть будущие контуры пространства доверия и стабильности на континенте.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что на фоне системного кризиса евроатлантических институтов безопасности и смены глобального миропорядка ОДКБ обладает значительным потенциалом для трансформации в ядро формирующейся евразийской архитектуры безопасности. Организация соответствует ключевым требованиям новой российской стратегии: она функционирует на внеблоковых принципах, обладает действенными механизмами обеспечения безопасности и миротворчества, а ее уставные цели совпадают с отстаиваемыми Россией концепциями неделимой безопасности, суверенного равенства и полицентричности. Особый военно-политический статус ОДКБ, центральная роль России в ней, опыт урегулирования кризисов и способность сотрудничать с существующими в Евразии интеграционными объединениями делают ее уникальным инструментом для обеспечения стабильности на евразийском континенте.

В кратко- и среднесрочной перспективе роль и влияние ОДКБ будут усиливаться. Организация станет основной платформой для выработки и продвижения «евразийских решений» в сфере безопасности. ОДКБ сочетает в себе твердую приверженность принципам равной и неделимой безопасности с гибкостью и открытостью для взаимодействия со всеми заинтересованными в стабильности государствами и интеграционными объединениями Евразии.

Список литературы

1. Бартош А.А. НАТО в современной мировой политике [NATO in Modern World Politics]. М.: Горячая линия «Телеком», 2023. 366 с.
2. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок [Global Development and World Order]. М.: РОССПЭН. 2005. 374 с.
3. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска [The Grand Chessboard]. М.: АСТ, 2023. 384 с.

22 О Сотрудничестве ОДКБ с ООН // ОДКБ. 14.01.2026. URL: https://odkb-csto.org/international_org/un/o_sotrudnichestve_odkb_s_oon_/#loaded.

4. Бобров А.К., Богатуров А.Д., Лебедева О.В. Эволюция доктринальных основ внешней политики России [Evolution of the Doctrinal Foundations of Russia's Foreign Policy] // Международная жизнь. 2022. № 2. С. 8–25.
5. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России [International Relations and Russian Foreign Policy]. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.
6. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Опять раздельный мир. 1980–2018. [A Systematic History of International Relations. A Separate World Again. 1980–2018.]. М.: Юрайт, 2024. 362 с.
7. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество [The UN and Peacekeeping]. М.: Международные отношения, 2022. 360 с.
8. Заемский В.Ф., Одибоев К.М. Россия как гарант стабильности в Малой Евразии: миротворческая операция ОДКБ в Казахстане [Russia as a Guarantor of Stability in Small Eurasia: CSTO Peacekeeping Operation in Kazakhstan] // Постсоветские исследования. 2026. № 1. С. 75–92.
9. Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений [The CSTO and Its Role in the Modern System of International Relations]. М.: ЛЕНАНД, 2021. 80 с.
10. Курылев К.П. Евразийская идеология и евразийская интеграция [The Eurasian Ideology and the Eurasian Integration]. М.: Аспект-пресс, 2025. 349 с.
11. Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России [The Evolution of Russia's Foreign Policy Strategy]. М.: Проспект, 2023. 336 с.
12. Одибоев К.М. ОДКБ и ШОС: реализация российской инициативы по формированию новой системы безопасности в Евразии [CSTO and SCO: Implementation of the Russian Initiative to Form a New Security System in Eurasia] // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности. Материалы III Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 138–144. EDN BGFFTC.
13. Подберезкин А.И. Система «Евразийской безопасности» как альтернатива западной военно-политической коалиции [The «Eurasian Security» System as an Alternative to the Western Military-Political Coalition]. М.: Издательский дом МГИМО, 2026. 513 с.
14. Тренин Д.В., Авакянц С.И., Караганов С.А. От сдерживания к устрашению [From Deterrence to Intimidation]. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.
15. Трофимов А.В. Безопасность на пространстве Евразии: архитектура, которая объединяет [Security in the Eurasian Space: an Architecture that Unites] // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2(89). С. 76–89. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_2_76.
16. Харитонова Н.И. Перспективы формирования евразийской системы безопасности [Prospects for the Formation of the Eurasian Security System] // Международная жизнь. 2025. № 12. С. 74–87.
17. Чуфрин Г.И. Роль ОДКБ в обеспечении коллективной безопасности [Role of the CSTO in Promotion of Collective Security] // Федерализм. 2022. № 3(27). С. 77–88. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-77-88.
18. Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды [Megatrends]. М.: Аспект Пресс, 2022. 520 с.
19. Gould-Davies N. Russia, the West and Sanctions // Survival. 2020. № 62(1). P. 7–28. https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1715060.
20. Kissinger H. Worl Order. NY: Penguin Press, 2014. 240 p.

Информация об авторе

ОДИБОЕВ Комрон Мамаджонович. Аспирант и эксперт кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. https://orcid.org/0009-0007-0423-1884. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76. k.odiboev@yandex.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23 февраля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bartosh A.A. NATO in Modern World Politics. Moscow: Goryachaya liniya «Telekom» [Hotline"Telecom"], 2023. 366 p. [In Russian].
2. Batalov E.Y. Global Development and World Order. Moscow: ROSSPEN [ROSSPEN], 2005. 374 p. [In Russian].
3. Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard. Moscow: AST [AST], 2023. 384 p. [In Russian].
4. Bobrov A.K., Bogaturov A.D., Lebedeva O.V. Evolution of the Doctrinal Foundations of Russia's Foreign Policy. Mezhdunarodnaya zhizn [International Life]. 2022; 2:8-25 [In Russian].
5. Bogaturov A.D. International Relations and Russian Foreign Policy. Moscow: Aspekt Press [Aspekt Press], 2017. 480 p. [In Russian].
6. Bogaturov A.D. A Systematic History of International Relations. A Separate World Again. 1980–2018. Moscow: Yurait [Yurait], 2024. 362 p. [In Russian].
7. Zaemsky V.F. The UN and Peacekeeping. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya [International Relations], 2022. 360 p. [In Russian].
8. Zaemsky V.F., Odiboev K.M. Russia as a Guarantor of Stability in Small Eurasia: CSTO Peacekeeping Operation in Kazakhstan. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2026; 1:75–92 [In Russian].
9. Kokoshina Z.A. The CSTO and Its Role in the Modern System of International Relations. Moscow: LENAND [LENAND], 2021. 80 p. [In Russian].
10. Kurilev K.P. The Eurasian Ideology and the Eurasian Integration. Moscow: Aspekt Press [Aspekt Press], 2025. 349 p. [In Russian].
11. Neimark M.A. The Evolution of Russia's Foreign Policy Strategy. Moscow: Prospekt, 2023. 336 p. [In Russian].
12. Odiboev K.M. CSTO and SCO: Implementation of the Russian Initiative to Form a New Security System in Eurasia. Current Issues of National Security: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. St.Petersburg, 2025:138–144 [In Russian]. EDN BGFFTC.
13. Podberezkin A.I. The «Eurasian Security» System as an Alternative to the Western Military-Political Coalition. Moscow: Izdatelskii dom MGIMO [MGIMO Publishing House], 2026. 513 p. [In Russian].
14. Trenin D.V., Avakyants S.I., Karaganov S.A. From Deterrence to Intimidation. Moscow: Molodaya gvardiya [The Young Guard], 2024. 152 p. [In Russian].
15. Trofimov A.V. Security in the Eurasian Space: an Architecture that Unites. Problemi natsionalnoi strategii [Problems of National Strategy]. 2025; 2(89):76–89 [In Russian]. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_2_76.
16. Kharitonova N.I. Prospects for the Formation of the Eurasian Security System. Mezhdunarodnaya zhizn [International Life]. 2025; 12:74–87 [In Russian].
17. Chufrin G.I. Role of the CSTO in Promotion of Collective Security. Federalism [Federalist]. 2022;27(3):77–88 [In Russian]. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-3-77-88.
18. Shakleina T.A., Baikov A.A. Megatrends. Moscow: Aspekt Press [Aspekt Press], 2022. 520 p. [In Russian].
19. Gould-Davies N. Russia, the West and Sanctions. Survival. 2020; 62(1):7–28 [In English]. https://doi.org/10.1080/00396338.2020.1715060.
20. Kissinger H. Worl Order. NY: Penguin Press, 2014. 240 p. [In English].

About the author

Komron M. ODIBOEV. Postgraduate student and an expert at the Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. https://orcid.org/0009-0007-0423-1884. Address: 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. k.odiboev@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: February 23, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
РОССИЯ И МИР
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

В то время как основные ценности остаются стабильными, их формы и способы воплощения претерпевают значительные изменения. Увеличивается значимость личной самореализации в семье и на работе, растет стремление полагаться на собственные силы, а не на государство.

Белинская Д.В., Жуликов С.Е., Жуликова О.В.
Ценности современной молодежи: эмпирический аспект (на примере исследований в России, Армении, Таджикистане, Казахстане и Беларуси)

…В начале 1990-х гг. как в российских, так и в японских научных и политических кругах существовало мнение, что именно на этом поприще, в вопросах экологии и устойчивого развития, две страны смогут не только восстановить взаимовыгодное сотрудничество, но и упрочить свои позиции на международной арене, предложив миру собственное видение движения к лучшей жизни. Однако, как показала практика, пути реализации этих амбиций оказались диаметрально противоположными.

Кулеш С.А.
Сравнительный анализ политик устойчивого развития России и Японии: особенности, вызовы и перспективы

…Трансграничные водные ресурсы становятся не только объектом межгосударственных договоренностей, но и сферой, в которой формируется синтез международного водного права, международного экологического права и прав человека. Для государств Центральной Азии данный подход представляет собой ключевое условие устойчивого развития, региональной стабильности и предотвращения потенциальных конфликтов.

Тен А.В., Чолоев Н.М.
Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии

Одним из ключевых аспектов обсуждения является вопрос реинтеграции возвращающихся мигрантов, который в последние годы приобретает особую актуальность.

Шаболотов Т.Т., Нуралиев Н.А.
Новая архитектура внешней трудовой миграции Кыргызской Республики: многовекторная стратегия и реинтеграция мигрантов

Научная статья
УДК 316.752
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-70-93

Социологические науки

Ценности современной молодежи: эмпирический аспект (на примере исследований в России, Армении, Таджикистане, Казахстане и Беларуси)

Дина Викторовна Белинская[1a]✉, Сергей Евгеньевич Жуликов[2b]✉, Ольга Валентиновна Жуликова[3c]✉

[1,2,3] Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина, Тамбов, Россия
[a] belinskaya@tsutmb.ru, https://orcid.org/0000-0002-7772-9452
[b] ssergiuss@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-7284-0952
[c] oltamb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7424-7247

Аннотация. В условиях современной социальной динамики проблема ценностей приобретает особую значимость и требует глубокого научного осмысления. Каждое новое поколение, стремясь к самоопределению и автономии как в личной, так и в общественной сферах, активно формирует свои жизненные приоритеты. Этот процесс приводит к возникновению новых ценностных парадигм, которые могут существенно отличаться от тех, что доминировали в предшествующих поколениях. Начало XXI в. характеризуется сложными социальными процессами, влияющими на систему ценностей и мировоззрение современной молодежи. Геополитическое противостояние России и Запада трансформирует социально-политические условия и сказывается на психоэмоциональном состоянии молодого поколения – не только в России, но и в странах ближнего зарубежья. В исследовании рассматриваются Россия, Армения, Таджикистан, Казахстан и Беларусь, выступающие защитниками традиционных ценностей и традиционной семьи и которые могут координировать соответствующую работу среди единомышленников в этих вопросах. Сложность процесса формирования ценностей у молодежи остается актуальной на фоне социально-экономических, политических и духовных трансформаций последних десятилетий. Эти процессы весьма существенно повлияли на динамику ценностных ориентиров, поведенческих моделей и жизненных стратегий молодого поколения. Ценностные установки молодых людей эволюционируют под влиянием исторических и политических процессов, информационной революции, глобализации, миграции, становления рыночной экономики и т.д. Будущее каждого общества во многом зависит от молодежи – ключевой движущей силы социальных изменений, способной внедрять новые ценности и культурные нормы.

Ключевые слова: ценности, молодежь, социальная динамика, ценностные ориентиры, традиционные ценности, социальные изменения, глобализация, мировоззрение, жизненные стратегии

Для цитирования: Белинская Д.В., Жуликов С.Е., Жуликова О.В. Ценности современной молодежи: эмпирический аспект (на примере исследований в России, Армении, Таджикистане, Казахстане и Беларуси) // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 70-93, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-70-93

© Белинская Д.В., Жуликов С.Е., Жуликова О.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ISSN 2782-3067 (Print)

Original article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-70-93

Sociological Sciences

Values of Modern Youth: an Empirical Aspect (based on studies in Russia, Armenia, Tajikistan, Kazakhstan and Belarus)

Dina V. Belinskaya[1a]✉, Sergey E. Zhulikov[2b]✉, Olga V. Zhulikov[3c]✉

[1,2,3] Tambov State University named after G.R.Derzhavin, Tambov, Russia
[a] belinskaya@tsutmb.ru
[b] ssergiuss@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-7284-0952
[c] oltamb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7424-7247

Abstract. In the context of contemporary social dynamics, the issue of values is particularly significant and requires a deep scientific understanding. Each new generation strives for self-determination and autonomy, both in the personal and social spheres. This active process leads to the emergence of new value paradigms that can significantly differ from those that prevailed among previous generations. The beginning of the 21st century is characterized by complex social processes influencing the value systems and worldviews of today's youth. The geopolitical confrontation between Russia and the West is transforming sociopolitical conditions and affecting the psycho-emotional

© Белинская Д.В., Жуликов С.Е., Жуликова О.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

state of the younger generation, not only in Russia but also in neighboring countries. This study examines the role of Russia, Armenia, Tajikistan, Kazakhstan and Belarus in promoting traditional values and the traditional family, as well as coordinating efforts among like-minded countries on these issues. The complexity of the process of forming values among young people remains relevant against the background of socio-economic, political and spiritual transformations in recent decades. These processes have significantly influenced the dynamics of value orientations, behavioral patterns and life strategies of the younger generation. The value systems of young people evolve under the influence of historical and political processes, the information revolution, globalization, migration, the emergence of a market economy, and so on. The future of every society largely depends on youth – the key driving force of social change, capable of introducing new values and cultural norms.

Keywords: values, youth, social dynamics, value orientations, traditional values, social change, globalization, worldview, life strategies

For citation: Belinskaya D.V., Zhulikov S.E., Zhulikova O.V. Values of modern youth: an empirical aspect (based on studies in Russia, Armenia, Tajikistan, Kazakhstan, and Belarus). Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 70-93, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-70-93

Введение

Глобальные события последних лет способствовали формированию более независимого и самодостаточного индивида, способного адаптироваться к реалиям современного общества. В центре внимания оказываются материальные аспекты, такие как успех, престижная карьера, высокий доход, собственное жилье и автотранспорт. В отличие от предшествующего столетия, в XXI в. наблюдается усиленный акцент на материальном благополучии, что обусловлено снижением уровня духовного и нравственного развития социума. К сожалению, в условиях современной рыночной экономики студенческая молодежь демонстрирует недостаточное внимание к духовным ценностям. Студенты редко проявляют интерес к общественно-политической жизни, не участвуют в культурных и художественных мероприятиях, не стремятся к чтению и занятиям спортом, а также недооценивают значение искусства и творчества.

Ценности выступают как фундаментальная основа для формирования самосознания индивида, его способности к оценке себя и окружающих, структурированию жизненных ситуаций и принятию решений. Они также проявляются в его поведении в условиях проблемных и конфликтных ситуаций. Особое значение приобретают стратегии поведения, выбираемые в экзистенциальных и этически значимых контекстах, а также способность к модификации и поддержанию личных доминант.

В современном глобализированном социуме наблюдается диспропорция между общественными ожиданиями, направленными на воспитание гармонично развитой, образованной и культурно подкованной молодежи, и эмпирической реальностью, где наблюдается деградация этих качеств. Ранее молодые индивиды черпали свои

ценностные ориентиры и поведенческие паттерны из опыта старших поколений, однако в настоящее время они формируют собственную социальную идентичность, опираясь исключительно на собственные когнитивные и эмоциональные ресурсы. Это приводит к парадоксальным трансформациям в их мировоззренческих установках и поведенческих моделях. В условиях современной социальной динамики процесс формирования личности молодых людей значительно усложняется вследствие релятивизации семейных традиций, переосмысления общественных стандартов и трансформации моральных норм.

Материалы и методы

Согласно определению, представленному еще в «Советском энциклопедическом словаре», ценность – это «положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, установках, идеалах, целях» [40, с. 1473]. А ценностная ориентация – «избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении» [40, с. 1473].

В рамках концепции социального действия ценности как феномен изучал М.Вебер и выделял их как основные мотивы человеческой деятельности. «Ценность» трактуется Вебером как «установка той или иной исторической эпохи», как «направление интереса, свойственное эпохе» [3]. Ценности, как норма, способ бытия, который для личности является значимым, служат не только фундаментальными нормами действия, но и выступают мотивом человеческих поступков [2, с. 94].

Согласно теории Э.Дюркгейма, люди принимают от общества уже устоявшиеся ценности, к которым они просто должны приспособиться. При этом Дюркгейм подчеркивал необходимость построения иерархии ценностей. Он выделял следующие ценности: экономические, нравственные, религиозные, эстетические, метафизические, которые выступают в качестве индивидуальных и коллективных ориентиров действия людей [13, с. 107].

У П.Сорокина понятие «ценность» является базовым в его теории, а «ценностное качество» – это нормы единства, знаний и ценностей, что выступает главным фактором в формировании общества. По мнению социолога, «ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [41, с. 458].

Изучение ценностей в России началось в середине 1960 гг. благодаря исследованиям таких ученых, как В.А.Ядов, Н.И.Лапин, А.Г.Здравомыслов и др. [15; 21; 43], в связи с исследованием потребностей личности, изучением их типологий и изменений во времени для различных социальных групп и общностей. Большое

внимание В.А.Ядов и А.Г.Здравомыслов уделяли содержанию ценностей в соотношении с трудом [43, с. 160]. Н.И.Лапин определял ценности как обобщенные представления человека о смысле, целях и нормах собственного поведения, которые воплощают исторический опыт и выражают смысл культуры как отдельного этноса, так и всего человечества [21, с. 3].

К анализу индивидуально-личностных особенностей человека, закономерностям усвоения им общественных норм и ценностей обращаются многие современные исследователи и др. [10; 17; 23; 26; 27; 32; 33; 45].

Методологическим подходом к изучению ценностей для большинства исследователей является концепция Д.А.Леонтьева, выделяющая в данном феномене три компонента: «1) общественные идеалы – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационные структуры личности (“модели должного”), побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов» [22].

Для составления списка ценностей и дифференциации между различными их типами исследователи обычно опираются на одну или несколько классификаций жизненных ценностей, предложенных Т.Парсонсом [31], М.Рокичем [47], Г.Хофстеде [42] или Ш.Шварцем [48; 49]. Ценности рассматриваются как «осознанные» потребности, зависящие от культуры, среды и менталитета конкретного общества.

Научный анализ ценностей основывается на изучении всей системы отношения индивида или группы к различным видам жизнедеятельности [37]:

- к труду (его характеру, содержанию; его условиям, включая заработок, степень комфортности производственной среды, морально-психологический климат в коллективе, возможности профессионального роста, социального продвижения, самореализации физического и интеллектуального потенциала личности; а также его общественной значимости);
- к образованию (его значению для общества и личности, средству самосовершенствования, сфере общения, условию получения желаемой профессии, способу самоутверждения личности, достижения желаемого социального положения и др.);
- к семье (ее роли в жизни человека и общества как союза любящих супругов, социально-экономической ячейки общества, ее значения для воспитания детей и т.д.);
- к быту;
- общественно-политической деятельности.

По мнению А.И.Яковлева, «в эпоху мирового транзита (формационного перехода) в отношениях между государствами и группами государств на первый план вышли, наряду с привычными политическими и экономическими противоречиями, противоречия ценностные, которые принимают оболочку то религиозных, то цивилизационно-культурных, то национальных противоречий» [44].

Результаты исследования

В современном социуме наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, существует острая потребность в формировании здоровой, образованной, воспитанной и культурно развитой молодежи, способной интегрироваться в общество и вносить значимый вклад в его развитие. С другой стороны, реальное состояние молодого поколения вызывает тревогу и опасения.

Исторически сложилось так, что молодые люди чаще обращались к опыту предшествующих поколений, перенимая их знания, ценности и нормы поведения. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к самостоятельному формированию социального опыта, что приводит к формированию противоречивых установок и моделей поведения. Данный процесс осложняется переоценкой традиционных семейных устоев, общественных норм и нравственных ценностей, что, в свою очередь, влияет на процесс социализации студентов. В условиях глобализации и цифровизации молодые люди сталкиваются с новыми вызовами и возможностями, требующими критического осмысления и адаптации. Социализация молодежи в современных условиях представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий глубокого анализа и комплексного подхода для обеспечения гармоничного развития молодого поколения.

Процесс адаптации к усложняющимся условиям жизнедеятельности представляет собой сложный и многофакторный феномен, детерминируемый множеством переменных. В частности, значительную роль играют ценностно-нормативные установки, сформировавшиеся в сознании молодежи, а также их концептуальные представления о феномене жизненного успеха. Важнейшим аспектом адаптации является возможность самореализации, которая, в свою очередь, коррелирует с уровнем человеческого и социального капитала, а также с объективными условиями социальной среды, определяющими совокупность жизненных шансов индивида.

Социологический анализ ценностной структуры общества представляет собой методологический инструмент, позволяющий определить ключевые жизненные ориентиры его членов. Эти ориентиры служат основой для разработки долгосрочных жизненных стратегий или – при их отсутствии – краткосрочных целей и тактических решений. В ситуациях, когда четкие стратегии отсутствуют, влияние ценностей на поведение индивидов становится менее заметным. Тактическое мышление, хотя и связано с ценностными установками [11], сосредоточено на более прагматичных и утилитарных аспектах, которые не всегда совпадают с идеальными представлениями.

Ключевые ценности современной российской молодежи

Современное поколение российской молодежи обладает уникальными социально-психологическими характеристиками, которые выделяют его среди

других возрастных когорт в социуме. Эти свойства не могут быть объяснены исключительно возрастными особенностями, а требуют более глубокого анализа, учитывающего комплекс факторов, влияющих на формирование их поведенческих паттернов и мировоззрения. Ключевую роль в этом процессе играет социализация, которая, будучи многоуровневым и многофакторным явлением, оказывает определяющее воздействие на развитие молодого поколения.

Молодые люди, взрослевшие в условиях социальной турбулентности, активно взаимодействуют с медийным пространством, что существенно влияет на их восприятие и интерпретацию информации. Их самоидентификация и когнитивные схемы формируются под воздействием сложных социополитических реалий, характеризующихся высокой степенью динамичности и противоречивости. Молодежь находится под влиянием как глобальных, так и национальных социокультурных и политических процессов, в рамках которых традиционные и инновационные тенденции переплетаются, создавая многомерную и многослойную среду для их социализации и мировоззренческого становления.

Таким образом, исследование социально-психологических особенностей современного поколения российской молодежи требует комплексного подхода, учитывающего как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на их развитие.

За последние полтора десятилетия в системе ценностных ориентаций общества произошли существенные трансформации, обусловленные сдвигом акцентов в сторону активного индивидуализма. Этот процесс характеризуется акцентуацией на элементах риска, стремлении к новаторству и индивидуализированным формам удовлетворения потребностей, включая рекреационные и гедонистические аспекты. В то же время наблюдается снижение значимости пассивной социальности, ориентированной на обеспечение безопасности и стабильности. Наиболее динамичными стали ценности, связанные с поиском новых, потенциально рискованных форм активности и реализацией личных желаний, таких как отдых, развлечения и получение удовольствия. Параллельно с этим усилилась обеспокоенность угрозами различного характера и ожидание превентивных мер со стороны государства. В отличие от этих тенденций, ценность автономии и самостоятельности продемонстрировала относительную устойчивость, оставаясь практически неизменной в структуре ценностных приоритетов. Эти изменения отражают сложные процессы адаптации общества к новым социальным, экономическим и культурным реалиям, а также демонстрируют эволюцию ценностных ориентаций в условиях глобализации и технологического прогресса [23].

В результатах исследования Е.В.Реутова, М.Н.Реутовой, И.В.Шавыриной ценностные различия хорошо просматриваются. Ценностная иерархия, построенная на основании ответов молодежи, оказалась довольно типичной: триада ведущих ценностей соответствует консервативно-традиционалистской, приватно-фамилистической модели, социокультурному «ядру» российского общества. Семью, ее благополучие в качестве ключевого жизненного приоритета отметили 60,5% молодых людей, здоровье – 54,8% и деньги, хороший заработок – 36,2%. Иными словами, быть здоровым и богатым, по крайней мере, обеспеченным, не выходя при этом за пределы сильных связей, для большинства молодежи вполне достаточно. Следующую по значимости тройку приоритетов составляют любовь (20,3%), получение от жизни удовольствия (19,8%), реализация таланта и способностей (17,7%). Здесь просматриваются выход в постматериальность, нацеленность на идеал. Обращает на себя внимание достаточно низкая значимость в структуре жизненных приоритетов реализации своего таланта и способностей, которая, казалось бы, должна быть существенно выше. Это может объясняться прагматическим отношением к жизни российской молодежи, ориентирующим ее в направлении вполне измеримых, а не абстрактных целей и ценностей. Далее следуют: свобода, независимость (15,7%), карьера (15,3%), общение с друзьями (11%), покой (8,3%), профессионализм (7,5%), образование (6,1%), власть (4,3%), вера (4,3%). Стремление принести пользу своей стране в качестве жизненной доминанты характерно для 4% опрошенных. Добиться славы хотят 3,7%. Данные по регионам различаются, но незначительно, в рамках статпогрешности, и эти различия не влияют на иерархию жизненных приоритетов [36].

Иерархическая структура ценностей играет ключевую роль в понимании их относительной важности и позволяет классифицировать их по уровням терминальности и инструментальности, основываясь на ответах респондентов. Особое внимание заслуживают такие аспекты, как семья, здоровье и материальное благополучие, которые занимают верхние уровни данной иерархии, что свидетельствует об их высокой значимости. Однако следует отметить, что это не означает их исключительную терминальность. На нижних уровнях иерархии располагаются карьера, профессионализм и образование, которые, как правило, имеют инструментальный характер, способствуя достижению более высоких целей. Это не следует интерпретировать как их второстепенность; скорее, подчеркивает функциональную значимость в достижении более фундаментальных целей, которые занимают верхние уровни ценностной иерархии.

Для достижения успеха необходимо учитывать комплекс факторов, включающий соблюдение правовых норм, соблюдение моральных принципов и наличие крепкой семьи. Финансовые ресурсы играют важную роль, однако их значение не следует переоценивать. Социальные связи, такие как дружба, оказывают поддержку, но не должны занимать доминирующее положение в системе приоритетов. Таланты и креативные способности представляют собой ценный ресурс, однако они могут уступать в значимости материальному благополучию. Альтруизм и гражданская активность требуют определенных ресурсов, но не являются строго обязательными условиями для достижения успеха. Конформистское поведение может ограничивать личностный рост, однако чрезмерное стремление к оригинальности также не является универсальным ключом к успеху. Противоречие между личными амбициями и социальными ожиданиями неизбежно, и для его разрешения необходим поиск оптимального баланса между личными и общественными интересами, что предполагает высокую степень самоосознания и социальной ответственности.

По данным исследования ВЦИОМ «О ценностях и приоритетах в молодежной среде», проведенного в 2022 г., в структуре ценностных ориентаций российской молодежи первое место занимают ценности семейные: по 97% назвали важными здоровье членов семьи и безопасность семьи, 96% – отношения в семье, 95% – материальное положение семьи. Далее следует группа ценностей, характеризующих условия по месту проживания: инфраструктура в месте проживания (94%) и возможности для достижения поставленных целей (94%), экологическая ситуация (90%). Экономическая ситуация в стране важна для 89%, полноценный досуг – 83%. В меньшей степени значимыми для молодых россиян оказались ценности личностного развития: перспективы продвижения по карьерной лестнице звучат в ответах 81%, социальный статус – 72%, творческая самореализация – 71%. Нижние строки списка ценностных ориентиров заняли ценности социальные – участие в общественной и политической жизни (52%) и участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям (49%). Важность ценности здоровья подтверждают и следующие данные: 65% молодежи внимательно относятся к своему здоровью, треть признались в обратном (33%). Максимум следящих за здоровьем отмечен в младшей молодежной группе 14–17 лет – 74%. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи на сегодняшний день – это высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%). Изменить мир, внедрить что-то новое хотели бы 17% молодых граждан, а беззаботная жизнь без мыслей о будущем привлекает 9%, наименее интересным для молодежи оказалось завоевание известности и популярности (6%)[1].

По мнению А.Селезнёвой, традиционные ценности и смыслы, которые актуализированы сегодня у молодых людей, во многом отражают исторические черты нашей политической культуры. При этом они сосуществуют в политическом сознании и гражданском самосознании молодежи с «новыми» для нашей культуры ценностями (например, комфорта, прав человека, самореализации, личной инициативы). Все это, помноженное на социально-психологические особенности поколения, приводит к смещению акцентов на уровне поведенческих установок и реальных действий молодых людей. Для них вполне естественно мало знать о России как стране и государстве, в которой они живут, почти не участвовать в социальных и политических процессах, не хотеть брать на себя ответственность за благо других людей, но при этом называть себя патриотами и ожидать от государства заботы и защиты [39].

Особое значение на сегодня в российском обществе имеет качественная проработка действенного механизма, который будет оказывать влияние на духовный потенциал молодежи. Чем эффективней влияние этого механизма, тем более качественно формируется патриотизм. И, естественно, любому процессу деятельности присущ определенный механизм. Следовательно, существуют и

1 Ценности молодежи // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi.

особенности формирования патриотизма в молодежной среде, которые имеют многоаспектный и многоуровневый характер [1, с. 43].

Патриотизм представляет собой фундаментальный элемент как общественного, так и индивидуального сознания. В общественном контексте патриотизм манифестируется через призму национальных и государственных идентичностей, которые акцентируют единство и уникальность этноса. Эти идентичности формируются на основе совокупности культурных традиций, стереотипов, моральных устоев, исторических нарративов и культурного наследия, присущих каждой нации. На индивидуальном уровне патриотизм воспринимается как глубокое чувство привязанности к родине, гордость за ее достижения и стремление к познанию, пониманию и совершенствованию ее социально-политического и культурного ландшафта.

По результатам авторского регионального исследования, ценность «патриотизм» воспринимается как гордость за Россию и ее историю. Большинство опрошенных считают, что в патриотическом воспитании не все благополучно, и предлагают улучшить в этом направлении деятельность средств массовой информации.

Рисунок. Значимые ценности студенческой молодежи
Figure. Significant Values of the Student Youth

По результатам опроса, любовь к Родине занимает далеко не ведущие позиции. Главные ценностные предпочтения молодежи – это здоровье, материальный достаток, семья и образование. В целом ориентация на социально значимые ценности гораздо ниже по сравнению с ориентациями на личностно значимые. При этом исследование показало, что опрошенные студенты в целом считают себя патриотами. Так, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?», 55,8% выбрали вариант ответа «да»,

«нет» ответили 12,8%, частично считают себя патриотами 28,6% респондентов, затруднились ответить 2,8% опрошенных.

Респонденты в ответах указали, что на формирование их патриотических чувств влияют, прежде всего, родители (39,2%). 21,4% респондентов выбрали вариант «школа», 18,5% – «окружающие люди», 7,1% – «СМИ». Небольшое количество студентов (7,1%) считают, что органы власти повлияли на их взгляды, 6,4% выбрали «другое», говоря о том, что на их мнение повлияли книги и менталитет народа.

Значимой ценностью молодежи является материальной достаток, но мы можем наблюдать, что он сочетается с такими ценностями, как семья и дружба. Представления о «завтрашнем дне» размыты, так как это во многом зависит от финансового благополучия. Кроме материального достатка, для молодого поколения немаловажно иметь возможность трудоустройства по специальности. Возможность реализоваться в жизни – одна из ключевых задач молодых людей. Страна, по мнению молодежи, должна как можно лучше реализовывать интересы поколения. Заинтересованность государства в улучшении качества жизни людей будет способствовать поднятию патриотического настроения граждан.

В контексте мировоззрения современной российской молодежи ценности демонстрируют амбивалентность, проявляющуюся в сочетании противоположных оценок, нестабильности, изменчивости и эклектичности. Данная когорта характеризуется выраженным отсутствием интереса к политическим процессам и властным структурам, что выражается в политической индифферентности. В ценностной системе молодежи доминируют прагматические установки, ориентированные на гедонистические ценности и рекреационные практики.

Основные ценностные приоритеты современной армянской молодежи

Для армянской молодежи цель жизни сводится главным образом к реализации своего потенциала в обществе и экономике, переживанию радостей и удовольствий от жизни. Этим молодежь несколько отличается от представителей старшего поколения, в чьих мнениях больше проявляется альтруизм («жить дружно со своими детьми», «делать все для благополучного будущего своих детей») [46]. Молодежь склонна также рассматривать в качестве главной жизненной цели для себя достаток: 26% против 19% среди старшего поколения. Показательно, что профессионализм на рабочем месте оценивается молодыми людьми не так высоко – 15% (среди старшего поколения – 26%). В то же время молодые армяне более амбициозны в плане карьерных перспектив, чем представители старшего поколения (8% против 4% соответственно). Это может означать, что получение материальных благ не всегда связывается юношами и девушками с проявлением себя в профессии, а квалификация зачастую не ассоциируется с обязательным условием реализации карьерных планов. Возможно, благодаря своей амбициозности представители молодежи достаточно ясно представляют собственные перспективы. Согласно полученным социологическим данным, среди армянской молодежи только менее 19% не определились с планами на ближайшее будущее. Работа, как и здоровье, рассматривается молодым поколением как важный инструмент достижения желаемого качества жизни. Для молодежи роль такого блага и одновременно условия достижения высокого качества жизни, самостоятельности принципиально играют деньги [4].

Одновременно те сложности, которые переживает молодое население Армении в плане возможности открытия своего бизнеса (лишь 25% опрошенных до 30 лет определяют условия, сложившиеся в этой сфере, как благоприятные), а также в плане приобретения жилья (лишь 48% опрошенных до 30 лет считают ипотеку доступной для молодых семей), нередко приводят к тому, что в поведении молодых людей начинают преобладать стратегии выживания, а не модернизационные тактики [29].

Межпоколенная трансмиссия ценностей ярче проявляется в армянском обществе: здесь поддерживаются самобытные национальные черты повседневной жизни, традиционная культура отдыха и проведения праздников [29]. Молодое и взрослое население ценят свою религиозную и этническую общность, сформированную веками, сохраняют свой национальный язык, поддерживают связи с соотечественниками во всем мире [28, с. 28–30].

По данным исследования Г.А.Погосяна, традиционные ценности представляют собой довольно устойчивый, базовый компонент в структуре национальной идентичности [34]. На первом месте по важности, как и десятки лет назад, оказались такие ценности, как семья (98,7%), работа (95,5%), а после них респонденты отмечали такие, как друзья, знакомые (93,2%) и религия, вера (84,0%). Важность такой ценности, как свободное время, оценили 82,2% респондентов, а политики – лишь 44,9% респондентов [35].

Ценности армянской молодежи во многом совпадают с представлениями современных россиян. Семья воспринимается как ключевой источник сакральной силы, генерирующий общезначимые и безусловные смыслы и играющий роль «смыслопорождающего фактора армянской государственности»[2]. Армянская молодежь все больше отдаляется от традиционных ценностей, которые были присущи предыдущему поколению. Российские социологи также выражают тревогу из-за того, что «современная молодежь не придает большого значения труду». Эксперты, исследуя данные, пришли к выводу, что большинство молодых людей, особенно в городах, стремятся к быстрому успеху. Этот успех они видят в материальном благополучии, финансовой независимости, известности и свободе в организации досуга.

В то же время армянская молодежь постсоветского периода постепенно отходит от ценностной системы своих родителей. Для этой группы важной характеристикой является самоидентификация, то есть осознание себя армянином. При этом армянская молодежь постсоветского периода постепенно отстраняется от ценностной системы

2 Киракосян Р. Свод принципов и ценностей для самоорганизации армянства // ИА Реалист. URL: https://realtribune.ru/ svod-principov-i-cennostej-dlya-samoorganizacii-armyanstva?fbclid= IwAR1OeNqxW-k-CUcf2l0enbJpABHkIX4asKMBWZLzSyo0Rfh93rQW0lnhhI.

родителей. Для постсоветской армянской молодежи важной характеристикой является самоидентификация, чтобы человек сам себя считал армянином.

Главные ориентиры в системе ценностей современной молодежи Таджикистана

Ценности жителей Таджикистана обладают глубокими историческими корнями и уникальными характеристиками, которые со временем формируют различные аспекты социальной, культурной и политической жизни страны. Менталитет, как фундаментальный элемент социальной психологии, играет ключевую роль в этом процессе, оказывая значительное влияние на формирование ценностных ориентиров как среди молодежи, так и старшего поколения. Он определяет ключевые аспекты жизни, включая характер занятости и уровень безработицы, формы досуга, уровень достатка и критерии жизненного успеха, а также механизмы раскрытия творческого потенциала. Менталитет также оказывает существенное воздействие на структуру семейных и более широких социальных объединений, формируя устойчивые паттерны взаимодействия между различными поколениями, социальными группами и политическими институтами. В условиях многовековых традиций ментальные установки населения становятся важным фактором, определяющим развитие политической системы и ее институциональных особенностей. Таким образом, анализ ментальных особенностей таджикского общества позволяет глубже понять механизмы формирования социальных и культурных процессов, а также прогнозировать их динамику в будущем [25, с. 7].

По мнению Г.К.Мамурова, молодежные ценности в Таджикистане часто коррелируют с конформизмом, который можно определить как добровольное подчинение авторитету представителей старшего поколения, даже в условиях внутренних противоречий. Воспитание молодого поколения в этой стране основывается на принципах авторитаризма и конформизма, где доминирующая роль старших в принятии решений и формировании характера молодежи проявляется в рамках семейных, клановых и региональных структур. Противоречие воле старших может привести к социальной изоляции и осуждению со стороны общества. Кровные и клановые связи фактически представляют собой монополизацию свободы и воли молодежи старшими поколениями, поскольку эта система играет ключевую роль в их жизни. Национальные ценности, усваиваемые молодежью наряду с другими поколениями, создают внутренний конфликт вследствие противоречия между общей идентичностью в регионе Средней Азии, известной как «турку-тоджик», и специфической идентичностью таджиков. Этот конфликт отражает сложность культурного и социального ландшафта страны, где традиционные и современные элементы сосуществуют и взаимодействуют, формируя уникальный контекст для развития молодежи.

В Таджикистане, где жизнь остается непростой, молодые люди стремятся к успеху и материальному благополучию. Они часто сосредоточены на том, чтобы

обеспечить минимальный уровень жизни для своих близких, и готовы отказаться от профессии, на которую потратили много лет. Коррупция усиливает убеждение, что деньги и связи – самое важное.

Результаты открытого ассоциативного эксперимента О.В.Ладыгиной выявили приоритетные компоненты идентичности: гендерную, учебно-профессиональную и семейную [19]. Общество Таджикистана представляет собой субъект традиционной культуры, для которой характерны общинные представления. Соблюдение традиций становится главным условием стабильности в обществе, т.к. они являются основными регуляторами поведения людей. Вопросы, связанные с профессиональной судьбой, семейно-брачными отношениями, включая вступление в брак, и другие жизненные вопросы детей (независимо от их возраста) принимают родители. Патриархальный уклад не способствует проявлению самостоятельности. Осознавая свои жизненные приоритеты, человек не берет на себя ответственность за реализацию своего выбора. При этом у молодых людей отсутствует сомнение в правильности установленного порядка, и устойчивыми являются гендерные стереотипы. Для таджикского общества характерно четкое распределение социальных обязанностей между мужчинами и женщинами [19, с. 15].

У большинства молодых людей Таджикистана понятие «патриотизм» ассоциируется с признанием ценности Родины, ее значимости наравне с дружбой, семьей, работой [20]. Данная установка отражает исторически объективно сложившуюся нравственно-эмоциональную связь человека с Родиной. Эта связь возникает в процессе приобщения к ее историческому прошлому, к достижениям науки и культуры. Однако незначительная часть респондентов посчитали важным элементом патриотизма изучение истории и культуры страны.

Приоритетные ценности современной молодежи Казахстана

Современная казахстанская молодежь, согласно результатам социологических исследований, определяет семью, дружеские связи и здоровье как фундаментальные жизненные ценности, формирующие основу их мировоззрения и поведенческих стратегий. В дополнение к этим аспектам, они также придают большое значение интересной профессиональной деятельности, финансовому благополучию и справедливости, значение которой в последнее время значительно возросло. Завершают этот перечень религиозные убеждения, которые играют существенную роль в формировании их ценностной системы [14].

В исследовании М.Д.Майлыкутовой при анализе ответов молодежи о главных жизненных ценностях были выделены наиболее часто упоминаемые приоритеты. Респонденты чаще всего говорили о стремлении к интересной и высокооплачиваемой работе, семейном благополучии, заботе о собственном здоровье и здоровье близких, получении образования, карьерном росте, обеспечении спокойной и стабильной жизни, независимости, удовольствии от жизни и организации досуга [12]. Молодые люди в первую очередь выделяют возможность заниматься интересной и хорошо

оплачиваемой работой, значимость семейного счастья, необходимость заботы о своем здоровье и здоровье окружающих, а также важность образовательных и профессиональных достижений. В то же время такие ценности, как спокойная жизнь, независимость и удовлетворение достигнутым, оказались наименее значимыми в их системе приоритетов [24].

Для большинства молодых людей основной целью в жизни, по их мнению, является стремление найти свое достойное место в ней, заслужить уважение окружающих и быть полезным людям (об этом в разной форме высказались 57,4% респондентов). На второе место вышли такие конкретно сформулированные цели, как получение соответствующего образования (57,1%), совершенствование своего профессионального мастерства (49,9%). Далее, в качестве главных целей в жизни выступили желание достичь высокого положения в обществе (44,1%), «быть честным и порядочным» (37,7%), «воспитать своих детей достойными людьми» (19,0%).

В анкете для экспертов также был выделен вопрос: «Как Вы думаете, какие из перечисленных ценностей наиболее важны для современного человека?». Ответы распределились следующим образом: ценности личной жизни – 55,7%; общечеловеческие ценности – 51,2%; социально-профессиональные ценности – 49,8%; этические, моральные ценности – 46,1%; национально-культурные ценности – 34,6%; социально-экономические ценности – 26,3%; ценности правовой культуры – 18,5%; художественно-эстетические ценности – 11,0% [30].

Современная молодежь рассматривает ценности как ключевые ориентиры для своего личностного и профессионального развития, а также как цели, к достижению которых они стремятся. В этом контексте цели могут варьироваться от создания семьи до построения успешной карьеры или достижения успеха в творческой сфере. Казахская молодежь, вопреки распространенным стереотипам, не ограничивается исключительно стремлением к материальному благополучию. Для них приоритетное значение имеют духовные аспекты, включая религиозную идентичность и возможность самореализации. Молодое поколение убеждено, что достижение успеха напрямую связано с их личными качествами и креативным мышлением, что отражает их стремление к гармонии между материальными и духовными аспектами жизни.

В целом следует сказать, что казахстанская молодежь находится на этапе формирования своего ценностного каркаса. Важную роль здесь играют несколько факторов. В первую очередь это поток вестернизации и рыночной психологии. Второй процесс – это влияние государственной идеологии. Третье – это возрождение духовно-культурных традиций. Именно смешение этих потоков и образует некую новую социальную реальность, называемую казахстанской молодежью. При этом молодежь основывается на оптимистическом видении своих перспектив. Квалифицированное большинство рассчитывает на жизненный прорыв и улучшение своего благополучия [38].

Специфику формирования ценностей молодежи стран Центральной Азии отмечала в своем докладе на Всероссийской научной конференции «II Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения» В.В.Комлева: в последнее время все чаще таким объектом становится идентичность – национальная, гражданская, национально-государственная (язык, традиции, культурное наследие, религиозные признаки, ценности, коллективная память)[3].

Ценности, формирующие мировоззрение современной молодежи Беларуси

Для молодых жителей Беларуси на первом месте среди базовых ценностей была и остается семья (по данным лонгитюдного исследования А.Н.Данилова и Д.Г.Ротмана: в 1990 г. – 68,4%, в 2018 г. – 82% от общего числа опрошенных) [6]. Институт семьи как ценность главенствует во всех аксиологических исследованиях в рамках известнейших проектов. В Беларуси значение семьи выросло почти на 15% в группе молодежи, что свидетельствует о росте понимания важности базовых ценностей представителями молодого поколения. Второе место по степени значимости занимает работа – это гарант нормальной жизни человека и, главное, способ успешного существования семьи, что становится все более понятным молодежи. Так, если в 1990 г. 35% молодежи отмечали работу в качестве важной ценности, то в 2018 г. – уже 58%. Уровень значимости таких базовых ценностей, как друзья и знакомые (социальный капитал) и досуг (включая здоровый образ жизни), в 2018 г. сохранился примерно таким же, что и в 1990 г. У молодежи наблюдается рост интереса к политике: если в 1990 г. лишь каждый четвертый молодой человек отмечал, что политика важна для него, то в 2018 г. такой позиции придерживается уже каждый третий. Наблюдается рост позитивного отношения к религии и признание ее важности у всех поколений по сравнению с 1990 г. Данные мониторинга позволяют утверждать, что базовые ценности меняются очень медленно, в отличие от форм и способов их реализации – они зависят от социально-экономического и культурно-исторического контекста.

По данным опроса, проведенного в сентябре – декабре 2024 г. Белорусским комитетом молодежных организаций (БКМО) совместно с Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ и Институтом социологии НАН Беларуси среди 12 тысяч молодых белорусов из разных регионов страны[4], 70,2% опрошенных молодых людей назвали семью самым важным аспектом своей жизни. Это значительно выше, чем показатели, связанные с карьерой (35,1%) и личным счастьем (24,2%). Более 85% респондентов связывают личное благополучие с собственной активностью, а не с внешними факторами, что говорит о высокой степени ответственности и уверенности в своих силах. Результаты исследования подтверждают: белорусская молодежь выбирает стабильность, семейные ценности и уверенность в завтрашнем

3 Валентина Комлева сделала доклад о «Проблемах секьюритизации национальной идентичности» в рамках Дробижевских Чтений // НИИРК. URL: https://nicrus.ru/events/valentina-komleva-sdelala-doklad-o-p/.

4 Белорусская молодежь выбирает традиционные ценности и уверенность в завтрашнем дне // Минская прауда. URL: https://mlyn.by/23042025/belorusskaya-molodezh-vybiraet-tradiczionnye-czennosti-i-uverennost-v-zavtrashnem-dne/.

дне. Благодаря грамотной государственной политике и социальной поддержке молодые люди чувствуют себя защищенными и готовыми строить будущее своей страны.

Социологические исследования демонстрируют [5–9; 16], как меняются жизненные ориентиры молодых белорусов и какие тенденции могут влиять на общественно-политическую ситуацию. В то время как основные ценности остаются стабильными, их формы и способы воплощения претерпевают значительные изменения. Увеличивается значимость личной самореализации в семье и на работе, растет стремление полагаться на собственные силы, а не на государство. Молодежь проявляет повышенный интерес к политике и становится более политически радикальной благодаря средствам массовой информации. Она критически оценивает важные события, что отражает глобальный рост протестных настроений.

Современное поколение ценит индивидуализм и откликается на чужие проблемы, будучи готовым жертвовать ради общих целей. Молодые люди стремятся к переменам, желают жить в обществе, где их мнение имеет значение и где социальная справедливость является приоритетом. Они заинтересованы в научно-техническом прогрессе, инновациях в экономике и рациональном использовании природных ресурсов. Молодые белорусы также ощущают свою связь с Родиной и стремятся быть частью глобального сообщества. В результате аргументы, которые ранее воспринимались позитивно, теперь теряют свою эффективность.

Выводы

Начало XXI в. характеризуется сложными социальными процессами, которые оказали значительное влияние на систему ценностей и мировоззрение молодого поколения. Открытое геополитическое противостояние России и Запада инициировало трансформацию социально-политических условий, что существенно влияет на психоэмоциональное состояние молодежи не только в российском обществе, но и социумах стран ближнего зарубежья.

Представленные в исследовании страны (Россия, Армения, Таджикистан, Казахстан, Беларусь) взяли на себя роль одного из главных защитников традиционных ценностей и традиционной семьи как их важнейшей составляющей и обладают существенным потенциалом координации соответствующей работы среди всех акторов, разделяющих данный подход [18].

Проблема формирования ценностей среди молодежи продолжает оставаться актуальной в контексте современных социально-экономических, политических и духовных трансформаций, наблюдаемых в обществе на протяжении последних нескольких десятилетий. Эти процессы существенно повлияли на динамику ценностных ориентиров, поведенческих моделей и жизненных стратегий молодого поколения. Система ценностей, доминирующая в обществе, оказывает значительное влияние на формирование ценностных установок молодежи, которые, в свою очередь,

претерпевают непрерывную эволюцию под воздействием как эндогенных, так и экзогенных факторов. К числу последних можно отнести развитие исторических и политических процессов в стране, информационную революцию, глобализацию, миграционные процессы, становление рыночной экономики и др. Молодежь, являясь ключевой движущей силой социальных изменений, обладает потенциалом внедрения новых ценностей и культурных норм, что во многом будет определять будущее общества, его моральное состояние и направления нравственных трансформаций.

Список литературы

1. Афонин И.Д., Афонин А.И. Социально-политический механизм формирования патриотизма у молодежи в современных условиях [Socio-Political Mechanism of Formation of Patriotism at Youth in Modern Conditions] // Человеческий капитал. 2013. № 11(59). С. 42–45.
2. Вебер М. Избранные произведения [Selected Works]. М: Прогресс, 1990. 804 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 vols] / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г.Ионин. М.: ИД ВШЭ, 2016. Т. I: Социология.
4. Головчин М.А., Мкоян Г.С. Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) [Youth in former Soviet republics in conditions of value transformation of society (Case Study of Russia and Armenia)] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 215–229. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.14.
5. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Базовые ценности европейцев: основа сближения или инструмент противостояния [The Basic Values of Europeans: the Basis of Rapprochement or an Instrument of Confrontation] // Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М.Булынко, А.Н.Данилова, В.В.Правдивца, Д.Г.Ротмана. Минск, 2016.
6. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии [The Youth of Modern Belarus: Basic Values, Life Plans and Behavioral Strategies] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 469–481. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481.
7. Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Современное белорусское общество: динамика перемен и эволюция ценностей [Modern Belarusian Society: Dynamics of Change and Evolution of Values] // Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Под ред. Д.М.Булынко, А.Н.Данилова, Д.Г.Ротмана. Минск, 2009.
8. Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Белов А.А. Эмпирическая интерпретация понятия «ценности» и теоретические подходы к их изучению: некоторые закономерности и выводы [Empirical Interpretation of the Concept of «Values» and Theoretical Approaches to Their Study: Some Patterns and Conclusions] // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М.Булынко, Д.Г.Ротмана. Минск, 2019.
9. Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Булынко Д.М. Аксиологическое окружение Беларуси: понимание иного [Axiological Environment of Belarus: Understanding the Other] // Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Под ред. Д.М.Булынко, А.Н.Данилова, Д.Г.Ротмана. Минск, 2013.
10. Девятко И.Ф. Понятие ценности в социологической теории: влияние и (недооцененные) возможности его интерпретации с позиций гештальт-психологии [The Concept of Value in Sociological Theory: the Influence and (Underestimated) Possibilities of its Interpretation from the Standpoint of Gestalt Psychology] // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 3–12.
11. Демиденко С.Ю. Социология в поиске идентичности (интервью с Н.В.Романовским) [Sociology in Search for Identity (Interview with N.V.Romanovsky)] // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 117–132. https://doi.org/10.31857/S013216250025807-0.
12. Джаманбалаева Ш.Е. Общество и подросток: социологический аспект девиантного поведения [Society and the Teenager: the Sociological Aspect of Deviant Behavior]. Алматы, 2002. 278 с.

13. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения [Value and Real Relationships] // Социс. 1991. № 2. С. 106–114.
14. Елишев С.О. Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» [Theoretical and Methodological Approaches to the Study of the Concepts of «Value» and «Value Orientations»] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология, Политология. 2010. № 3. С. 74–90.
15. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности [Attitude to Work and Value Orientations of Personality] // Социология в СССР. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 189–208.
16. Иванюто О.В., Правдивец В.В. Политические ценности [Political Values] // Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М.Булынко, Д.Г.Ротмана. Минск, 2019.
17. Капустина Н.Н., Тищенко И.В. Ценностные константы российского общества и современные цивилизационные вызовы (теоретический аспект) [Value Constants of Russian Society in the Context of Current Civilizational Challenges for Russia (Theoretical Aspect)] // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 170–174.
18. Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития [The Role of Russia in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Modern World Development] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 39–51. https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-39-51.
19. Ладыгина О.В. Студенчество Таджикистана: социальный образ и конструирование будущего [Students of Tajikistan: a Social Image and the Construction of the Future] // Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана: монография / Д.М.Искандарова, О.В.Ладыгина, С.Г.Сабирова [и др.]; под. ред. Д.М.Искандаровой, О.В.Ладыгиной. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2025. С. 7–16.
20. Ладыгина О.В., Попова Н.В. Значение национальных идентификационных предпочтений молодежи в сохранении и развитии национальных культур [The Importance of National Identity Preferences of Young People in the Preservation and Development of National Cultures] // Известия Национальной Академии наук Таджикистана. 2023. № 2. С. 50–55. EDN: VLICHR
21. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России [Values as Components of the Socio-Cultural Evolution of Modern Russia] // Социс. 1994. № 5. С. 3–8.
22. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности [From Social Values to Personal Ones: Sociogenesis and Phenomenology of Value Regulation of Activity] // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 4. С. 35–44.
23. Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы [The Evolution of Basic Human Values of the Russians, 2006–2021] // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.
24. Майлыкутова М.Д. Современные ценности молодежи Казахстана: тенденции и анализ [Modern Values of the Youth of Kazakhstan: Trends and Analysis] // Ученый совет. 2023. № 9. https://doi.org/10.33920/nik-02-2309-01
25. Мамурова Г.К. Культурологические основы менталитета и ценностных ориентаций молодежи в современном Таджикистане (философско-культурологический анализ) [Cultural Foundations of the Mentality and Value Orientations of Youth in Modern Tajikistan (Philosophical and Cultural Analysis)]: дисс. ... канд. философ. наук. Душанбе, 2017. 154 с.
26. Мартыненко О.О., Коротина О.А. Ценностные ориентации студенческой молодежи [Vladivostok Students' Value System] // Высшее образование в России. 2016. № 8–9(204). С. 22–29.
27. Микешина Л.А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ [The Problem of Values in Modern Sociology: an Epistemological Analysis] // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 44–53. https://doi.org/10.31857/S013216250011917-1.
28. Мкоян Г.С. Армянская Апостольская церковь, семья и государство как единая система социализации и символ формирования социально-культурных ценностей членов общества [Armenian Apostolic Church, the Family and the State as a Unified System of Socialization and a Symbol of the Formation of Socio-Cultural Values of Members of Society] // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 28–30.
29. Мкоян Г.С. Социокультурные ценности в современном армянском обществе: межпоколенный анализ [Sociocultural Values in Modern Armenian Society: an Intergenerational Analysis]: дисс. ... канд. соц. наук. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 233 с.
30. Молодежь Казахстана 2012–2016 [Youth of Kazakhstan 2012–2016]. Статистический сборник (на казахском и русском языках). Астана, 2017.

31. Парсонс Т. Пролегомены к теории социальных институтов [Prolegomena to a Theory of Social Institutions] / Пер. и комментарий А.Д.Ковалева // Глобализация и социальные институты: социологический подход / Под ред. И.Ф.Девятко, В.Н.Фоминой. М.: Наука, 2010. С. 295–330.
32. Перченко Е.Л., Гудина Т.В. Особенности смысложизненных ориентаций и защитно-совладающего поведения у иностранных и российских студентов [Features of Life Meaning Orientations and Defensive-Coping Behavior of Russian and Foreign Students] // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 124–136. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-4-124-136.
33. Петренко Н.А. Ценностные ориентации современных студентов высших учебных заведений [Value Orientations of Modern Students of Higher Education Institutions] // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Т. 11(77). 2025. № 2. С. 96–104.
34. Погосян Г.А. Общие контуры национальной идентичности у современных армян [General Contours of National Identity among Modern Armenians] // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 4. С. 123–140.
35. Погосян Г.А. Межпоколенческие сдвиги в ценностных представлениях современных армян [Intergenerational Shifts in the Value Concepts of Modern Armenians] // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций: Материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2025. С. 309–311.
36. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В Жизненные цели молодежи и способы их достижения (по результатам опроса в юго-западном и южных регионах России) [Life Goals of Youth and Ways to Achieve Them (a Survey in the South-Western and Southern Regions of Russia)] // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 97–107. https://doi.org/10.31857/S013216250023772-2.
37. Российская социологическая энциклопедия [The Russian Sociological Encyclopedia]. / Под общ. ред. академика РАН Г.В.Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 672 с.
38. Сарсембек Г.Е. Ценности современной молодежи Казахстана [Values of Modern Youth of Kazakhstan] // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты: Сборник тезисов докладов Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда / Министерство науки и высшего образования РФ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина; Оксфордский Российский фонд. Екатеринбург, 2020. С. 271–273.
39. Селезнёва А. Ценностные доминанты политического самоопределения молодежи: традиционные смыслы в новых условиях [Value Dominants of Youth's Political Self-Determination: Traditional Meanings in New Conditions] // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 11–12(30). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/cennostnye-dominanty-politicheskogo-samoopredelenija-molodezhi-tradicionnye-smysly-v-novykh-uslovijakh.
40. Советский энциклопедический словарь [Soviet Encyclopedic Dictionary] / гл. ред. А.М. Прохоров. 4 е издание. М.: Советская энциклопедия, 1988.
41. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Man. Civilization. Society]. М.: Политиздат. 1992. 542 с.
42. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур [Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in the Context: Parameters of Quantitative Characteristics of Crops] / Пер. с англ. В.Б.Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 2. С. 9–49.
43. Ядов В.А. Ценности в кризисном социуме [Values in a Crisis Society] // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 754–167.
44. Яковлев А.И. Эволюция систем ценностей в «эпоху больших перемен»: общие вызовы и проблемы [Evolution of Value Systems in the «Era of Great Changes»: General Challenges and Problems] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 120–131. https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131.
45. Яницкий М.С., Серый А.В., Пелех Ю.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии [The Value-and Meaning Paradigm as a Basis of the Post-Nonclassical Pedagogical Psychology] // Философия образования. 2013. № 1(46). С. 175–186.
46. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 323 p.
47. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values / Ed. by H.E.Howe, M.M.Page. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1980. P. 261–304.

48. Schwartz S. National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // Handbook of the Economics of Art and Culture / V.A.Ginsburgh, D.Throsby (eds.). Elsevier. 2014. Vol. 2. P. 547–586.
49. Schwartz S. Toward Refining the Theory of Basic Human Values in: Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences / Ed. by S.Salzborn, E.Davidov, J.Reinecke. Wiesbaden: Springer, 2012.

Информация об авторах

БЕЛИНСКАЯ Дина Викторовна. Кандидат социологических наук. Доцент. Заведующая кафедрой политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. https://orcid.org/0000-0002-7772-9452. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. belinskaya@tsutmb.ru

ЖУЛИКОВ Сергей Евгеньевич. Кандидат физико-математических наук. Доцент. Доцент кафедры математического моделирования и информационных технологий Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. https://orcid.org/0009-0001-7284-0952. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. ssergiuss@yandex.ru

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна. Кандидат социологических наук. Доцент. Доцент кафедры библиотековедения и документоведения Тамбовского государственного университета имени Г.Р.Державина. https://orcid.org/0000-0002-7424-7247. Адрес: Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. oltamb@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Afonin I.D., Afonin A.I. Socio-Political Mechanism of Formation of Patriotism at Youth in Modern Conditions. Chelovecheskij kapital [Human Capital]. 2013; 11(59):42–45 [In Russian].
2. Weber M. Selected Works. Moscow: Progress [Progress], 1990. 804 p. [In Russian].
3. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 vols. Translated from German; compiled, edited and prefaced by L.G.Ionin. Moscow: ID VShE [VShE], 2016. Vol. I: Sociology [In Russian].
4. Golovchin M.A., Mkoyan G.S. Youth in former Soviet republics in conditions of value transformation of society (Case Study of Russia and Armenia). Ekonomicheskie i social`nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2018; 11(3):215–229 [In Russian]. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.14.
5. Danilov A.N., Rotman D.G. The Basic Values of Europeans: the Basis of Rapprochement or an Instrument of Confrontation. The Value World of Modern Man: Eastern Partnership Countries, the European Union, and Russia in International Values Study Projects. Ed. by D.M.Bulynko, A.N.Danilov, V.V.Pravdivets, D.G.Rotman. Minsk, 2016 [In Russian].

6. Danilov A.N., Rotman D.G. The Youth of Modern Belarus: Basic Values, Life Plans and Behavioral Strategies. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya [RUDN Journal of Sociology]. 2021; 21(3):469–481 [In Russian]. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-469-481.
7. Danilov A.N., Rotman D.G. Modern Belarusian Society: Dynamics of Change and Evolution of Values. The Value World of Modern Man: Belarus in the Project “Study of European Values”. Ed. D.M.Bulynko, A.N.Danilov, D.G.Rotman. Minsk, 2009 [In Russian].
8. Danilov A.N., Rotman D.G., Belov A.A. Empirical Interpretation of the Concept of “Values” and Theoretical Approaches to Their Study: Some Patterns and Conclusions. The Value World of Modern Man: the Project “Study of European Values”, Wave-2018. Ed. D.M.Bulynko, D.G.Rotman. Minsk, 2019 [In Russian].
9. Danilov A.N., Rotman D.G., Bulynko D.M. Axiological Environment of Belarus: Understanding the Other. The Value World of Modern Man: Belarus and Its Neighbors in International Values Study Projects. Ed. by D.M.Bulynko, A.N.Danilov, D.G.Rotman. Minsk, 2013 [In Russian].
10. Devyatko I.F. The Concept of Value in Sociological Theory: the Influence and (Underestimated) Possibilities of its Interpretation from the Standpoint of Gestalt Psychology. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2020; 10:3–12 [In Russian].
11. Demidenko S. Yu. Sociology in Search for Identity (Interview with N.V. Romanovsky. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2023; 5:117–132 [In Russian]. https://doi.org/10.31857/S013216250025807-0/
12. Dzhamanbalaeva Sh.E. Society and the Teenager: the Sociological Aspect of Deviant Behavior. Almaty, 2002. 278 p. [In Russian].
13. Durkheim E. Value and Real Relationships. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Studies]. 1991; 2:106–114 [In Russian].
14. Elishev S.O. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of the Concepts of “Value” and “Value Orientations”. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya” [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2010; 3:74–90 [In Russian].
15. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. Attitude to Work and Value Orientations of Personality. Sociologiya v SSSR [Sociology in the USSR]. Moscow: Mysl [Thought], 1965. 2: 189–208 [In Russian].
16. Ivanyuto O.V., Pravdivets V.V. Political Values. The Value World of Modern Man: the Project “Study of European Values”, Wave–2018. Ed. D.M.Bulynko, D.G.Rotman. Minsk, 2019 [In Russian].
17. Kapustina N.N., Tishchenko I.V. Value Constants of Russian Society in the Context of Current Civilizational Challenges for Russia (Theoretical Aspect). Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2025; 10:170–174 [In Russian].
18. Karpovich O.G. The Role of Russia in Upholding Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Modern World Development. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2024, 2(12):39–51 [In Russian]. https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2 (12)-39-51.
19. Students of Tajikistan: a Social Image and the Construction of the Future. A Study of Ethno-Linguistic and Cultural Features of Communicative Behavior Among Young People in Tajikistan: Monograph. D.M.Iskandarov, O.V.Ladygina, S.G.Sabirova [et al.]; ed. by D.M.Iskandarov, O.V.Ladygina. St.Petersburg: Scientia [Scientya], 2025:7–16 [In Russian].
20. Ladygina O. V., Popova N.V. The Importance of National Identity Preferences of Young People in the Preservation and Development of National Cultures. Izvestiya Nacional`noj Akademii nauk Tadzhikistana [News of the National Academy of Sciences of Tajikistan]. 2023; 2:50–55 [In Russian]. EDN: VLICHR.
21. Lapin N.I. Values as Components of the Socio-Cultural Evolution of Modern Russia. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1994; 5:3–8 [In Russian].
22. Leontiev D.A. From Social Values to Personal Ones: Sociogenesis and Phenomenology of Value Regulation of Activity. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya [Lomonosov Psychology Journal. Ser. 14. Psychological]. 1996; 4:35–44 [In Russian].
23. Magun V.S. The Evolution of Basic Human Values of the Russians, 2006–2021. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2023; 12:44–58 [In Russian].
24. Mailykutova M.D. Modern Values of the Youth of Kazakhstan: Trends and Analysis. Uchenyj sovet [Academic Council]. 2023; 9 [In Russian]. https://doi.org/10.33920/nik-02-2309-01.
25. Mamurova G.K. Cultural Foundations of the Mentality and Value Orientations of Youth in Modern Tajikistan (Philosophical and Cultural Analysis): Theses ... CandSc (Philosophical). Dushanbe, 2017. 154 p. [In Russian].
26. Martynenko O.O., Korotina O.A. Vladivostok Students’ Value System. Vysshee Obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2016; 8–9(204):22–29 [In Russian].

27. Mikeshina L.A. The Problem of Values in Modern Sociology: an Epistemological Analysis. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2020; 12:44–53 [In Russian]. https://doi.org/10.31857/S013216250011917-1.
28. Mkoyan G.S. Armenian Apostolic Church, the Family and the State as a Unified System of Socialization and a Symbol of the Formation of Socio-Cultural Values of Members of Society. Obshchestvo: Sociologiya, Psixologiya, Pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 2016; 5:28–30 [In Russian].
29. Mkoyan G.S. Sociocultural Values in Modern Armenian Society: an Intergenerational Analysis: Theses ... CandSc (Sociological). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet [St.Petersburg State University], 2017. 233 p. [In Russian].
30. Youth of Kazakhstan 2012-2016. Statistical Digest. Astana, 2017 [In Kazakh and Russian].
31. Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institutions. Trans. and commentary by A.D.Kovalev. Globalization and Social Institutions: a Sociological Approach. Ed. by I.F.Devyatko, V.N.Fomina. Moscow: Nauka [Nauka], 2010: 295–330 [In Russian].
32. Perchenko E.L., Gudina T.V. Features of Life Meaning Orientations and Defensive-Coping Behavior of Russian and Foreign Students. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2023; 32(4):124-136 [In Russian]. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-4-124-136.
33. Petrenko N.A. Value Orientations of Modern Students of Higher Education Institutions. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya [Scientific Notes of V.I.Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. Vol. 11(77). 2025; 2:96–104 [In Russian].
34. Poghosyan G.A. General Contours of National Identity among Modern Armenians. Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2023; 29(4):123–140 [In Russian].
35. Poghosyan G.A. Intergenerational Shifts in the Value Concepts of Modern Armenians. BRICS as a New Space for Dialogue of Cultures and Civilizations: Proceedings of the XXII International Likhachev Scientific Readings. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskij gumanitarnyj universitet profsoyuzov [St.Petersburg Humanitarian University of Trade Unions], 2025:309–311 [In Russian].
36. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Life Goals of Youth and Ways to Achieve Them (a Survey in the South-Western and Southern Regions of Russia). Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2023. № 5. C. 97–107 [In Russian]. https://doi.org/10.31857/S013216250023772-2.
37. The Russian Sociological Encyclopedia. Ed. by Academician of the Russian Academy of Sciences G.V.Osipov. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA.M [Publishing group NORMA–INFRA.M], 1998. 672 p. [In Russian].
38. Sarsembek G.E. Values of Modern Youth of Kazakhstan. Practices of Value Reproduction: Humanitarian, Social, and Economic Aspects: Collection of Abstracts of Reports of the All-Russian Scientific Conference of Student Scholars of the Oxford Russian Foundation. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin; Oxford Russian Foundation. Ekaterinburg, 2020:271–273 [In Russian].
39. Selezneva A. Value Dominants of Youth's Political Self-Determination: Traditional Meanings in New Conditions. Sociodigger [Sociodigger]. 2023; Vol. 4, Is. 11-12(30) [In Russian]. Available from: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/cennostnye-dominanty-politicheskogo-samoopredelenija-molodezhi-tradicionnye-smysly-v-novykh-uslovijakh.
40. Soviet Encyclopedic Dictionary. Ed. A.M.Prokhorov. 4th edition. Moscow: Sovetskaya enciklopediya [Soviet encyclopedia], 1988 [In Russian].
41. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat [Politizdat]. 1992. 542 p. [In Russian].
42. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in the Context: Parameters of Quantitative Characteristics of Crops. Transl. from English by V.B.Kashkin. Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda [Language, Communication and Social Environment]. 2014; 2:9–49. [In Russian].
43. Yadov V.A. Values in a Crisis Society. Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 1991; 12(6):754–167 [In Russian].
44. Yakovlev A.I. Evolution of Value Systems in the "Era of Great Changes": General Challenges and Problems. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2024; 3(13):120–131 [In Russian]. doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-120-131.
45. Yanitsky M.S., Sery A.V., Pelekh Yu.V. The Value-and Meaning Paradigm as a Basis of the Post-Nonclassical Pedagogical Psychology. Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education]. 2013; 1(46):175–186 [In Russian].
46. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 323 p. [In English].
47. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. Ed. by H.E.Howe, M.M.Page. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1980: 261–304 [In English].

48. Schwartz S. National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance. In Handbook of the Economics of Art and Culture / V.A.Ginsburgh, D.Throsby (eds.). Elsevier. 2014; 2:547–586 [In English].
49. Schwartz S. Toward Refining the Theory of Basic Human Values in: Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences. Ed. by S.Salzborn, E.Davidov, J.Reinecke. Wiesbaden: Springer, 2012 [In English].

About the authors

Dina V. BELINSKAYA. CandSc. (Sociol.). Associate Professor. Head of the Department of Political Science, Sociology, and International Processes at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. https://orcid.org/0000-0002-7772-9452. Address: 33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. belinskaya@tsutmb.ru

Sergey E ZHULIKOV. CandSc. (Physical and Mathematical). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling and Information Technologies at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. https://orcid.org/0009-0001-7284-0952. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. ssergiuss@yandex.ru

Olga V. ZHULIKOVA. CandSc. (Sociol.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Library Science and Documentation at Tambov State University named after G.R.Derzhavin. https://orcid.org/0000-0002-7424-7247. Address: 33, Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russian Federation. oltamb@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: March 24, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
Социологические науки
УДК 316. 334.3
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-94-105

Сравнительный анализ политик устойчивого развития России и Японии: особенности, вызовы и перспективы

Семен Алексеевич Кулеш✉

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
sem.kulesh@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7636-413X

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ политики Российской Федерации и Японии в области устойчивого развития. Актуальность исследования обусловлена не только географическим соседством двух стран, но и схожестью некоторых вызовов, а также возможностью взаимного обмена опытом в условиях трансформации глобальной повестки. Новизна работы заключается в комплексном сопоставлении моделей устойчивого развития, реализуемых в столь разных политических и культурных контекстах, что позволяет выйти за рамки сугубо экономического анализа и рассмотреть социокультурные факторы. В работе рассматривается эволюция подходов: от практически полного игнорирования темы в России в 1990-е гг. и поиска новых путей развития в Японии в период экономической стагнации до формирования сегодняшних национальных стратегий. Особое внимание уделяется идеологическим основаниям политик, ключевым приоритетам и драйверам, а также практическим результатам реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). Подробно анализируется роль государства и бизнеса: если в России ключевым инициатором выступает преимущественно государство в лице федеральных органов власти, то в Японии значительную роль играет корпоративный сектор и институты местного самоуправления. Методологическую базу исследования составляют сравнительно-сопоставительный метод, институциональный анализ и изучение документов. Источниками для работы послужили официальные стратегии развития, национальные доклады о прогрессе в достижении ЦУР, а также статистические данные. В результате выявлены фундаментальные различия в подходах: технократический и институциональный в России против культурно ориентированного и социально интегрированного в Японии, что позволяет оценить перспективы и ограничения каждой модели.

Ключевые слова: устойчивое развитие, циркулярная экономика, ESG, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), Россия, Япония

Для цитирования: Кулеш С.А. Сравнительный анализ политик устойчивого развития России и Японии: особенности, вызовы и перспективы // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 94-105, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-94-105

© Кулеш С.А., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

Original article
Sociological Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-94-105

Comparative Analysis of Sustainable Development Policies in Russia and Japan: Characteristics, Challenges, and Prospects

Semyon A. Kulesh✉

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA, Saint Petersburg, Russia
sem.kulesh@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-7636-413X

Abstract. The article provides a comparative analysis of the policies of the Russian Federation and Japan in the field of sustainable development, considering their geographical proximity, similarities in challenges they face, and potential for sharing experience. The novelty of the work lies in its comprehensive comparison of development models in different political and cultural contexts, which goes beyond economics and considers sociocultural factors. The work examines the evolution of approaches from almost complete neglect of the topic in Russia during the 1990s to Japan's search for development of new paths during a period of economic stagnation, to the formation of current national strategies. Special attention is paid to the ideological foundations, priorities, and results of the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs). The role of the state and business is analyzed: in Russia, it is mainly a state-led initiative, whereas in Japan, it is driven by business and local authorities. The methodology includes comparative analysis, an institutional approach, and a study of documents. The sources are strategic documents, reports, and statistics. Key differences have been identified: in Russia, a technocratic and institutional approach; in Japan, a culturally oriented and socially integrated approach, which makes it possible to assess the prospects of each model.

© Кулеш С.А., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Keywords: sustainable development, circular economy, ESG, renewable energy sources (RES), Russia, Japan

For citation: Kulesh S.A. Comparative Analysis of Sustainable Development Policies in Russia and Japan: Characteristics, Challenges, and Prospects. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 94-105, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-94-105

Введение

На рубеже XX–XXI вв. концепция устойчивого развития превратилась из академической теории в магистральное направление глобальной политики. Россия, как и подавляющее большинство государств-членов ООН, приняла на себя обязательства по переходу к устойчивому развитию, что закрепило необходимость глубокой трансформации экономических и социальных институтов. В этом контексте особый интерес представляет изучение опыта стран-соседей, имеющих давнюю историю взаимоотношений. Россия и Япония являются близкими соседями, и сотрудничество в различных областях, включая охрану окружающей среды, неизменно остается на повестке двусторонних отношений на протяжении десятилетий. Анализ того, как две державы с разными культурными кодами и историческими траекториями выстраивают свою политику устойчивого развития, позволяет не только выявить лучшие практики, но и понять логику формирования национальных моделей в ответ на глобальные вызовы.

1990-е гг. стали переломным моментом для обеих стран, хотя и по совершенно разным причинам. Для России это было десятилетие кардинальной смены политического и экономического курса, когда концепция устойчивого развития фактически игнорировалась. В то же время Япония, столкнувшись с затяжным экономическим «застоем», известным как «потерянное тридцатилетие», была вынуждена искать новые точки роста. Примечательно, что в начале 1990-х гг. как в российских, так и в японских научных и политических кругах существовало мнение, что именно на этом поприще, в вопросах экологии и устойчивого развития, две страны смогут не только восстановить взаимовыгодное сотрудничество, но и упрочить свои позиции на международной арене, предложив миру собственное видение движения к лучшей жизни. Однако, как показала практика, пути реализации этих амбиций оказались диаметрально противоположными.

Материалы и методы

Целью данного исследования является сравнительный анализ политики устойчивого развития России и Японии для выявления их концептуальных и институциональных особенностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить идеологические и философские принципы, лежащие в основе национальных стратегий устойчивого развития двух стран.
2. Определить ключевые приоритеты и драйверы, формирующие повестку устойчивого развития в России и Японии.
3. Провести анализ сильных и слабых сторон реализуемых политик, оценив связь между стратегическими замыслами и практическими результатами.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных авторов в области устойчивого развития, а также анализ официальных документов (стратегий, законов, национальных докладов). В качестве основного метода используется сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить общие черты и специфику подходов. Для изучения институциональной структуры применяется метод институционального анализа, а для оценки эффективности реализации используются элементы анализа документов и статистических данных (например, уровень осведомленности о ЦУР в Японии или судебная практика в России).

Результаты исследования

Прагматично-институциональный подход России к вопросам устойчивого развития

В 1990-е гг. концепция устойчивого развития в России практически игнорировалась, поскольку ассоциировалась исключительно с экологическими проблемами. После распада СССР считалось, что экологическая ситуация улучшилась, но это объяснялось негативным влиянием экономического спада и снижения производства на благосостояние населения. В 1996 г. президент Ельцин подписал Указ о переходе к устойчивому развитию, но он был слишком абстрактным и не содержал конкретных мер. Документ был сосредоточен в основном на экологических вопросах, уделяя мало внимания социально-экономическим и политическим аспектам [5, с. 142].

Системный характер эта работа приобрела лишь в последние пять лет. Исследователи отмечают, что сегодня в России сформирована полноценная институциональная и правовая инфраструктура ESG-трансформации. В 2021 г. в России была создана законодательная база для ESG-трансформации, включающая таксономию «зеленых» проектов, закон об углеродном регулировании и стратегию низкоуглеродного развития до 2050 г.[1]

Сегодня экологический компонент устойчивого развития стал не просто трендом, а инструментом экономической деятельности. После ратификации

1 Семь составляющих устойчивого развития в России // Росконгресс. 2025. URL: https://roscongress.org/materials/sem-sostavlyayushchikh-ustoychivogo-razvitiya-v-rossii-segodnya/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.

Парижского соглашения в России начали активно развиваться климатические проекты. На сегодняшний день в реестре зарегистрировано 67 проектов, которые позволяют компаниям получать углеродные единицы за сокращение выбросов. Перспективным направлением для выхода на международный рынок и признания российских единиц является сотрудничество в рамках БРИКС[2].

Судебная практика последних лет превратилась в мощный стимулятор внедрения «зеленых» технологий, что показывают кейсы «Норникеля» и танкеров «Волганефти». Это заставляет бизнес переходить от тактики уплаты штрафов к инвестициям в модернизацию.

Банк России и Правительство создают условия для перетока капитала в экологичные проекты. ВЭБ.РФ выполняет функции методологического центра по «зеленым» финансам. При этом эксперты подчеркивают необходимость развития стимулирующего регулирования не только для крупных банков, но и для небольших кредитных организаций, а также для предприятий, чтобы сделать экологичность бизнеса конкурентным преимуществом[3].

Несмотря на фокус на экологии, социальная повестка остается критически важной. Исследование В.В.Комковой указывает на серьезные социальные вызовы, тормозящие устойчивое развитие: высокий уровень бедности (12–14%), значительное неравенство доходов и демографические проблемы [4]. Особое место занимает вопрос баланса публичных и частных интересов, например, при использовании земельных и водных ресурсов. С одной стороны, необходимо вовлекать ресурсы в экономический оборот, с другой – обеспечивать продовольственную безопасность и охрану природы. Это приводит к правовым коллизиям, требующим «правительственной медиации», когда сталкиваются интересы разных министерств.

Впервые с 2015 г. Россия представила ООН свой ежегодный доклад о реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). Несмотря на отсутствие всеобъемлющей стратегии, большинство целей достигается через национальные проекты и стратегические документы, охватывающие 107 из 169 целей. В докладе отмечены успехи в ликвидации бедности, образовании и экономическом росте, но остаются задачи, требующие совместных усилий государства, бизнеса и общества. Эффективная политика поможет снизить бедность и недоедание, особенно поддерживая семьи с детьми [3, с. 23].

На фоне изменений климатической политики США (выход из Парижского соглашения) и разногласий внутри Китая (бум ВИЭ при сохранении угольной генерации) Россия занимает прагматичную позицию. Основным направлением международного сотрудничества является БРИКС. Россия стремится укрепить глобальное партнерство через создание альтернативных механизмов, согласование климатических принципов и развитие единых углеродных рынков. В сфере

2 Там же.

3 Новая реальность ESG: возможности и российская стратегия в 2025 году: аналитический отчет // EcoStandard.journal. 2025. URL: https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/novaya-realnost-esg-vozmozhnosti-i-rossiyskaya-strategiya-v-2025-godu/.

инклюзивности (ЦУР 16.7) Россия делает ставку на цифровые технологии, благодаря чему высокий уровень электронного правительства способствует активному участию граждан в обсуждении инициатив [1].

Подводя итог, можно выделить основные факторы, влияющие на реализацию Стратегии устойчивого развития в России. К сильным сторонам относится наличие четкой стратегической основы и политической воли на федеральном уровне, которое создает условия для продвижения экологических и социальных инициатив. Важна также интеграция национальных проектов с Целями устойчивого развития ООН, что способствует согласованию усилий с международными стандартами. Развитие институтов «зеленого» финансирования показывает стремление привлекать инвестиции в экологические проекты и переход к устойчивой экономике.

Однако есть недостатки и угрозы. Слабое взаимодействие с муниципальными и региональными органами и сообществами снижает эффективность инициатив. Несмотря на формальную интеграцию ЦУР, отсутствие прозрачного мониторинга усложняет оценку прогресса и отчетность. Зависимость бюджета от экспорта сырья создает риски в условиях глобального энергетического перехода и необходимости диверсификации. Также отток рабочей силы и санкции ограничивают доступ к современным технологиям и инновациям, негативно влияя на внедрение устойчивых решений [4].

В целом успешная реализация стратегии устойчивого развития России потребует усиления участия местного населения, повышения прозрачности процесса, диверсификации экономической базы и преодоления технических ограничений для обеспечения долгосрочной социально-экологической стабильности. Острой проблемой остается дефицит специалистов. 66% российских компаний испытывают потребность в профессионалах в области устойчивого развития. Эксперты призывают вузы не просто формально вводить дисциплины, а перерабатывать образовательные стандарты, интегрируя ESG в управление университетами и научную деятельность.

Японская модель циркулярной экономики и ее влияние на устойчивое развитие

В XX в. Япония, преодолев последствия войны, стала ведущей экономикой мира, хоть и ценой ухудшения экологической обстановки. В 1960-х гг. возникли массовые заболевания из-за загрязнения, но к концу века страна создала правовую базу и инфраструктуру для охраны природы. Специфика японского подхода к устойчивому развитию заключается в связи развития человека с глобальными экологическими задачами. Япония должна делиться своим опытом в области развития и избегать ошибок в будущем. Основные принципы устойчивого развития в представлении Японии – это разнообразие решений, эффективное управление, опора на национальные программы и международное сотрудничество [10].

В 1993 г. была принята Рамочная программа действий в области охраны окружающей среды, которая определяет цели и стратегии в области охраны

окружающей среды, роль гражданского общества и мониторинг прогресса[4]. Основная идея заключается в создании циклической и экологической экономики (CEE), направленной на сокращение потребления ресурсов и отходов, увеличение объемов переработки и разработку более эффективных технологий [6].

Основой японской модели циркулирующей экономики является принцип «минимум отходов»: ресурсы используют максимально эффективно, отходы перерабатывают и повторно используют [7]. Страна сокращает потребление энергии и выбросы парниковых газов с помощью энергоэффективных технологий и возобновляемых источников, таких как солнечная и ветровая энергия. Важны инновации, развитие технологий и безотходных производств, что способствует экономическому росту и созданию экологичных рабочих мест. В целом, модель объединяет принципы устойчивого развития, охраны природы и гармонии общества с окружающей средой. Корни этого общества можно искать в Синто – древней японской традиции, которая трактует уважение к природе и ее силам, и чувство зависимости людей от природы, а также гармонии между ними.

Кабинет министров приглашает бизнес, академические круги и общественные объединения участвовать в переходе к устойчивому развитию. Создана «Платформа действий ЦУР» для обмена опытом, рекомендуется использование японского логотипа для организаций, занимающихся ЦУР. В рамках распространения ЦУР используются «Японская премия ЦУР» и «Города будущего ЦУР» для муниципалитетов с выдающимися инициативами [11]. С 2018 г. японское правительство выбирает города в рамках программы «Муниципальные модельные проекты ЦУР», разрабатывающие планы и получающие рекомендации от Кабинета министров, местных властей и экспертов [8]. Также с 2018 г. разрабатывается «План действий по достижению ЦУР снизу вверх» (инициативы граждан, дополняющие национальный план) и создается проект «Наши ЦУР» для обмена мнениями и сотрудничества.

Цели устойчивого развития активно рекламируются среди японского населения, проводятся просветительские мероприятия с целью повышения осведомленности о вопросах развития и охраны экологии. Эти усилия привели к высокому уровню осведомленности о Целях устойчивого развития в Японии. Благодаря просветительской работе уровень осведомленности о ЦУР в Японии вырос с 54% в 2021 г. до рекордных 91,6% в 2023 г. (данные Dentsu)[5][6]. Для популяризации повестки даже привлекаются культовые персонажи вроде Hello Kitty, что подчеркивает интеграцию ЦУР в массовую культуру[7].

4 The Basic Environment Plan // Ministry of the Environment of Japan. URL: https://www.env.go.jp/en/policy/plan/basic/contents.html.

5 Dentsu Conducts Fourth Consumer Survey on Sustainadle Development Goals. URL: https://www.dentsu.co.jp/en/news/release/pdf-cms/2021025-0426en%2B.pdf.

6 Dentsu Conducts Sixth Consumer Survey on Sustainadle Development Goals. URL: https://www.dentsu.co.jp/en/news/release/2023/0512-010609.html.

7 United Nations and Sanrio Launch Strategic Collaboration to Promote the Sustainable Development Goals // UN. 2019, September 24. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/09/united-nations-and-sanrio-launch-strategic-collaboration-to-promote-the-sustainable-development-goals/.

Стоит отметить, что Организация Объединенных Наций часто использует подобные способы привлечения внимания к глобальным проблемам, приглашая знаменитостей в качестве послов ООН. Поклонники, обратив внимание на деятельность кумиров, также обращают внимание и на те проблемы, которые они поднимают.

Япония при оказании помощи другим странам делает ставку на качественные социально-экономические связи, развитие человеческого капитала и институциональное строительство. Д.А.Борисов отмечает, что низкополитизированный и социально ориентированный подход Японии может создавать более устойчивое и позитивное восприятие среди населения иностранных государств по сравнению с более геополитически заряженными проектами других государств [2].

Японией выполнены две цели: «Качественное образование» и «Промышленность, инновации и инфраструктура». Среди важных целей, требующих внимания, – гендерное равенство, ответственное потребление, защита климата и экосистемы. Страна успешно развивает чистую энергию, а также достигла процесса в цифровой экономике, робототехнике и искусственном интеллекте, что способствует развитию науки, созданию рабочих мест и повышению уровня жизни [9, p. 54].

Основные трудности Японии в достижении ЦУР заключаются в демографическом кризисе из-за старения и низкой рождаемости, а также в стихийных бедствиях [10]. Однако, несмотря на сложности, страна накопила ценный опыт сотрудничества между государством, обществом и частным сектором, что важно для дальнейшего достижения ЦУР.

Обсуждение

Для проведения сравнительного анализа необходимо выделить критерии, которые позволят выявить не только сходства и различия, но и причины, их обуславливающие. Для систематизации многообразия социокультурных контекстов сравнение будет строиться по нескольким принципам. Критерий идеологических и философских оснований позволит нам понять ценностный фундамент, на котором выстраивается национальная стратегия устойчивого развития. Это может помочь выяснить, как глобальные нормы адаптируются через призму национальной идентичности.

Следующим критерием будут ключевые приоритеты и драйверы развития для понимания того, какие цели являются центральными в национальных программах устойчивого развития. Для сравнения механизмов реализации политик и степени централизации власти мы вводим критерий моделей управления и взаимодействия акторов. Это также позволит сравнить роль крупного бизнеса, уровень вовлеченности гражданского общества и характер партнерства между государством, частным сектором и населением.

Наконец, для оценки эффективности процесса перехода к устойчивому развитию необходим критерий, связывающий стратегические замыслы с практическими результатами. Анализ сильных и слабых сторон укажет на то, с какими системными проблемами сталкивается каждая из стран, несмотря на декларируемые успехи.

Российская политика устойчивого развития носит явно прагматичный и технократический характер. Ее философские основы базируются не столько на культурных традициях, сколько на необходимости экономической модернизации и адаптации к глобальным тенденциям. Эта концепция долгое время игнорировалась из-за ее ограниченной связи с экологическими проблемами. Нынешний этап характеризуется созданием строгих правовых и институциональных основ (законов, классификаций, стратегий) сверху. Ключевым моментом является не добровольное следование традициям, а экономическая целесообразность и неизбежность санкций, таких как судебные иски и штрафы, которые вынуждают компании инвестировать в «зеленые» технологии.

Политика Японии основана на философии «циркулярного общества», базирующейся на синтоистских традициях гармонии с природой. Основное внимание уделяется техническим, технологическим и бизнес-решениям, а также глубокой интеграции принципов устойчивого развития в повседневную культуру и практику. Это прагматичный и культурно обоснованный подход, ориентированный на эффективность и минимизацию отходов. Подход Японии ориентирован больше на достижение социальных перемен, нежели геополитических, что создает более устойчивое и позитивное восприятие среди иностранных государств.

Российский подход представляет собой подход технократический, так как основан на принуждении и экономической целесообразности, что подтверждается развитием ГЧП через институты развития (ВЭБ.РФ) и судебной практикой. Кроме того, Россия активно взаимодействует на международной арене, реализуя выход на рынки углеродных единиц через платформы БРИКС, что способствует развитию международного сотрудничества в области экологии и устойчивого развития.

Японская модель уходит корнями в культурные традиции, что обеспечивает высокую органичность и поддержку общества (уровень осведомленности 91,6% в 2023 г.), однако создает сложности при масштабировании этого опыта вовне.

У каждой страны есть свои сильные и слабые стороны, влияющие на эффективность реализации национальных и глобальных целей.

Россия обладает стратегической позицией и политической волей на федеральном уровне, создав институциональную и правовую инфраструктуру для устойчивого развития. Интеграция с национальными проектами охватывает 107 из 169 ЦУР, способствуя их финансированию и поддержке. Развивается институт «зеленого» финансирования, а механизмы принуждения, такие как судебные иски, уже стимулируют крупный бизнес к изменениям. Однако есть ограничения: слабое взаимодействие с регионами и местными сообществами, низкая прозрачность и недостаточные системы мониторинга усложняют оценку прогресса. Экономика остается сырьевой, что создает риски в условиях глобального энергоперехода. Внешние факторы, такие как санкции и утечка кадров, затрудняют доступ к технологиям. Социальные проблемы, включая бедность и демографический спад, также тормозят развитие.

Япония отличается высоким уровнем вовлеченности общества. Тем не менее она сталкивается с демографическим кризисом: старение населения и низкая рождаемость создают долгосрочные угрозы для устойчивого развития страны. Постоянные природные угрозы, такие как землетрясения и тайфуны, требуют дорогостоящих мер по повышению устойчивости к стихийным бедствиям. В целом, несмотря на высокий рейтинг (21-е место в глобальном рейтинге), есть области, требующие большего внимания: гендерное равенство, ответственное потребление и защита климата. Также сложность масштабирования культурного опыта и уникальные культурные коды Японии делают перенос успешных решений в другие страны затруднительным.

Выводы

Сравнительный анализ политики устойчивого развития России и Японии выявляет существенные различия в их подходах. Япония, опираясь на синтоистские традиции, интегрирует принципы устойчивого развития в свою культуру и повседневную жизнь, делая акцент на социальной стабильности, сохранении ресурсов и участии общественности. В отличие от этого, Россия в основном формирует политику сверху вниз, опирается на правовые и институциональные механизмы и ставит в основу экономическую целесообразность и государственное регулирование.

Результаты этих моделей показывают, что подход Японии пользуется сильной общественной поддержкой и носит органический характер, но сталкивается с проблемами, связанными с демографическими тенденциями и стихийными бедствиями. Россия добилась успеха в правовом регулировании и модернизации окружающей среды, но сталкивается с проблемами, обусловленными слабыми региональными связями и зависимостью от ресурсного сектора.

В целом меняющиеся представления о развитии свидетельствуют о том, что для достижения устойчивости необходимо учитывать исторические и культурные особенности каждой страны. Совместное развитие, включая международное сотрудничество между странами БРИКС, предоставляет возможность обмениваться опытом и применять передовые методы, что особенно важно для стран с переходной экономикой.

Список литературы

1. Андреева В.И., Васильева Н.А. Политическая активность России в достижении целей устойчивого развития [Russia's Political Activity in Achieving the Sustainable Development Goals] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. № 2. С. 106–117. EDN: OCSRVW.

2. Борисов Д.А. Международная власть Японии в Центральной Азии: экономические аспекты [The Foreign Power of Japan in Central Asia: Economic Aspects] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2025. Т. 18. № 1. С. 47–62. EDN: RTKSCQ.
3. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Voluntary National Review of the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development] / Аналитический центр при Правительстве РФ. Москва, 2020. 240 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf.
4. Комкова В.В. Устойчивое развитие России: SWOT-анализ стратегии и барьеры на пути реализации [Sustainable Development in Russia: SWOT Analysis of the Strategy and Barriers to Implementation] // Аудиторские ведомости. 2025. № 4. С. 154–161. https://doi.org/10.24412/1727-8058-2025-4-154-161. EDN: QLDHKL.
5. Пучкова Н.В., Курбаева В.П. История возникновения стратегии устойчивого развития в мире и России [History of the Emergence of Sustainable Development Strategy in the World and Russia] // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: Материалы V Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности, г. Тюмень, 24–27 апреля 2024 г. / отв. ред. Д.Л.Скипин, Н.В.Зылёва; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 139–144.
6. Рязанова О.Е., Емельянова О.Н., Золотарева В.П. От циркулярной экономики к обществу замкнутого типа: опыт Японии [From a Circular Economy to a Closed Society: The Experience of Japan] // Мировое и национальное хозяйство. 2023. № 1(61). С. 2–18.
7. Тимонина И.Л. Япония на пути к устойчивому развитию: «зеленое финансирование» [Japan on the Way to Sustainable Development: Green Financing] // Ежегодник Япония. 2021. № 50. С. 61–88. https://doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-61-88.
8. Pedro M.D.N. & Yu N. How is Japan implementing the SDGs namely on Cities using VLRs and through PPPs, 2023. 53 p.
9. SDG's Progress Report 2023. Tokyo: Global Compact Network Japan, 2023.
10. Voluntary National Review 2025 of Japan. United Nations, 2025. 232 p.
11. Yamagata T., Kwon H., Kim E., Kondoh H. Japan's Approach to the SDGs: Decoupling Between the SDGs and International Development // International Development Cooperation of Japan and South Korea. Palgrave Macmillan, Singapore, 2022. P. 259–283.

Информация об авторе

КУЛЕШ Семен Алексеевич. Аспирант кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС. https://orcid.org/0009-0001-7636-413X. Адрес: Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57. sem.kulesh@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Andreeva V.I., Vasilyeva N.A. Russia's Political Activity in Achieving the Sustainable Development Goals. Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2025; 2:106–117 [In Russian]. EDN: OCSRVW.
2. Borisov D.A. The Foreign Power of Japan in Central Asia: Economic Aspects. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]. 2025; 19(1):47–62 [In Russian]. EDN: RTKSCQ.
3. Voluntary National Review of the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Moscow, 2020. 240 p. [In Russian]. Available from: https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf.
4. Komkova V.V. Sustainable Development in Russia: SWOT Analysis of the Strategy and Barriers to Implementation. Auditorskie vedomosti [Audit journal]. 2025; 4:154–161 [In Russian]. https://doi.org/10.24412/1727-8058-2025-4-154-161. EDN: QLDHKL.
5. Puchkova N.V., Kurbaeva V.P. History of the Emergence of Sustainable Development Strategy in the World and Russia. Economic Security of the Country, Regions, Organizations of Various Types of Activities: Proceedings of the V All-Russian Forum in Tyumen on Economic Security, Tyumen, April 24-27, 2024. Ed. by D.L.Skipin, N.V.Zyleva; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Financial and Economic Institute. Tyumen: Tyum GU-Press [TSU-Press], 2024:139–144 [In Russian].
6. Ryazanova O.E., Emelyanova O.N., Zolotareva V.P. From a Circular Economy to a Closed Society: The Experience of Japan. Mirovoe i natsionalnoe khozyaystvo [World and National Economy]. 2023; 1(61):2–18 [In Russian]
7. Timonina I.L. Japan on the Way to Sustainable Development: Green Financing. Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]. 2021; 50:61–88 [In Russian]. https://doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-61-88.
8. Pedro M.D.N. & Yu N. How is Japan implementing the SDGs namely on Cities using VLRs and through PPPs. 2023:53 [In English].
9. SDG's Progress Report 2023. Tokyo: Global Compact Network Japan, 2023 [In English].
10. Voluntary National Review 2025 of Japan. United Nations, 2025:232 [In English].
11. Yamagata T., Kwon H., Kim E., Kondoh H. Japan's Approach to the SDGs: Decoupling Between the SDGs and International Development. In: International Development Cooperation of Japan and South Korea. Palgrave Macmillan, Singapore, 2022:259–283 [In English].

About the author

Semyon A. KULESH. Postgraduate student of Department of Social Technologies, North-West Institute of Management, RANEPA branch. https://orcid.org/0009-0001-7636-413X. Address: 57 Sredny Prospekt V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation. sem.kulesh@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 17, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
Социологические науки
УДК 341.221
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120

Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии

Андрей Валерьевич Тен[1a]✉, Нурлан Мамбетакунович Чолоев[2b]✉

[1,2] Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
[a] alu.andrei@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-8569-3947
[b] choloev_n@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1651-5061

Аннотация. В статье проводится всесторонний анализ международно-правовых основ права человека на воду и механизмов устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в контексте региона Центральной Азии. Актуальность исследования обусловлена усиливающимся воздействием климатических изменений, таянием ледников, нарастающим водным дефицитом и сохраняющимся дисбалансом интересов государств верхнего и нижнего течений в бассейнах рек Амударья и Сырдарья. Целью настоящей работы является глубокий анализ формирования права на воду в международном правовом контексте, изучение ключевых принципов международного водного права и их значимости для регулирования трансграничных водных отношений в Центральной Азии, с особым акцентом на интересы Кыргызской Республики. Методологическая база исследования включает в себя формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и институциональный подходы, а также анализ международных договоров, актов органов ООН, практики Международного суда ООН и региональных механизмов водного сотрудничества. В результате проведенного исследования установлено, что право на воду функционирует на пересечении международного права прав человека, международного экологического права и права международных водотоков, что требует комплексного подхода к его регулированию. Обосновано, что эффективное управление трансграничными водными ресурсами предполагает соблюдение принципов справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного ущерба, сотрудничества, обмена информацией и учета интересов будущих поколений. В заключение сделан вывод о необходимости дальнейшего развития международно-правовых и институциональных механизмов водного сотрудничества в Центральной Азии, что является критически важным для обеспечения региональной стабильности, экологической безопасности и реализации права населения на воду.

Ключевые слова: право на воду, международное водное право, трансграничные водные ресурсы, устойчивое развитие, водная безопасность, Центральная Азия

Для цитирования: Тен А.В., Чолоев Н.М. Водные ресурсы и право на воду в международном праве: устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 106-120, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120

Original article
Sociological Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120

Water Resources and the Right to Water in International Law: Sustainable Management of Transboundary Waters in Central Asia

Andrey V. Ten[1a]✉, Nurlan M. Choloev[2b]✉

[1,2] Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
[a] alu.andrei@gmail.com, https://orcid.org/0009-0001-8569-3947
[b] choloev_n@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1651-5061

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the international legal framework for the human right to water and mechanisms for sustainable management of transboundary water resources in the context of the Central Asian region. The relevance of the study is determined by the increasing impact of climate change, melting glaciers, growing water scarcity, and the persistent imbalance of interests between upstream and downstream states in the Amu Darya and Syr Darya river basins. The purpose of this work is to analyze in-depth the formation of the right to water in the international legal context, to study the key principles of international

© Тен А.В., Чолоев Н.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

© Тен А.В., Чолоев Н.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026
ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

water law and their significance for regulating transboundary water relations in Central Asia, with a particular emphasis on the interests of the Kyrgyz Republic. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal, systemic, and institutional approaches, as well as an analysis of international treaties, acts of UN bodies, the practice of the International Court of Justice, and regional mechanisms for water cooperation. The study established that the right to water operates at the intersection of international human rights law, international environmental law, and the law of international watercourses, which requires an integrated approach to its regulation. It is substantiated that effective transboundary water resource management requires adherence to the principles of equitable and reasonable use, prevention of significant transboundary damage, cooperation, information exchange, and consideration of the interests of future generations. The study concludes by emphasizing the need for further development of international legal and institutional mechanisms for water cooperation in Central Asia, which is critical for ensuring regional stability, environmental security, and the realization of the population's right to water.

Keywords: right to water, international water law, transboundary water resources, sustainable development, water security, Central Asia

For citation: Ten A.V., Choloev N.M. Water Resources and the Right to Water in International Law: Sustainable Management of Transboundary Waters in Central Asia. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 106-120, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-106-120

Введение

Вода является стратегическим природным ресурсом и фундаментальной основой устойчивого развития, социальной стабильности и международной безопасности[1]. В условиях изменения климата, роста населения, деградации экосистем и увеличения трансграничной конкуренции за водные ресурсы вопросы доступа к безопасной питьевой воде и справедливого распределения вод становятся предметом не только внутренней политики государств, но и международно-правового регулирования [2; 5].

Особую актуальность данные проблемы приобретают в Центральной Азии – регионе с высокой степенью трансграничности водных объектов, выраженной асимметрией интересов государств верхнего и нижнего течения и критической зависимостью социально-экономического развития от водопользования[2] [1]. Реки Амударья и Сырдарья, являясь трансграничными водотоками, одновременно выступают источником сотрудничества и потенциальной конфликтности [3; 4], что делает Центральную Азию показательным регионом для анализа эффективности международно-правовых механизмов устойчивого управления водными ресурсами.

1 Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сент. 2015 г. № 70/1. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1; Устойчивое горное развитие: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 2022 г. № 77/158. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/77/158; The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace.

2 IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Chapter 10: Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-10/.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ международно-правовых аспектов формирования и реализации права на воду, а также принципов устойчивого управления трансграничными водными ресурсами на примере государств Центральной Азии с учетом их значения для национальной водной политики и регионального международного сотрудничества.

Материалы и методы

Эмпирическую и нормативную основу исследования составили универсальные и региональные международно-правовые акты, регулирующие вопросы права на воду и использования трансграничных водных ресурсов, включая Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенцию ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г., Конвенцию ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г., резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, документы Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, а также материалы международных и региональных институтов, связанных с водным сотрудничеством в Центральной Азии.

В качестве источников также использованы решения международных судебных и квазисудебных органов, научные труды по международному водному праву, правам человека, международному экологическому праву и региональному водному сотрудничеству.

В исследовании применены: формально-юридический метод, позволивший раскрыть содержание международно-правовых норм и принципов; сравнительно-правовой метод – для сопоставления универсальных и региональных подходов; системный метод – для выявления взаимосвязи права на воду, устойчивого развития и международного сотрудничества; институциональный метод – для анализа деятельности региональных водных механизмов Центральной Азии. Использование указанных методов позволило комплексно оценить международно-правовые основы устойчивого управления трансграничными водными ресурсами и определить их значение для Кыргызской Республики.

Результаты исследования

Формирование права на воду в международном праве

Право на воду как самостоятельная правовая категория сравнительно недавно получило формальное признание в системе международного права прав человека, однако его концептуальные и нормативные истоки восходят к более ранним универсальным и региональным международно-правовым актам [2]. На протяжении длительного времени доступ к воде рассматривался преимущественно как элемент

экономического развития, санитарии и охраны окружающей среды, не обладая самостоятельным правовым статусом.

Ключевым этапом институционализации права на воду стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции 64/292 от 28 июля 2010 г., в которой право на безопасную и чистую питьевую воду и санитарные услуги было прямо признано неотъемлемым правом человека, необходимым для полного осуществления всех прав человека[3]. Данная резолюция закрепила политико-правовой консенсус международного сообщества и стала отправной точкой для дальнейшего развития нормативного содержания права на воду.

Нормативной основой права на воду выступают положения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.[4], прежде всего статьи 11, закрепляющей право на достаточный жизненный уровень, и статьи 12, закрепляющей право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Их доктринальное толкование было детально раскрыто в Общем комментарии № 15 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (2002 г.), сыгравшем фундаментальную роль в формировании современного понимания права на воду[5].

В Общем комментарии № 15 Комитет впервые системно сформулировал содержание права на воду, определив его как право каждого человека на достаточное, безопасное, приемлемое, физически и экономически доступное водоснабжение для личных и бытовых нужд[6]. Документ выделяет ключевые структурные элементы данного права: доступность, качество, приемлемость, недискриминацию, а также устойчивость водоснабжения. Особое внимание уделяется позитивным обязательствам государств по уважению, защите и обеспечению права на воду, включая предотвращение загрязнения водных ресурсов и недопущение произвольного отключения водоснабжения.

Формирование права на воду также происходило в рамках других международных договоров и документов. Так, Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепляет обязательства государств обеспечивать доступ детей к чистой питьевой воде[7], а Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. рассматривает доступ к воде как элемент обеспечения равенства и достойных условий жизни[8]. Эти положения свидетельствуют о межотраслевом характере права на воду и его тесной связи с защитой уязвимых групп населения.

Важную роль в развитии права на воду сыграло международное экологическое право, в частности Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.[9] и концепция устойчивого развития. Принципы интегрированного управления водными ресурсами, экосистемного подхода и межпоколенческой справедливости способствовали сближению прав человека и экологических стандартов в сфере водопользования.

Таким образом, формирование права на воду в международном праве представляет собой эволюционный процесс, в рамках которого вода трансформируется из объекта хозяйственного регулирования в универсальную правовую ценность, находящуюся на пересечении международного права прав человека, международного экологического права и права международных водотоков.

Международно-правовые принципы устойчивого управления водными ресурсами

Устойчивое управление водными ресурсами в международном праве формируется на основе совокупности универсальных принципов, выработанных как в договорной практике государств, так и в рамках деятельности международных организаций и судебных органов. Эти принципы призваны обеспечить баланс между суверенными правами государств на использование водных ресурсов и обязанностью предотвращать ущерб другим государствам, окружающей среде и будущим поколениям.

К числу ключевых международно-правовых принципов устойчивого управления водными ресурсами относятся:

- ***Принцип справедливого и разумного использования***

Принцип справедливого и разумного использования международных водотоков является краеугольным камнем современного международного водного права. Он закреплен в статьях 5–6 Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. и предполагает, что каждое водопользующее государство имеет право на справедливую долю использования водных ресурсов с учетом интересов других прибрежных государств[10].

3 Право человека на воду и санитарию: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 2010 г. № 64/292. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/64/292.

4 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят Резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

5 Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002): Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах): док. ООН E/C.12/2002/11. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf.

6 Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 15 (2002): Право на воду (статьи 11 и 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах): док. ООН E/C.12/2002/11. URL: https://www2.ohchr.org/english/issues/water/docs/CESCR_GC_15.pdf.

7 Конвенция о правах ребенка: принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

8 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята Резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 дек. 1979 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

9 Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

10 Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков: принята Резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 г. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf.

При определении справедливости учитываются такие факторы, как географические и гидрологические особенности бассейна, социально-экономические потребности населения, существующее и потенциальное использование воды, сохранение экосистем и защита окружающей среды.

В практике Центральной Азии данный принцип имеет особое значение в контексте распределения водных ресурсов бассейнов рек Амударья и Сырдарья [1; 5]. Государства верхнего течения – Кыргызская Республика и Республика Таджикистан – заинтересованы в использовании водных ресурсов преимущественно для гидроэнергетических целей, тогда как государства нижнего течения – Узбекистан, Казахстан и Туркменистан – для ирригации и сельского хозяйства. Конфликт интересов в регионе наглядно демонстрирует сложность практической реализации принципа справедливого и разумного использования при отсутствии юридически обязательного многостороннего соглашения, полностью соответствующего стандартам Конвенции 1997 г.

- ***Принцип предотвращения значительного трансграничного вреда***

Принцип предотвращения значительного трансграничного вреда закреплен в статье 7 Конвенции 1997 г.[11] и является развитием общей нормы международного экологического права, признанной Международным Судом ООН, в частности, в делах Corfu Channel и Pulp Mills on the River Uruguay[12]. Он возлагает на государства обязанность принимать все надлежащие меры для предотвращения причинения существенного ущерба другим государствам в результате использования международных водотоков.

В Центральной Азии данный принцип актуализируется в связи с рисками, связанными с изменением режима водохранилищ, строительством гидротехнических сооружений и деградацией экосистем, включая кризис Аральского моря [3; 6]. Масштабные экологические последствия некоординированного водопользования в бассейне Арала часто рассматриваются в доктрине как пример недостаточной реализации принципа предотвращения трансграничного вреда и отсутствия эффективных механизмов ответственности.

- ***Принцип сотрудничества и обмена информацией***

Принцип сотрудничества государств в управлении трансграничными водными ресурсами предполагает регулярный обмен данными, проведение консультаций, уведомление о планируемых мерах и создание совместных институциональных механизмов. Он закреплен как в Конвенции ООН 1997 г., так и в Хельсинкской конвенции ЕЭК ООН 1992 г.[13], которая делает особый акцент на институционализации сотрудничества через совместные комиссии.

В Центральной Азии данный принцип реализуется через деятельность Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, а также Международного фонда спасения Арала[14]. Однако, как отмечают эксперты ООН и региональные исследователи, существующие механизмы носят преимущественно координационный, а не юридически обязательный характер, что снижает их эффективность в условиях политических и экономических разногласий между государствами региона.

- ***Принцип устойчивого развития и межпоколенческой справедливости***

Принцип устойчивого развития, сформулированный в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г.[15], тесно связан с концепцией межпоколенческой справедливости. Он предполагает, что использование водных ресурсов должно осуществляться таким образом, чтобы не подрывать возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

В водном контексте данный принцип означает необходимость интеграции экологических, социальных и экономических аспектов управления водными ресурсами. В Центральной Азии он приобретает особую значимость в условиях изменения климата, сокращения ледников и роста водного дефицита[16]. Политика краткосрочного национального водопользования без учета долгосрочных последствий рассматривается в доктрине как несовместимая с международно-правовыми стандартами устойчивого управления.

Трансграничные водные ресурсы и международное сотрудничество

Трансграничные водные ресурсы занимают центральное место в современном международном водном праве, поскольку более 260 речных бассейнов и значительное количество подземных водоносных горизонтов находятся в совместном пользовании двух и более государств [3]. В таких условиях реализация права на воду неразрывно связана с эффективным международным сотрудничеством, институционализированным управлением и соблюдением взаимных обязательств государств.

Международно-правовая доктрина исходит из того, что совместное использование трансграничных водных объектов требует создания устойчивых механизмов координации, включая двусторонние и многосторонние соглашения о распределении и использовании водных ресурсов, совместные межгосударственные

11 Там же.
12 Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay): Judgment // I.C.J. Reports, 2010. P. 14.
13 Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.). URL: https://unece.org/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf.
14 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение).
15 Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
16 The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace; IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Chapter 10: Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/chapter/chapter-10/.

комиссии и бассейновые органы, процедуры обмена гидрологической и экологической информацией, а также механизмы предупреждения и урегулирования споров.

Данные элементы закреплены в универсальных международно-правовых актах в сфере использования международных водотоков и трансграничных вод, а также получили развитие в региональной договорной практике государств Центральной Азии.

- ***Практика международных судебных и квазисудебных органов***

Практика Международного суда ООН и международных арбитражей подтверждает тенденцию к комплексному рассмотрению водных споров с учетом экологических обязательств, принципа устойчивого развития и интересов населения.

В деле Gabčíkovo-Nagymaros Project (Венгрия против Словакии, 1997) Международный суд ООН подчеркнул, что принцип справедливого и разумного использования трансграничных вод должен применяться с учетом меняющихся экологических и социальных условий, а государства обязаны сотрудничать в поиске устойчивых решений, а не руководствоваться исключительно суверенными интересами[17].

В деле Pulp Mills on the River Uruguay (Аргентина против Уругвая, 2010) Суд признал обязательность проведения оценки воздействия на окружающую среду как элемента международного обычного права, что имеет прямое значение для защиты водных ресурсов и реализации права населения на безопасную воду[18].

В консультативных заключениях и докладах Комиссии международного права ООН также подчеркивается, что нарушение режима сотрудничества и обмена информацией в отношении трансграничных водных объектов может рассматриваться как самостоятельное международно-противоправное деяние.

- ***Центральная Азия как регион повышенной водной уязвимости***

Центральная Азия представляет собой один из наиболее показательных регионов с точки зрения взаимосвязи трансграничных водных ресурсов, устойчивого развития и реализации права на воду. Основные водные артерии региона – реки Амударья и Сырдарья – являются трансграничными и обеспечивают жизнедеятельность пяти государств: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и Туркменистана.

Исторически сложившаяся асимметрия интересов государств верхнего и нижнего течения, заключающаяся в различии гидроэнергетических и ирригационных потребностей, обусловливает необходимость институционализированного сотрудничества[19] [1]. В этой связи важную роль играют Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, Международный фонд спасения Арала, а также двусторонние соглашения о водопользовании и энергетическом обмене.

17 Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia): Judgment // I.C.J. Reports, 1997. P. 7.

18 Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay) : Judgment // I.C.J. Reports, 2010. P. 14.

19 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение). URL: http://icwc-aral.uz/statute1_ru.htm.

Таблица. Основные трансграничные водные объекты Кыргызской Республики и направления водопользования

Table. The Main Transboundary Water Bodies of the Kyrgyz Republic and Directions of Water Use

Трансграничный водный объект	Положение Кыргызской Республики	Государства нижнего течения	Основные направления водопользования	Международно-правовое значение
Река Нарын (бассейн Сырдарьи)	Государство верхнего течения	Узбекистан, Казахстан	Гидроэнергетика (Токтогульский каскад ГЭС), регулирование сезонного стока	Применение принципов справедливого и разумного использования, предотвращение трансграничного вреда, необходимость согласования режимов работы ГЭС
Река Сырдарья (через систему Нарын-Сырдарья)	Косвенное участие через верховья	Узбекистан, Казахстан	Ирригация, сельское хозяйство, водоснабжение	Реализация права на воду населения нижнего течения, значение сотрудничества и обмена информацией
Река Чу	Совместное использование	Казахстан	Орошение, питьевое водоснабжение, экосистемные услуги	Двусторонние соглашения и совместные комиссии, пример институционализированного сотрудничества
Река Талас	Совместное использование	Казахстан	Сельское хозяйство, коммунальное водоснабжение	Реализация принципов равноправного участия и устойчивого управления
Подземные трансграничные водоносные горизонты (Чуйская долина)	Совместное использование	Казахстан	Питьевое водоснабжение, сельское хозяйство	Актуализация норм международного права подземных вод, необходимость совместного мониторинга
Малые трансграничные притоки (Исфара, Сох и др.)	Частично верхнее течение	Таджикистан, Узбекистан	Ирригация, местное водоснабжение	Потенциальные локальные конфликты, значимость превентивного сотрудничества

Источник: составлено авторами на основе нормативных актов[20]

Source: compiled by the authors based on regulatory documents[20]

Несмотря на наличие указанных механизмов, практика региона демонстрирует, что отсутствие юридически обязательных режимов распределения стока, а также недостаточная интеграция экологических и правочеловеческих стандартов затрудняют эффективную реализацию права на воду [3]. Проблемы Аральского моря, деградация экосистем и рост дефицита питьевой воды в ряде районов Центральной Азии наглядно подтверждают необходимость усиления международно-правового подхода к управлению трансграничными водами.

20 Водный кодекс Кыргызской Республики от 12 января 2005 г. № 8. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/1605/edition/1201418/ru; Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы: утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 31 окт. 2018 г. № 221. URL: https://policy.thinkbluedata.com/sites/default/files/National%20Development%20Strategy%20of%20the%20Kyrgyz%20Republic%20for%202018-2040%20(RU).pdf.

В контексте Центральной Азии право на воду постепенно выходит за рамки исключительно ресурсного подхода и всё чаще рассматривается через призму прав человека и устойчивого развития. Рекомендации специальных докладчиков ООН по вопросу о праве на безопасную питьевую воду и санитарии подчеркивают, что государства региона обязаны[21] учитывать потребности уязвимых групп населения при водораспределении, обеспечивать транспарентность и участие общественности в принятии решений, а также интегрировать стандарты прав человека в водные и энергетические соглашения.

Представленные данные таблицы демонстрируют, что Кыргызская Республика занимает стратегическое положение государства верхнего течения по ключевым трансграничным водным объектам Центральной Азии. Это обусловливает особую ответственность Кыргызстана в контексте международного водного права, включая соблюдение принципов справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного вреда и добросовестного сотрудничества с государствами нижнего течения.

Таблица наглядно подтверждает, что реализация права на воду в регионе не может рассматриваться исключительно в национальных границах и требует комплексного международно-правового и институционального подхода, сочетающего водную, энергетическую и экологическую политику.

Таким образом, трансграничные водные ресурсы становятся не только объектом межгосударственных договоренностей, но и сферой, в которой формируется синтез международного водного права, международного экологического права и прав человека. Для государств Центральной Азии данный подход представляет собой ключевое условие устойчивого развития, региональной стабильности и предотвращения потенциальных конфликтов.

Право на воду и устойчивое развитие: международно-правовые и институциональные механизмы в Центральной Азии

Цели устойчивого развития ООН, в частности ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», закрепляют комплексный подход к управлению водными ресурсами[22], интегрирующий правозащитное измерение с экологическими, социальными и экономическими аспектами. В рамках ЦУР 6 государства обязаны обеспечивать доступность и устойчивость водоснабжения, улучшать санитарные условия, внедрять эффективные системы управления водными ресурсами и развивать международное сотрудничество по трансграничным водам.

21 Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарию: док. ООН A/HRC/30/39. URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39.

22 Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сент. 2015 г. № 70/1. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1.

На международном уровне ключевую роль в поддержке государств играют[23] [5]: Организация Объединенных Наций – через Программу ООН по окружающей среде, Департамент по экономическим и социальным вопросам и специализированные агентства, такие как ЮНИСЕФ, реализующие проекты по обеспечению безопасной питьевой воды; Всемирный банк и Азиатский банк развития – предоставляют финансовую и техническую поддержку реформам водного сектора, проектам по ирригации, гидроэнергетике и охране экосистем; региональные инициативы – в Центральной Азии это Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, Международный фонд спасения Арала, а также программы по управлению бассейнами Амударьи и Сырдарьи, направленные на гармонизацию интересов верхнего и нижнего течения.

Институциональные механизмы устойчивого управления водными ресурсами в регионе включают: многосторонние и двусторонние соглашения, регулирующие распределение воды для ирригации и гидроэнергетики; совместные комиссии и органы бассейнового управления, осуществляющие мониторинг водных ресурсов, координацию использования стока и решение споров между государствами региона; информационно-аналитические и научные платформы, в рамках которых осуществляются обмен гидрологическими данными и оценка экологических рисков; программы адаптации к изменению климата, направленные на снижение уязвимости гидросистем Центральной Азии, включая таяние ледников, сезонные колебания стока и деградацию экосистем.

В качестве практических примеров можно выделить следующие.

Во-первых, противоречия вокруг использования водных ресурсов бассейнов Амударьи и Сырдарьи в 1990-х гг., обусловленные различием интересов государств верхнего и нижнего течения, способствовали созданию многосторонних соглашений[24] и совместных комиссий, однако отсутствие юридически обязательных механизмов распределения стока продолжает сохранять риски напряженности.

Во-вторых, проект Камбар-Атинской ГЭС-1 представляет собой показательный пример современного трансграничного водно-энергетического сотрудничества в Центральной Азии. В международно-правовом измерении данный проект отражает практическую значимость принципов сотрудничества, справедливого и разумного использования трансграничных водных ресурсов, а также недопущения существенного трансграничного ущерба.

В-третьих, кризис Аральского моря остается ярким примером недостаточной реализации международных стандартов устойчивого водопользования [3; 6]. Международные организации, включая ООН, Всемирный банк и Международный

23 The United Nations World Water Development Report 2024: Water for Prosperity and Peace. Paris: UNESCO, 2024. URL: https://www.unesco.org/en/articles/united-nations-world-water-development-report-2024-water-prosperity-and-peace.

24 Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников от 18 февр. 1992 г. (Алма-Атинское соглашение). URL: http://icwc-aral.uz/statute1_ru.htm.

фонд спасения Арала, участвуют в разработке региональных программ по восстановлению экосистем и обеспечению прав населения на воду, что демонстрирует важность сочетания международного права, экологических стандартов и прав человека в практике Центральной Азии.

Этот опыт показывает, что устойчивое управление трансграничными водами Центральной Азии требует не только институционализированных механизмов, но и гибкого применения международных принципов права на воду, активного сотрудничества между государствами, а также вовлечения международных экспертов. Эффективность этих механизмов зависит от политической воли государств, юридической обязательности соглашений и интеграции международного права с национальными и региональными практиками.

Значение международно-правовых подходов для Кыргызской Республики

Для Кыргызской Республики, обладающей значительным гидроресурсным потенциалом и расположенной в верховьях трансграничных водотоков Центральной Азии, вопросы международно-правового регулирования водных ресурсов имеют стратегическое значение. Имплементация международных стандартов права на воду и принципов устойчивого управления способствует укреплению регионального сотрудничества, снижению риска конфликтов и обеспечению водной безопасности как внутри страны, так и в регионе в целом.

С точки зрения международного права Кыргызстан обязан учитывать принципы справедливого и разумного использования, предотвращения значительного трансграничного вреда и сотрудничества, закрепленные в Конвенции ООН 1997 г. и других международных договорах[25] [1].

Особое значение для Кыргызстана имеют следующие направления: программы адаптации к изменению климата и модернизация гидросистем, позволяющие учитывать долгосрочные последствия изменения климата и обеспечивать устойчивость водных ресурсов для населения и экономики[26]; обеспечение права на воду для населения, включая снабжение отдаленных и сельских районов безопасной питьевой водой с учетом потребностей уязвимых групп[27]; участие в региональных экологических и научных платформах,

25 Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков: принята Резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 мая 1997 г. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf.

26 Там же.

27 Водный кодекс Кыргызской Республики от 12 января 2005 г. № 8. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/1605/edition/1201418/ru; Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарию: док. ООН A/HRC/30/39. URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39.

обеспечивающих обмен данными, оценку экологических рисков и интеграцию международных стандартов управления в национальную практику[28].

Таким образом, Кыргызская Республика демонстрирует пример интеграции международного права, принципов устойчивого развития и прав человека в национальные и региональные механизмы водного управления. Эффективность этих механизмов зависит от политической воли, юридической обязательности соглашений и участия международных экспертов, что укрепляет водную безопасность и сотрудничество в Центральной Азии.

Выводы

Международно-правовое признание права на воду и развитие механизмов устойчивого управления водными ресурсами отражают эволюцию современного международного права в ответ на глобальные вызовы. В Центральной Азии трансграничные воды становятся зоной синтеза международного водного права, экологических стандартов и прав человека.

Эффективная реализация данных норм требует институционального взаимодействия и регионального сотрудничества; интеграции экологических и правозащитных подходов в национальные политики [1; 5]; обеспечения участия общественности и учета интересов уязвимых групп населения.

Для Кыргызстана и Центральной Азии в целом устойчивое управление водными ресурсами является не только инструментом экологической и социальной стабильности, но и важнейшим элементом региональной безопасности, экономического развития и предотвращения конфликтов.

Список литературы

1. Зиганшина Д.Р. Международное право и управление трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии [International Law and the Management of Transboundary Water Resources in Central Asia]. Ташкент: Baktria Press, 2021. 256 с.
2. Gleick P.H. The Human Right to Water // Water Policy. 1998. Vol. 1. № 5. P. 487–503.
3. McCracken P., Wolf A.T. Updating the Register of International River Basins of the World // International Journal of Water Resources Development. 2019. Vol. 35. № 5. P. 732–755.
4. Wolf A.T. Shared Waters: Conflict and Cooperation // Annual Review of Environment and Resources. 2007. Vol. 32. P. 241–269.
5. Wouters P.K., Vinogradov S., Magsig B.-O. Water Security, Hydrosolidarity, and International Law: A River Runs Through It... // Yearbook of International Environmental Law. 2009. Vol. 19. № 1. P. 97–134.
6. Ziganshina D. Promoting Transboundary Water Security in the Aral Sea Basin through International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2014.

Информация об авторах

ТЕН Андрей Валерьевич. Доктор юридических наук. Профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. https://orcid.org/0009-0001-8569-3947. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, б-р Эркиндик, 36. alu.andrei@gmail.com

28 Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека на безопасную питьевую воду и санитарию: док. ООН A/HRC/30/39. URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/30/39.

ЧОЛОЕВ Нурлан Мамбетакунович. Докторант Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. https://orcid.org/0009-0009-1651-5061. Адрес: Кыргызская Республика, 720040, г. Бишкек, б-р Эркиндик, 36. choloev_n@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

Журнал «Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование данной статьи.

References

1. Ziganshina D.R. International Law and the Management of Transboundary Water Resources in Central Asia. Tashkent: Baktria Press, 2021. 256 p. [In Russian].
2. Gleick P.H. The Human Right to Water. Water Policy. 1998; 1(5):487–503 [In English].
3. McCracken, P., Wolf, A. T. Updating the Register of International River Basins of the World. International Journal of Water Resources Development. 2019; 35(5):732–755 [In English].
4. Wolf A.T. Shared Waters: Conflict and Cooperation. Annual Review of Environment and Resources. 2007; 32:241–269 [In English].
5. Wouters P.K., Vinogradov S., Magsig B.-O. Water Security, Hydrosolidarity, and International Law: A River Runs Through It... Yearbook of International Environmental Law. 2009; 19(1):97–134 [In English].
6. Ziganshina D. Promoting Transboundary Water Security in the Aral Sea Basin through International Law. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2014 [In English].

About the authors

Andrey V. TEN. DSc. (Law). Professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. https://orcid.org/0009-0001-8569-3947. Address: 36 Erkindik Blvd., Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. alu.andrei@gmail.com
Nurlan M. CHOLOEV. Doctoral Candidate at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic. https://orcid.org/0009-0009-1651-5061. Address: 36 Erkindik Blvd., Bishkek, 720040, Kyrgyz Republic. choloev_n@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: April 9, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.
The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья Социологические науки
УДК 331.556.4(575.2):316.346.32
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-121-145

Новая архитектура внешней трудовой миграции Кыргызской Республики: многовекторная стратегия и реинтеграция мигрантов

Тажимамат Тайгараевич Шаболотов[1a]✉, Нурлан Акимбекович Нуралиев[1,2b]✉

[1] Институт государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан
[2] Международный университет Кыргызстана, Бишкек, Кыргызстан
[a] shatt05@mail.ru
[b] erkinbek-68@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5749-8508

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные и практические основы формирования новой архитектуры внешней трудовой миграции Кыргызской Республики в контексте современных глобальных трансформаций и социально-экономических вызовов. Актуальность темы обусловлена изменением международных миграционных режимов, снижением стабильности традиционных рынков труда и необходимостью выработки многовекторной стратегии, обеспечивающей диверсификацию направлений трудовой мобильности и повышение устойчивости национальной экономики. Исследование основано на системном и междисциплинарном подходе, включающем сравнительный, структурно-функциональный и контент-анализ нормативных актов, статистических данных и аналитических материалов

© Шаболотов Т.Т., Нуралиев Н.А., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

международных организаций. Рассматриваются ключевые направления международного сотрудничества Кыргызстана с МОМ, МОТ, ПРООН, ICMPD и JICA, а также институциональные механизмы развития организованных форм трудовой миграции, сертификации квалификаций и цифровизации миграционного управления. Особое внимание уделено проблематике реинтеграции возвращающихся мигрантов в условиях трансформации внутреннего рынка труда. Проанализированы социально-демографическая структура возвращенцев, их профессиональные компетенции, а также меры государственной и международной поддержки – программы льготного кредитования, грантовые инициативы, переквалификация и проект «Мекеним 1+1». Подчеркивается необходимость интеграции мигрантов в экономическую систему страны через развитие малого предпринимательства, создание рабочих мест и повышение финансовой грамотности. Результаты исследования свидетельствуют о формировании в Кыргызстане новой институционально устойчивой модели миграционной политики, сочетающей внешнюю многовекторность с внутренней социально-экономической адаптацией, направленной на эффективное использование человеческого капитала мигрантов и укрепление национальной безопасности.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, Кыргызская Республика, многовекторная стратегия, реинтеграция мигрантов, международное сотрудничество, сертификация квалификаций, предмиграционная подготовка

Для цитирования: Шаболотов Т.Т., Нуралиев Н.А. Новая архитектура внешней трудовой миграции Кыргызской Республики: многовекторная стратегия и реинтеграция мигрантов // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 121-145, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-121-145

Original article Sociological Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-121-145

The New Architecture of External Labor Migration in the Kyrgyz Republic: A Multi-Vector Strategy and Reintegration of Migrants

Tazhimamat T. Shabolotov[1a]✉, Nurlan A. Nuraliev [1,2b]✉

[1] Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan
[2] International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan
[a] shatt05@mail.ru
[b] erkinbek-68@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-5749-8508

Annotation. The article reveals the conceptual and practical foundations of the formation of a new architecture for external labor migration in the Kyrgyz Republic within the context of modern global transformations and socio-economic challenges. The relevance of the topic is due to changes in international migration regimes, a decrease in the stability of traditional labor markets, and the need to develop a multi-vector strategy that ensures the diversification

of labor mobility and increases the sustainability of the national economy. The research is based on a systematic and interdisciplinary approach, including comparative, structural, functional, and content analysis of regulations, statistical data, and analytical materials from international organizations. The key areas of Kyrgyzstan's international cooperation with IOM, ILO, UNDP, ICMPD and JICA, as well as institutional mechanisms for the development of organized forms of labor migration, certification of qualifications and digitalization of migration management are considered. Special attention is paid to the issues of reintegration of returning migrants in the context of the transformation of the domestic labor market. The socio-demographic structure of the returnees, their professional competencies, as well as measures of state and international support, including preferential lending programs, grant initiatives, retraining and the Mekenim 1+1 project are analyzed. The need to integrate migrants into the country's economic system through the development of small businesses, job creation and financial literacy is emphasized. The results of the study indicate the formation of a new institutionally stable model of migration policy in Kyrgyzstan. This model combines external multi-vector strategies with internal socio-economic adaptation aimed at effectively use of migrants' human capital and strengthening national security.

Keywords: external labor migration, Kyrgyz Republic, multi-vector strategy, reintegration of migrants, international cooperation, qualification certification, pre-migration training

For citation: Shabolotov T.T., Nuraliev N.A. The New Architecture of External Labor Migration in the Kyrgyz Republic: A Multi-Vector Strategy and Reintegration of Migrants. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 121-145, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-121-145

Введение

Внешняя трудовая миграция является одним из ключевых факторов социально-экономического развития Кыргызской Республики. По данным международных организаций, ежегодно значительная часть трудоспособного населения страны участвует в миграционных процессах, что оказывает двойственное воздействие на экономику: с одной стороны, денежные переводы мигрантов составляют значительную долю ВВП, с другой – сохраняется проблема утечки квалифицированных кадров и зависимости от ограниченного числа стран назначения.

Традиционная ориентация миграционных потоков преимущественно в направлении государств СНГ, в частности Российской Федерации и Казахстана, в условиях глобальной турбулентности и изменения миграционных правил требует пересмотра существующей модели. Актуальной становится многовекторная стратегия, предполагающая расширение географии трудовой мобильности, диверсификацию рынков труда и повышение качества занятости кыргызских граждан за рубежом.

Наряду с внешними аспектами все большее значение приобретает вопрос реинтеграции возвращающихся мигрантов. Отсутствие системной поддержки на национальном уровне приводит к недоиспользованию накопленного за рубежом человеческого капитала. Опыт ряда стран показывает, что комплексные программы по возвращению и трудоустройству мигрантов могут стать драйвером внутреннего экономического роста, способствуя развитию малого и среднего бизнеса, инновационных проектов и профессиональной сферы.

Таким образом, разработка новой архитектуры внешней трудовой миграции, включающей механизмы предмиграционной подготовки, международного признания квалификаций и эффективной реинтеграции, является стратегической задачей, направленной на обеспечение устойчивого социально-экономического развития Кыргызской Республики и повышение благосостояния ее граждан.

Материалы и методы

Методологическая основа представленного исследования базируется на принципах системного и междисциплинарного анализа, что позволило рассмотреть внешнюю трудовую миграцию Кыргызской Республики как комплексное социально-экономическое, политическое и институциональное явление. Такой подход обусловлен необходимостью выявления взаимосвязей между различными уровнями миграционной политики (национальным, региональным и международным), а также анализа механизмов реинтеграции возвращающихся мигрантов в контексте меняющегося рынка труда страны [1; 4; 11].

В исследовании использована совокупность общенаучных и специальных методов, направленных на изучение структурных, динамических и функциональных аспектов миграционных процессов [1; 4]. Применение системного подхода позволило рассмотреть миграцию как взаимосвязанную подсистему национальной социально-экономической структуры, в которой внутренние и внешние факторы определяют характер трудовой мобильности, институциональную устойчивость и социальные последствия для общества[1] [2; 4].

Сравнительный метод был использован для анализа опыта взаимодействия Кыргызской Республики с основными странами-партнерами по трудовой миграции, а также международными организациями, включая Международную организацию по миграции (МОМ), Международную организацию труда (МОТ), Программу развития ООН (ПРООН), Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD) и Японское агентство международного сотрудничества (JICA). Это позволило выявить общие закономерности и особенности реализации политики трудовой мобильности в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества, а также определить потенциал адаптации зарубежного опыта в национальной практике[2] [3; 5; 8; 10].

Большое значение в исследовании имеет структурно-функциональный анализ, позволивший определить роль государственных институтов в формировании и реализации миграционной политики, а также в обеспечении процессов реинтеграции. Посредством данного метода изучались институциональные функции Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики, его взаимодействие с международными структурами, консульскими службами и центрами занятости. Особое внимание уделялось оценке степени координации между государственными, частными и международными субъектами миграционного управления[3] [1; 2; 8; 10].

Применение контент-анализа официальных документов, стратегий, нормативно-правовых актов и аналитических публикаций позволило выявить основные тенденции и направления трансформации государственной миграционной политики. Анализ проводился на основе официальных материалов Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики, отчетов МОМ, ICMPD, ПРООН, Всемирного банка и Budapest Process, а также данных национальной статистики[4] [3; 6; 7; 9; 11].

Вторичный анализ статистических данных использовался для изучения количественных параметров миграционных потоков, структуры возвращающихся мигрантов, их возрастно-полового состава, профессиональной принадлежности и региональной распределенности. В работе применялись материалы, собранные с использованием инструмента «Матрица отслеживания мобильности» (Displacement Tracking Matrix, DTM), разработанного Международной организацией по миграции, а также отчеты ICMPD и ПРООН[5] [2; 4; 8; 11]. Эти данные позволили выявить ключевые закономерности в динамике возвратной миграции и ее влиянии на национальный рынок труда.

1 Реинтеграция вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/stories/reintegraciya-vernuvshikhsya-migrantov.

2 Кыргызстан укрепляет сотрудничество с ICMPD для совершенствования миграционной политики – министр Сабиров. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/06/11/kyrgyzstan-ukreplyaet-sotrudnichestvo-s-icmpd-dlya-sovershenstvovaniya-migracionnoj-politiki-ministr-sabirov/; Улучшение управления миграцией и защиты мигрантов на отдельных Шелковых путях и в странах Центральной Азии. URL: https://www.icmpd.org/news/protect-project-improving-migration-management-in-selected-silk-routes-and-central-asian-countries-launches-in-osh-kyrgyzstan?utm; Международный центр развития миграционной политики. URL: https://www.icmpd.org/.

3 Встреча с Президентом фонда «IM Japan»: расширение возможностей трудоустройства граждан Кыргызстана в Японию. URL: https://migrant.kg/ru/about/news/vstrecha-s-prezidentom-fonda-im-japan-rasshirenie-vozmozhnostei-trudoustroistva-grazhdan-kyrgyzstana-v-iaponii/; В Оше появился Центр трудоустройства за рубежом по южному региону. URL: https://24.kg/obschestvo/1840_v_oshe_poyavilsya_tsentr_trudoustroystva_za_rubejom_po_yujnomu_regionu/; Минтруд Кыргызской республики: справедливый переход с новыми приоритетами. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/04/mintrud-kyrgyzskoj-respubliki-spravedlivyj-perehod-s-novymi-prioritetami/.

4 Минтруда разрабатывает программы поддержки возвращающимся из трудовой миграции кыргызстанцам «Вопросы реинтеграции женщин-мигрантов через систему образования в Кыргызстане». URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2023/02/27/mintruda-razrabatyvaet-programmy-podderzhki-vozvrashhayushhimsya-iz-trudovoj-migraczii-kyrgyzstanczam-ob-etom-skazala-zamestitel-ministra-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-nurdoolot-bazarb/; Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики и Международная организация по миграции (МОМ) представили результаты оценки миграционных тенденций. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2024/10/15/ministerstvo-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-kyrgyzskoj-respubliki-i-mezhdunarodnaya-organizacziya-po-migraczii-mom-predstavili-rezultaty-oczenki-migraczionnyh-tendenczij/?utm_source=chatgpt.com; Содействие системе сбора статистических данных по миграции в Кыргызской Республике через Матрицу отслеживания мобильности. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/news/sodeystvie-sisteme-sbora-statisticheskikh-dannykh-po-migracii-v-kyrgyzskoy-respubliki-cherez-matricu-otslezhivaniya-mobilnosti?utm_source=chatgpt.com.

5 Содействие системе сбора статистических данных по миграции в Кыргызской Республики через Матрицу отслеживания мобильности. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/news/sodeystvie-sisteme-sbora-statisticheskikh-dannykh-po-migracii-v-kyrgyzskoy-respubliki-cherez-matricu-otslezhivaniya-mobilnosti?utm_source=chatgpt.com.

В рамках исследования также использован описательно-аналитический метод, обеспечивший систематизацию эмпирических данных, формирование обобщающих выводов и разработку предложений по совершенствованию политики реинтеграции. Сочетание количественных и качественных методов анализа позволило обеспечить целостное представление о процессах внешней трудовой миграции и их взаимосвязи с внутренними социально-экономическими трансформациями[6] [1; 4].

Теоретико-методологическую основу исследования составили современные концепции и подходы в области миграциологии, трудовой мобильности и управления человеческим капиталом. В качестве базовых положений использованы теории миграционных систем, модели циркуляционной и возвратной миграции, концепции «миграционного цикла» и «управляемой мобильности». При анализе вопросов реинтеграции применялись принципы инклюзивного экономического роста, устойчивой занятости и социальной сплоченности, позволяющие рассматривать возвращающихся мигрантов не только как объект социальной поддержки, но и как активный ресурс развития национальной экономики[7] [1; 4; 10].

Эмпирическую базу исследования составили официальные отчеты Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики за 2023–2025 гг., аналитические документы Международной организации по миграции, Международного центра по развитию миграционной политики, Программы развития ООН, Всемирного банка, ICMPD и Budapest Process. В работе использовались также данные пилотных проектов по реинтеграции мигрантов, включая программы «Мекеним 1+1», «PROTECT», а также материалы национальных и региональных СМИ, отражающие практику реализации государственной миграционной политики и мер поддержки возвращающихся граждан[8] [3; 6; 7; 9–11].

Научная новизна методологического подхода заключается в интеграции теоретического анализа с практическими инструментами оценки эффективности миграционной политики. В рамках исследования разработаны критерии институциональной устойчивости, определены показатели результативности программ реинтеграции и выявлены направления совершенствования миграционного управления в контексте многовекторной внешней стратегии Кыргызской Республики. Такой подход позволил не только выявить современные тенденции и вызовы трудовой миграции, но и предложить концептуальные ориентиры для формирования долгосрочной политики, направленной на повышение социально-экономической устойчивости и развитие человеческого потенциала страны[9] [1; 4; 10].

Результаты исследования

Расширение международного сотрудничества Кыргызской Республики

В современную эпоху трансформации глобальных рынков труда и усиления конкуренции за трудовые ресурсы международное сотрудничество в сфере трудовой миграции становится одним из приоритетных направлений внешней и внутренней политики Кыргызской Республики. Стремясь обеспечить легальные и безопасные каналы трудоустройства для своих граждан, правительство Кыргызстана, при координирующей роли Министерства труда, социального обеспечения и миграции (МТСОМ КР), последовательно развивает партнерские отношения с международными организациями, странами приема мигрантов и региональными интеграционными механизмами.

Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики является ключевым государственным органом, осуществляющим формирование, реализацию и сопровождение внешней трудовой миграционной политики. В рамках своей компетенции министерство координирует переговоры, подписывает межправительственные соглашения, управляет реализацией миграционных программ, взаимодействует с международными институтами, а также представляет интересы Кыргызстана на профильных международных форумах[10].

Особую значимость международное сотрудничество приобретает в условиях необходимости диверсификации направлений трудовой миграции, смещения акцентов с неформальных каналов на организованные, повышения квалификации мигрантов и их правовой защищенности в странах пребывания [7; 8].

6 Возвращающимся мигрантам готовы предоставить льготные кредиты на развитие бизнеса. URL: https://kaktus.media/doc/528279_vozvrashaushimsia_migrantam_gotovy_predostavit_lgotnye_kredity_na_razvitie_biznesa.html; Руководство по реинтеграции вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2024-01/appendix-1.-reintegration-handbook-rus_version2.pdf; В Минтруда рассказали о программе «Мекеним 1+1» для поддержки трудовых мигрантов. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/24/v-mintruda-rasskazali-o-programme-mekenim-1-1-dlya-podderzhki-trudovyh-migrantov/?utm_source=chatgpt.com.

7 Реинтеграция вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/stories/reintegraciya-vernuvshikhsya-migrantov; Руководство по реинтеграции вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2024-01/appendix-1.-reintegration-handbook-rus_version2.pdf.

8 Возвращающимся мигрантам готовы предоставить льготные кредиты на развитие бизнеса. URL: https://kaktus.media/doc/528279_vozvrashaushimsia_migrantam_gotovy_predostavit_lgotnye_kredity_na_razvitie_biznesa.html; В Минтруда рассказали о программе «Мекеним 1+1» для поддержки трудовых мигрантов. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/24/v-mintruda-rasskazali-o-programme-mekenim-1-1-dlya-podderzhki-trudovyh-migrantov/?utm_source=chatgpt.com; Реинтеграция. Важность социальной поддержки возвращающихся мигрантов. URL: https://ru.archive.kabar.kg/news/reintegratciia-vazhnost-sotcial-noi-podderzhki-vozvrashchaiushchikhsia-migrantov.

9 Улучшение управления миграцией и защиты мигрантов на отдельных Шелковых путях и в странах Центральной Азии. URL: https://www.icmpd.org/news/protect-project-improving-migration-management-in-selected-silk-routes-and-central-asian-countries-launches-in-osh-kyrgyzstan?utm; Международный центр развития миграционной политики. URL: https://www.icmpd.org/; Руководство по реинтеграции вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2024-01/appendix-1.-reintegration-handbook-rus_version2.pdf.

10 Встреча с Президентом фонда «IM Japan»: расширение возможностей трудоустройства граждан Кыргызстана в Японию. URL: https://migrant.kg/ru/about/news/vstrecha-s-prezidentom-fonda-im-japan-rasshirenie-vozmozhnostei-trudoustroistva-grazhdan-kyrgyzstana-v-iaponii/.

Одним из центральных партнеров страны является Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD), взаимодействие с которым охватывает широкий спектр направлений. В июне 2025 г. министр труда, социального обеспечения и миграции Равшанбек Сабиров провел официальную встречу с представителями ICMPD, в ходе которой были подведены итоги двустороннего сотрудничества и определены шаги по институционализации долгосрочного партнерства[11]. Наиболее значимыми результатами этого взаимодействия стали участие Кыргызстана в проекте PROTECT, направленном на совершенствование миграционного управления в странах Центральной Азии, а также создание Ресурсного центра для мигрантов в Оше, который с момента открытия в марте 2024 г. оказал помощь более 20 тысячам граждан. Подготовка к открытию второго центра в Бишкеке и разработка проекта межправительственного соглашения с ICMPD свидетельствуют о расширении инфраструктуры поддержки мигрантов[12]. Важным элементом сотрудничества также является участие страны в Будапештском и Пражском процессах, которые предоставляют платформу для обмена политик, согласования стандартов и распространения лучших практик.

Значимым направлением работы является взаимодействие с Международной организацией по миграции (МОМ). Деятельность МОМ в Кыргызстане охватывает правовую защиту мигрантов, противодействие торговле людьми и трудовой эксплуатации, проведение информационных кампаний, а также содействие в реинтеграции граждан, вернувшихся на родину. При этом организация активно продвигает обучающие программы, ориентированные на внедрение принципов достойного труда в соответствии с международными стандартами[13].

Существенный вклад в развитие миграционной политики вносит Программа развития ООН (ПРООН), которая реализует проекты по цифровизации миграционного управления совместно с Международной технической службой по миграции (МТСОМ). В их рамках создается цифровая миграционная платформа, включающая реестры агентств, базу проверенных вакансий, механизмы онлайн-регистрации и консультирования. ПРООН также поддерживает инициативы по развитию новых форм занятости для молодежи, включая фриланс, удаленную работу и цифровые профессии, а также по формированию систем предвыездной подготовки и повышению юридической грамотности мигрантов [2; 10].

Сотрудничество с Международной организацией труда (МОТ) направлено на интеграцию Кыргызстана в систему международных трудовых стандартов и обеспечение соблюдения прав трудящихся мигрантов. Особое внимание уделяется

11 Кыргызстан укрепляет сотрудничество с ICMPD для совершенствования миграционной политики – министр Сабиров. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/06/11/kyrgyzstan-ukreplyaet-sotrudnichestvo-s-icmpd-dlya-sovershenstvovaniya-migraczionnoj-politiki-ministr-sabirov/.

12 В Оше появился Центр трудоустройства за рубежом по южному региону. URL: https://24.kg/obschestvo/1840_v_oshe_poyavilsya_tsentr_trudoustroystva_za_rubejom_po_yujnomu_regionu/.

13 Минтруд Кыргызской республики: справедливый переход с новыми приоритетами. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/04/mintrud-kyrgyzskoj-respubliki-spravedlivyj-perehod-s-novymi-prioritetami/.

внедрению концепции достойного труда, разработке стандартов признания квалификаций, подготовке государственных служащих и представителей агентств, а также борьбе с неформальной занятостью и теневыми трудовыми практиками[14].

Отдельного упоминания заслуживает взаимодействие с Японским агентством международного сотрудничества (JICA), которое способствует интеграции Кыргызстана в азиатские трудовые программы, включая TITP и SSW. В рамках этих инициатив реализуются языковые курсы, профессиональная сертификация, культурная адаптация кандидатов и институциональное сопровождение трудоустройства граждан в Японии.

Наряду с двусторонними контактами, Кыргызстан активно участвует в многосторонних региональных и глобальных инициативах, таких как Будапештский и Пражский процессы, программа EU BOMCA и проект PROTECT. Эти площадки обеспечивают доступ к современным инструментам миграционного регулирования, создают условия для обмена опытом и позволяют стране влиять на формирование региональной повестки в сфере трудовой миграции[15].

Комплексность и многовекторность международных партнерств Кыргызской Республики свидетельствуют о стратегическом подходе государства к управлению миграционными процессами, что обеспечивает расширение возможностей трудовой мобильности, укрепление социальной защиты мигрантов и повышение устойчивости национальной экономики.

Таким образом, международное сотрудничество Кыргызской Республики в сфере внешней трудовой миграции, координируемое Министерством труда, социального обеспечения и миграции, приобретает системный, стратегически выверенный характер. Формируется объективная необходимость перехода от преимущественно традиционной модели миграционной политики к многовекторной, институционально устойчивой системе управления внешней трудовой миграцией, ориентированной на качество занятости, цифровую трансформацию и правовую предсказуемость.

В условиях снижения привлекательности традиционных направлений (в первую очередь России), роста спроса на трудовые ресурсы в странах Восточной Азии, Европы и Ближнего Востока, а также на фоне стремительного развития цифровых форм занятости государственная стратегия Кыргызской Республики должна быть сфокусирована на следующих приоритетах:

- активное развитие двусторонних соглашений и официальных программ организованной трудовой миграции;
- системная предвыездная подготовка трудовых ресурсов (включая языковую, профессиональную и правовую составляющие);

14 Улучшение управления миграцией и защиты мигрантов на отдельных Шелковых путях и в странах Центральной Азии. URL: https://www.icmpd.org/news/protect-project-improving-migration-management-in-selected-silk-routes-and-central-asian-countries-launches-in-osh-kyrgyzstan?utm.

15 Там же.

- цифровизация инфраструктуры миграционного управления, включая реестры, онлайн-платформы и базы данных;
- укрепление механизмов консульской, информационной и правовой поддержки граждан Кыргызстана за рубежом.

Таким образом, модернизация миграционной политики на базе международного сотрудничества становится не просто опцией, а необходимым элементом устойчивого развития и внешнеполитической адаптации страны в XXI в.

Новая архитектура внешней трудовой миграции: формирование многовекторной стратегии

Внешняя трудовая миграция граждан Кыргызской Республики на современном этапе переходит от модели ограниченного географического выбора к формированию многовекторной, гибкой и институционально управляемой стратегии мобильности. Этот процесс обусловлен как внешними изменениями (снижением трудовой миграции в Россию и Казахстан, изменением условий въезда и труда, ростом спроса в странах с демографическим дефицитом), так и внутренними вызовами: ростом трудоспособного населения, безработицы и стремлением к социальной мобильности [1].

Одной из ключевых особенностей этого перехода является смещение фокуса с количественных показателей миграции на качество и устойчивость занятости. Все большую роль играют такие параметры, как уровень легализации, социальная защита, языковая и профессиональная подготовка, цифровые компетенции и возможность карьерного роста. Кыргызстан демонстрирует постепенный уход от модели «трудовой эмиграции по необходимости» к модели организованной, контрактной и компетентностной миграции, где успех определяется не только фактом выезда, но и степенью интеграции мигранта в принимающую среду [4].

В условиях глобальной конкуренции за трудовые ресурсы возрастает значимость профилирования миграционных каналов по секторам и странам. Это требует от государства выстраивания целевых стратегий: одни рынки требуют технических специалистов, другие – работников сферы ухода и сервиса, третьи – специалистов с цифровыми и языковыми навыками. Универсальный подход здесь становится неэффективным. Вместо этого формируется сегментированная политика, основанная на анализе спроса, потенциала мигрантов и возможностях интеграции [2; 10].

Новая архитектура миграции предполагает также переход от спонтанного участия граждан в международной мобильности к институционально поддержанному циклу миграции, включающему этапы отбора, подготовки, сопровождения за рубежом и поддержки возвращения. Это требует развития комплексной инфраструктуры миграционного сервиса: цифровых платформ, центров обучения и адаптации, механизмов сертификации и признания квалификаций.

Особое значение в этом процессе приобретает государственно-частное и международное партнерство, где важнейшую роль играют международные организации, образовательные учреждения, легальные агентства по трудоустройству и сами мигранты как субъекты транснационального опыта. Объединение усилий всех заинтересованных сторон становится залогом не только успешной интеграции трудовых мигрантов, но и повышения репутации Кыргызстана как ответственного и надежного партнера в международной системе распределения трудовых ресурсов.

Одной из ключевых особенностей этого перехода является смещение акцента с количественного выезда на качество занятости и легальность пребывания. Все большую роль играют параметры:

- уровень формализации трудовых отношений;
- наличие социальной и правовой защиты;
- признание квалификаций;
- языковая и профессиональная подготовка;
- возможности профессионального роста;
- стабильность и безопасность в принимающей стране.

Кыргызстан демонстрирует постепенный уход от модели вынужденной миграции к модели компетентностной трудовой мобильности, основанной на участии в международных программах (EPS, TITP, SSW и др.) и формировании системы сопровождения мигрантов[16].

Конкретные элементы формирования новой архитектуры:

1. На современном этапе формируется профилированный подход к внешней миграции, где разные страны ориентированы на конкретные виды трудовых ресурсов, к примеру:

- Южная Корея – технический персонал, производственные рабочие, сборка, логистика;
- Япония – сфера обслуживание, сельское хозяйство, переработка;
- Германия и Чехия – сферы обслуживания, инженерии, производства;
- ОАЭ – в основном сфера услуг;
- Польша и Венгрия – сезонные работы, сельское хозяйство, склады.

Это требует от кыргызской стороны персонифицированной подготовки кандидатов, ориентированной на специфику приемных стран.

2. На практике начинают внедряться элементы полного миграционного цикла:

- предвыездная подготовка;
- тестирование (языковое, профессиональное);
- документальное оформление;
- поддержка за рубежом (через посольства, консульства, ресурсные центры);
- подготовка к возвращению и реинтеграции.

Центры по трудоустройству в Бишкеке и Оше[17] начали реализацию этой модели,

16 Минтруд Кыргызской республики: справедливый переход с новыми приоритетами. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/04/mintrud-kyrgyzskoj-respubliki-spravedlivyj-perehod-s-novymi-prioritetami/.

17 В Оше появился Центр трудоустройства за рубежом по южному региону. URL: https://24.kg/obschestvo/1840_v_oshe_poyavilsya_tsentr_trudoustroystva_za_rubejom_po_yujnomu_regionu/.

но их охват пока недостаточен. Необходима национальная система управления миграцией, с единой цифровой платформой, реестром посредников и сервисов, профессиональными школами и консультационными структурами.

3. Новая архитектура невозможна без перехода к цифровому управлению миграцией. Элементы этого процесса включают:

- онлайн-регистрацию кандидатов на выезд;
- электронные базы вакансий;
- цифровые экзамены;
- верификацию документов;
- контроль за деятельностью посредников;
- правовую консультацию в онлайн-режиме.

Цифровизация позволяет исключить посредников, повысить доступ к информации и создать прозрачную и безопасную систему миграционного сервиса.

4. Современные программы (например, по уходу за пожилыми в Турции, Германии, в целом по Европе) способствуют увеличению доли женщин среди трудовых мигрантов. Женщины становятся активными участниками транснационального рынка труда, что требует:

- дополнительных мер правовой защиты;
- программ по предотвращению эксплуатации;
- гендерно ориентированных курсов подготовки и адаптации.

5. Миграция рассматривается не только как социальное явление, но и как часть внешнеэкономического потенциала страны: объемы денежных переводов, трансфер компетенций, развитие бизнес-связей с диаспорами, образовательные и профессиональные мосты между Кыргызстаном и странами приема.

В ответ на трансформацию глобального рынка труда и изменение географии миграционных потоков Кыргызская Республика начала формировать новую архитектуру внешней трудовой миграции, основанную на принципах многонаправленности, институциональной устойчивости и защищенности мигрантов. Ниже, в таблице 1, представлены ключевые компоненты данной архитектуры, охватывающие географические, институциональные, цифровые и социальные аспекты государственной миграционной политики.

Данная таблица 1 отражает системный подход к реформированию миграционной политики, направленный на институционализацию внешней трудовой мобильности, повышение квалификации кадров, защиту прав мигрантов за рубежом, цифровизацию процессов и развитие международного сотрудничества. Особое внимание уделяется созданию устойчивой инфраструктуры миграционной подготовки, расширению программ квалифицированной миграции и внедрению гендерно-чувствительных механизмов поддержки.

Таким образом, на фоне изменяющегося международного контекста и внутренних реформ Кыргызская Республика стоит перед задачей институционализации новой модели внешней трудовой миграции – многовекторной, ориентированной на качество, легальность и защищенность.

Таблица 1. Ключевые элементы новой архитектуры внешней трудовой миграции Кыргызской Республики
Table 1. Key Elements of the New Architecture of External Labor Migration of the Kyrgyz Republic

Компонент	Содержание / реализация	Ответственные институты
Географическая диверсификация	Южная Корея, Япония, Германия, Турция, ОАЭ, страны Восточной Европы	Минтруда КР, МИД, Посольства и Консульства
Сегментация по секторам	Уход, логистика, строительство, медицина, цифровые услуги, сельское хозяйство	Минобразования, Минтруда, агентства-посредники
Центры подготовки мигрантов	Бишкек, Ош, планируется расширение. Языковая, правовая, профессиональная подготовка	Минтруда КР, ПРООН, ICMPD, JICA
Программы квалифицированной миграции	EPS (Корея), TITP / SSW (Япония), Blue Card (ЕС), соглашения с ОАЭ, Израилем	Минтруда КР, ICMPD, МОМ
Цифровизация услуг	Реестр агентств, база вакансий, онлайн-платформа, электронные услуги	Минтруда КР, ЦСМС, ПРООН
Поддержка за рубежом	Консульские отделы, Ресурсные центры в Оше и планируемый в Бишкеке	МИД, Минтруда, ICMPD
Реинтеграционные меры	Курсы, программы переквалификации, доступ к микрофинансированию, реестры возвращенцев	Минэкономики, Минтруда, бизнес-ассоциации
Международное партнерство	ПРООН, МОМ, МОТ, JICA, ICMPD, Будапештский / Пражский процессы, БОМКА	Минтруда, МИД, проектные офисы
Гендерные программы поддержки	Адаптация женщин-мигрантов, противодействие насилию, информирование о правах	Минсоцзащиты, НПО, международные организации

Источник: составлено на основе анализа используемой литературы
Source: compiled on the basis of an analysis of the literature used

Это стратегическое направление должно стать частью общей системы социально-экономического развития страны и инструментом повышения ее устойчивости в глобальной среде.

Реинтеграция возвращающихся мигрантов в условиях меняющегося рынка труда Кыргызстана

В последние годы в Кыргызской Республике усиливается тенденция возвращения трудовых мигрантов на родину, обусловленная как внутренними, так и внешними факторами. Изменения в экономической ситуации в странах основного трудового назначения, корректировка миграционных режимов, влияние санкционной политики, нестабильность валютных курсов, а также пандемия COVID-19 и ее отложенные социально-экономические последствия стали значимыми драйверами обратной миграции.

Возвращение мигрантов требует от государства и общества выработки эффективной политики реинтеграции, адаптированной к реальным условиям

национального рынка труда, который сам по себе претерпевает трансформации, связанные с цифровизацией, изменением структуры занятости, ростом неформального сектора и недостаточной диверсификацией экономики[18].

Структура и особенности возвращающихся мигрантов

В условиях нарастающей глобальной нестабильности, экономических и геополитических сдвигов в странах основного приема мигрантов Кыргызская Республика столкнулась с увеличением масштабов возвратной миграции. Согласно совместному исследованию Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики и Международной организации по миграции (МОМ), в 2023 г. количество граждан, вернувшихся из трудовой миграции, возросло на 85% по сравнению с 2022 г. Основной объем возвращенцев приходится на Ошскую, Чуйскую и Баткенскую области, что отражает общую географию исходной миграции населения республики (Министерство труда КР и МОМ, 2024[19]).

Анализ миграционной динамики, проведенный с использованием инструмента «Матрица отслеживания мобильности» (DTM), свидетельствует о сложной структуре возвращающихся мигрантов. Основную часть составляют мужчины в возрасте от 25 до 45 лет, ранее занятые в сферах строительства, логистики, торговли, сельского хозяйства и бытовых услуг. Женщины-мигранты, напротив, чаще всего возвращаются из сфер неформального ухода, ресторанного бизнеса и сферы обслуживания, где доминирует теневая занятость и ограниченные трудовые гарантии[20] [3].

Социально-демографические и поведенческие характеристики возвращающихся демонстрируют дифференцированную мотивацию. Среди причин возвращения преобладают завершение трудовых контрактов, семейные обстоятельства, ухудшение условий проживания и труда за рубежом, в том числе рост правовых и политических рисков, особенно в Российской Федерации. При этом наблюдается устойчивая тенденция к снижению доли тех, кто намерен повторно уехать за рубеж: если ранее такой настрой демонстрировало большинство мигрантов, то к 2024 г. показатель снизился вдвое, и около 16% опрошенных заявили, что не определились с дальнейшими планами (МОМ, 2024[21]).

Возврат мигрантов сопровождается комплексом вызовов, связанных с экономической реинтеграцией, трудоустройством и социальной адаптацией. Правительство Кыргызской Республики реализует ряд программ, направленных на поддержку возвращенцев: от предоставления краткосрочного профессионального обучения и консультационных услуг до развития предпринимательских инициатив в рамках проектов, таких как «Мекеним 1+1». Однако, несмотря на институциональные усилия, остается значительная доля возвращенцев, испытывающих трудности с трудоустройством и доступом к государственным услугам в регионах с высоким уровнем социальной уязвимости[22].

Таким образом, возвращающиеся мигранты представляют собой важный социально-экономический и демографический ресурс для страны, требующий системного подхода в рамках государственной миграционной политики. Совмещение усилий национальных институтов и международных организаций, таких как МОМ, позволяет не только отслеживать миграционные потоки, но и формировать устойчивые механизмы их управления на основе доказательной аналитики. После возвращения на родину мигранты сталкиваются с необходимостью заново адаптироваться к условиям внутреннего рынка труда. Исследования и статистика Министерства труда, социального обеспечения и миграции КР (2024) свидетельствуют, что основными секторами, в которые возвращающиеся мигранты стремятся трудоустроиться, являются:

Строительство. Этот сектор является одним из наиболее динамично развивающихся в Кыргызстане. Рост объемов жилищного и инфраструктурного строительства, особенно в Бишкеке и регионах с высокой миграционной активностью (Ошская, Чуйская и Иссык-Кульская области), обусловливает высокий спрос на рабочую силу. Возвращающиеся мигранты, обладающие практическими навыками в сфере монтажа, отделки, сантехники, электромонтажа и бетонных работ, достаточно успешно интегрируются в этот сегмент.

Промышленность и мелкое производство. На фоне попыток промышленной модернизации и поддержки малого производственного бизнеса наблюдается тенденция включения мигрантов в сферы швейного производства, металлообработки, деревообработки и пищевой промышленности. Особенно это характерно для южных регионов, где развиваются семейные и кооперативные предприятия.

Сфера услуг. Востребованность мигрантов отмечается и в таких отраслях, как логистика, автосервис, общественное питание и розничная торговля. Здесь преимущество получают мигранты, обладающие навыками коммуникации, клиентского сервиса и опытом в неформальной экономике стран пребывания.

Частный сектор и индивидуальное предпринимательство. Возвращающиеся мигранты, особенно те, кто накопил определенный стартовый капитал, часто ориентируются на открытие малых бизнесов: ремонтных мастерских, розничных точек, мини-кафе, аграрных хозяйств. В рамках государственных и международных программ поддержки реинтеграции мигрантов (МОМ, ПРООН, ПРООН / МТЗМ)

18 Реинтеграция вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/stories/reintegraciya-vernuvshikhsya-migrantov.

19 Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики и Международная организация по миграции (МОМ) представили результаты оценки миграционных тенденций. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2024/10/15/ministerstvo-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-kyrgyzskoj-respubliki-i-mezhdunarodnaya-organizacziya-po-migraczii-mom-predstavili-rezultaty-oczenki-migraczionnyh-tendenczij/?utm_source=chatgpt.com.

20 Содействие системе сбора статистических данных по миграции в Кыргызской Республики через Матрицу отслеживания мобильности. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/news/sodeystvie-sisteme-sbora-statisticheskikh-dannykh-po-migracii-v-kyrgyzskoy-respubliki-cherez-matricu-otslezhivaniya-mobilnosti?utm_source=chatgpt.com.

21 Там же.

22 Руководство по реинтеграции вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2024-01/appendix-1.-reintegration-handbook-rus_version2.pdf.

предоставляются микрокредиты и гранты, однако их масштаб пока недостаточен для охвата всех нуждающихся [8; 9].

Однако многие из них не имеют формального образования или квалификаций, признанных внутри страны, что затрудняет их интеграцию в официальный сектор занятости.

Особо уязвимыми группами среди возвращающихся мигрантов являются:

- женщины, утратившие работу в сфере ухода и услуг;
- пожилые мигранты, потерявшие работоспособность;
- молодежь, не имевшая устойчивого трудового стажа;
- мигранты с детьми, испытывающие потребность в социальных услугах.

Механизмы государственной поддержки: льготное кредитование возвращающихся мигрантов

Одним из приоритетных направлений государственной политики по содействию трудовой реинтеграции мигрантов в Кыргызской Республике становится развитие механизмов льготного финансирования для запуска и поддержки предпринимательской деятельности. В 2024 г. правительство Кыргызской Республики инициировало программы, направленные на предоставление льготных кредитов для возвращающихся мигрантов, что позволяет им использовать приобретенные за рубежом ресурсы, навыки и деловой опыт для создания собственного бизнеса на родине[23].

Согласно данным, опубликованным в СМИ (Kaktus.media, 2024[24]), государственные органы при поддержке международных организаций разрабатывают финансовые инструменты, ориентированные на предоставление доступного кредитования для бывших трудовых мигрантов. Кредиты предполагается выдавать на развитие микробизнеса и семейного предпринимательства в таких секторах, как:

- строительство и ремонтно-строительные услуги;
- сельское хозяйство и агропереработка;
- сфера услуг (торговля, бытовое обслуживание, общественное питание);
- ремесленное и мелкосерийное производство.

Особое внимание уделяется регионам с высоким уровнем обратной миграции (в частности, Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская области), где экономические возможности ограничены, а мигрантские переводы традиционно играли важную роль в обеспечении местных хозяйств.

Поддержка бизнес-инициатив мигрантов представляет собой механизм двойного воздействия: с одной стороны, она способствует снижению уровня безработицы среди возвращающихся мигрантов, с другой – активизирует развитие местных рынков труда и предпринимательской активности. Таким образом, политика льготного кредитования формирует устойчивую основу для инклюзивного экономического роста, особенно в сельской и полупериферийной зоне.

Возврат мигрантов действительно сопряжен с множеством вызовов, связанных с экономической реинтеграцией, трудоустройством и социальной адаптацией. В Кыргызской Республике правительство реализует комплекс мер поддержки возвращенцев. Среди них – социальные контракты с грантовой поддержкой предпринимательства (до 100 тыс. сомов), обучение финансовой грамотности и профессиональная переподготовка по более чем 125 профессиям в 99 учебных заведениях по всей стране, нацеленные на 15 000 участников, включая женщин-мигранток[25].

Ключевой инициативой является пилотная программа «Мекеним 1+1», разработанная при участии МОМ и национальных органов власти. В рамках этой программы государство предоставляет льготный кредит, который возвращающийся мигрант удваивает собственными средствами и направляет на реализацию бизнес-идей в сферах легкой промышленности, туризма, образования, IT, логистики, переработки и т.д. Программа осуществляется в три фазы (сентябрь 2022 г. – март 2026 г.), запущена в Баткенской области и уже поддержала 48 предпринимательских инициатив мигрантов (21 проект на сумму около 7,7 млн сомов в первых двух фазах и 27 проектов на базе третьей фазы стоимостью порядка 8 млн сомов[26]).

Несмотря на институциональную активность, значительная доля возвращенных мигрантов сталкивается с трудностями доступа к трудоустройству, государственным услугам, жилью, профессиональной подготовке и правовой защите. Эти проблемы особенно выражены в регионах с высоким уровнем социальной уязвимости, где отсутствует устойчивая инфраструктура поддержки: адаптация и реинтеграция требует системного подхода и постоянной координации между государством, международными и общественными организациями[27].

На государственном уровне предпринимаются меры, направленные на стимулирование занятости граждан КР в строительных проектах, включая тех, кто вернулся из трудовой миграции. В частности, в июле 2025 г. председатель Государственного комитета национальной безопасности КР К.К.Ташиев посетил многоэтажные дома, строящиеся по государственной программе Ноокенского района, рекомендовал подрядным организациям при реализации государственных строительных программ отдавать предпочтение найму местных специалистов,

23 Возвращающимся мигрантам готовы предоставить льготные кредиты на развитие бизнеса. URL: https://kaktus.media/doc/528279_vozvrashaushimsia_migrantam_gotovy_predostavit_lgotnye_kredity_na_razvitie_biznesa.html.

24 Там же.

25 Минтруда разрабатывает программы поддержки возвращающимся из трудовой миграции кыргызстанцам «Вопросы реинтеграции женщин-мигрантов через систему образования в Кыргызстане». URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2023/02/27/mintruda-razrabatyvaet-programmy-podderzhki-vozvrashhayushhimsya-iz-trudovoj-migraczii-kyrgyzstanczam-ob-etom-skazala-zamestitel-ministra-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-nurdoolot-bazarb/.

26 В Минтруда рассказали о программе «Мекеним 1+1» для поддержки трудовых мигрантов. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/24/v-mintruda-rasskazali-o-programme-mekenim-1-1-dlya-podderzhki-trudovyh-migrantov/?utm_source=chatgpt.com.

27 Реинтеграция. Важность социальной поддержки возвращающихся мигрантов. URL: https://ru.archive.kabar.kg/news/reintegratciia-vazhnost-sotcial-noi-podderzhki-vozvrashchaiushchikhsia-migrantov.

даже в случае их более высокой стоимости или меньшей скорости работы. Такой подход подчеркивает социальную значимость занятости кыргызстанцев и служит инструментом прямой поддержки возвращающихся мигрантов, обладающих соответствующим опытом, приобретенным за рубежом[28].

Следует отметить, что сектор строительства остается одним из наиболее доступных для мигрантов, не имеющих формального образования, но обладающих практическими навыками. Возвращающиеся трудовые мигранты находят трудоустройство в сферах бетонных, отделочных, кровельных и монтажных работ, а также в сегменте индивидуального жилищного строительства, особенно в южных регионах страны.

Ориентация государственной политики на использование национальных трудовых ресурсов в строительстве способствует как экономической реинтеграции мигрантов, так и укреплению внутреннего рынка труда, снижая зависимость от иностранной рабочей силы и повышая уровень социальной устойчивости.

Вместе с тем эффективность данной меры будет зависеть от:

- прозрачности процедур отбора получателей кредитов;
- доступности информации для целевых групп;
- сопровождения бизнеса консультационными и обучающими мерами;
- возможности интеграции этих мер с программами профессиональной переподготовки и цифровизации экономики.

Таким образом, расширение доступа возвращающихся мигрантов к льготным кредитным ресурсам может стать одним из ключевых инструментов реинтеграционной политики, особенно при условии ее сопряжения с институциональной поддержкой и созданием благоприятного бизнес-климата.

С учетом анализа структуры возвращающихся мигрантов, их профессиональных навыков, региональной специфики и существующих механизмов поддержки, представляется целесообразным визуализировать основные направления реинтеграции в виде Таблицы 2. Это позволяет наглядно отразить взаимосвязь между социально-демографическими характеристиками мигрантов, секторами трудоустройства и инструментами государственной и международной поддержки.

Таблица 2 демонстрирует основные направления реинтеграции возвращающихся мигрантов в Кыргызской Республике с учетом их социально-демографических характеристик, профессионального опыта и региональной специфики.

Возвращающиеся мигранты вовлечены в разные сегменты экономики: трудовую занятость в строительстве, производство и мелкую промышленность, сферу услуг, а также индивидуальное предпринимательство. Государственные и международные программы поддержки, включая льготные кредиты, гранты, социальные контракты и профессиональную переподготовку, направлены на облегчение их интеграции и развитие собственных бизнес-инициатив.

Региональная специфика показывает концентрацию возвратной миграции в южных и центральных областях страны, где экономические возможности ограничены, а потребность в трудовой силе высока. Основные вызовы, с которыми сталкиваются возвращающиеся мигранты, включают недостаток формального образования и признанных квалификаций, ограниченный доступ к государственным услугам, финансовым ресурсам и инфраструктуре поддержки.

Таблица 2. Реинтеграция возвращающихся мигрантов в Кыргызской Республике
Table 2. Reintegration of Returning Migrants in the Kyrgyz Republic

Направление реинтеграции	Основные группы мигрантов	Секторы трудоустройства / виды деятельности	Механизмы поддержки / программы	Региональная специфика	Основные вызовы
Трудовая занятость	Мужчины 25–45 лет	Строительство, монтаж, отделка, сантехника, электромонтаж, бетонные работы	Прямое трудоустройство, участие в гос. строительных программах	Ошская, Чуйская, Иссык-Кульская области	Отсутствие формального образования, высокая конкуренция, региональные ограничения
Производственный сектор	Мужчины и женщины	Швейное производство, металлообработка, деревообработка, пищевая промышленность	Микрокредиты, гранты, программы поддержки малого бизнеса	Южные регионы	Низкий уровень профессиональной подготовки, недостаток стартового капитала
Сфера услуг	Женщины и мужчины	Логистика, автосервис, торговля, общественное питание, бытовое обслуживание	Профессиональная переподготовка, консультационные услуги	Ошская, Чуйская, Баткенская области	Теневая занятость, низкие трудовые гарантии
Предпринимательство	Возвращавшиеся мигранты с накопленным капиталом	Малый бизнес: мастерские, мини-кафе, аграрные хозяйства, сервисные услуги	Льготные кредиты («Меценим 1+1», микрокредиты МОМ / ПРООН), гранты, консультации	Регионы с высокой обратной миграцией	Доступ к финансированию, обучение финансовой грамотности, бизнес-сопровождение
Уязвимые группы	Женщины, пожилые, молодежь, мигранты с детьми	Разные сектора, в зависимости от навыков	Социальные контракты, гранты до 100 тыс. сомов, обучение и переподготовка	Вся страна, акцент на регионы с высокой уязвимостью	Ограниченный доступ к гос. услугам, жилью, правовой поддержке, недостаток инфраструктуры

Источник: составлено на основе анализа использованной литературы
Source: compiled on the basis of an analysis of the literature used

28 «Пусть даже они медленнее и дороже». Ташиев рекомендовал нанимать местных строителей. URL: https://kaktus.media/doc/528200_pyst_daje_oni_medlennee_i_doroje._tashiev_rekomendoval_nanimat_mestnyh_stroiteley.html.

Обсуждение

Современные миграционные процессы в Кыргызской Республике отражают не только социально-экономическую специфику страны, но и динамику глобальных трансформаций, затрагивающих рынок труда, структуру международных связей и характер человеческой мобильности. Анализ представленных данных позволяет утверждать, что внешняя трудовая миграция для Кыргызстана продолжает оставаться одним из ключевых факторов социально-экономического развития, но одновременно и источником структурных вызовов, требующих комплексного институционального ответа.

В контексте перехода к многовекторной миграционной стратегии особое значение приобретают процессы диверсификации направлений трудовой миграции и расширения географии международного сотрудничества. В отличие от предыдущих этапов, когда миграционные потоки были преимущественно сосредоточены в странах СНГ, современная миграционная политика Кыргызстана все более ориентируется на новые азиатские, европейские и ближневосточные рынки труда[29]. Этот сдвиг имеет не только экономическое, но и политическое значение, поскольку способствует укреплению международных позиций страны, снижению зависимости от отдельных направлений и созданию более устойчивой модели трудовой мобильности.

Одним из ключевых аспектов обсуждения является вопрос реинтеграции возвращающихся мигрантов, который в последние годы приобретает особую актуальность. Масштабное возвращение трудовых мигрантов, зафиксированное Министерством труда и Международной организацией по миграции в 2023–2024 гг., стало следствием как внешних факторов (изменение экономической конъюнктуры и миграционных режимов стран приема), так и внутренних условий, включая стремление к экономической самореализации и рост патриотических установок[30]. Однако возвратная миграция выявила ряд системных проблем: ограниченность механизмов трудоустройства, несоответствие квалификаций требованиям внутреннего рынка, недостаточную институциональную готовность регионов к приему и адаптации мигрантов.

29 Кыргызстан укрепляет сотрудничество с ICMPD для совершенствования миграционной политики – министр Сабиров. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/06/11/kyrgyzstan-ukreplyaet-sotrudnichestvo-s-icmpd-dlya-sovershenstvovaniya-migracziionnoj-politiki-ministr-sabirov/; Улучшение управления миграцией и защиты мигрантов на отдельных Шелковых путях и в странах Центральной Азии. URL: https://www.icmpd.org/news/protect-project-improving-migration-management-in-selected-silk-routes-and-central-asian-countries-launches-in-osh-kyrgyzstan?utm.

30 Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики и Международная организация по миграции (МОМ) представили результаты оценки миграционных тенденций. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2024/10/15/ministerstvo-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-kyrgyzskoj-respubliki-i-mezhdunarodnaya-organizacziya-po-migraczii-mom-predstavili-rezultaty-oczenki-migraczionnyh-tendenczij/?utm_source=chatgpt.com; Содействие системе сбора статистических данных по миграции в Кыргызской Республике через Матрицу отслеживания мобильности. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/news/sodeystvie-sisteme-sbora-statisticheskikh-dannykh-po-migracii-v-kyrgyzskoy-respubliki-cherez-matricu-otslezhivaniya-mobilnosti?utm_source=chatgpt.com.

Реинтеграция в данном контексте представляет собой не только социальный, но и экономический процесс, предполагающий вовлечение возвращающихся граждан в производственные, предпринимательские и инновационные сектора национальной экономики. Реализуемые в Кыргызстане программы льготного кредитования и поддержки микробизнеса, включая инициативу «Мекеним 1+1», демонстрируют позитивные результаты в части стимулирования занятости, однако их масштаб остается ограниченным[31]. Для формирования устойчивой системы реинтеграции необходима институционализация комплексных механизмов сопровождения мигрантов, включающая профессиональную переподготовку, признание квалификаций, доступ к микрофинансированию и консультационным услугам.

Важной составляющей обсуждения является цифровизация миграционного управления, которая становится стратегическим направлением государственной политики. Создание электронных реестров агентств, баз вакансий, онлайн-платформ для регистрации мигрантов и их консультирования[32] способствует повышению прозрачности, снижению уровня посредничества и обеспечению защиты прав граждан. Цифровая инфраструктура, реализуемая при поддержке ПРООН и ICMPD, может стать основой для перехода к модели «управляемой мобильности», где процессы отбора, сопровождения и возвращения мигрантов интегрированы в единую систему [5; 6].

Особого внимания заслуживает гендерное измерение трудовой миграции. Рост доли женщин среди трудовых мигрантов, особенно в секторах ухода, образования и сервиса, требует разработки специализированных программ защиты и адаптации. Международный опыт показывает, что интеграция гендерно-чувствительных подходов в миграционную политику способствует не только повышению социальной устойчивости, но и укреплению семейных и экономических основ общества[33].

Дискуссионным остается вопрос эффективности институциональной координации между государственными структурами и международными

31 Возвращающимся мигрантам готовы предоставить льготные кредиты на развитие бизнеса. URL: https://kaktus.media/doc/528279_vozvrashaushimsia_migrantam_gotovy_predostavit_lgotnye_kredity_na_razvitie_biznesa.html; В Минтруда рассказали о программе «Мекеним 1+1» для поддержки трудовых мигрантов. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/24/v-mintruda-rasskazali-o-programme-mekenim-1-1-dlya-podderzhki-trudovyh-migrantov/?utm_source=chatgpt.com.

32 Минтруд Кыргызской республики: справедливый переход с новыми приоритетами. URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/07/04/mintrud-kyrgyzskoj-respubliki-spravedlivyj-perehod-s-novymi-prioritetami/; Улучшение управления миграцией и защиты мигрантов на отдельных Шелковых путях и в странах Центральной Азии. URL: https://www.icmpd.org/news/protect-project-improving-migration-management-in-selected-silk-routes-and-central-asian-countries-launches-in-osh-kyrgyzstan?utm.

33 Минтруда разрабатывает программы поддержки возвращающимся из трудовой миграции кыргызстанцам «Вопросы реинтеграции женщин-мигрантов через систему образования в Кыргызстане». URL: https://mlsp.gov.kg/ru/2023/02/27/mintruda-razrabatyvaet-programmy-podderzhki-vozvrashhayushhimsya-iz-trudovoj-migraczii-kyrgyzstanczam-ob-etom-skazala-zamestitel-ministra-truda-soczialnogo-obespecheniya-i-migraczii-nurdoolot-bazarb/; Реинтеграция. Важность социальной поддержки возвращающихся мигрантов. URL: https://ru.archive.kabar.kg/news/reintegratciia-vazhnost-sotcial-noi-podderzhki-vozvrashchaiushchikhsia-migrantov.

партнерами. С одной стороны, наблюдается активное развитие сотрудничества с ключевыми организациями (МОМ, МОТ, ICMPD, ПРООН, JICA), что создает условия для обмена опытом, стандартизации процедур и привлечения внешней экспертизы. С другой стороны, на национальном уровне сохраняются проблемы фрагментарности управления, недостаточной интеграции данных, отсутствия единой платформы мониторинга и оценки эффективности программ. В этой связи актуализируется необходимость укрепления межведомственной координации и повышения роли Министерства труда, социального обеспечения и миграции КР как центрального института миграционного управления[34] [5; 6].

Наряду с институциональными аспектами важно отметить социально-психологическую составляющую реинтеграции. Возвращающиеся мигранты нередко сталкиваются с трудностями адаптации к внутренним условиям, утратой социальных связей, разочарованием в возможностях внутреннего рынка труда. Эти факторы требуют развития систем психологической и социальной поддержки, особенно в регионах с высокой долей возвратной миграции, таких как Ошская, Баткенская и Джалал-Абадская области[35].

Рассмотренные результаты и аналитические выводы свидетельствуют о том, что новая архитектура внешней трудовой миграции Кыргызской Республики формируется как институционально устойчивая и стратегически многовекторная модель, интегрирующая механизмы международного сотрудничества, цифровизации, гендерного равенства и социальной инклюзии. Вместе с тем остается потребность в дальнейшей научной проработке вопросов оценки эффективности реинтеграционных программ, формирования системы показателей мониторинга и разработки национальной стратегии возвратной миграции, адаптированной к долгосрочным целям социально-экономического развития страны.

В целом обсуждение показывает, что внешняя трудовая миграция из категории вынужденной экономической стратегии постепенно переходит в разряд осознанного и регулируемого процесса, а возвращающиеся мигранты становятся значимым драйвером внутреннего развития. Успех реализации новой архитектуры миграционной политики во многом будет зависеть от того, насколько государство сумеет обеспечить системность, прозрачность и социальную направленность миграционного управления в условиях глобальной нестабильности и структурных изменений на рынке труда.

34 Встреча с Президентом фонда «IM Japan»: расширение возможностей трудоустройства граждан Кыргызстана в Японию. URL: https://migrant.kg/ru/about/news/vstrecha-s-prezidentom-fonda-im-japan-rasshirenie-vozmozhnostei-trudoustroistva-grazhdan-kyrgyzstana-v-iaponii/; В Оше появился Центр трудоустройства за рубежом по южному региону. URL: https://24.kg/obschestvo/1840_v_oshe_poyavilsya_tsentr_trudoustroystva_za_rubejom_po_yujnomu_regionu/.

35 Руководство по реинтеграции вернувшихся мигрантов. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2024-01/appendix-1.-reintegration-handbook-rus_version2.pdf; «Пусть даже они медленнее и дороже». Ташиев рекомендовал нанимать местных строителей. URL: https://kaktus.media/doc/528200_pyst_daje_oni_medlennee_i_doroje._tashiev_rekomendoval_nanimat_mestnyh_stroiteley.html.

Выводы

Анализ современной внешней трудовой миграции граждан Кыргызской Республики показывает, что страна вступает в новую фазу многовекторной миграционной стратегии, ориентированной на диверсификацию направлений трудовой миграции, снижение зависимости от отдельных рынков труда и повышение социальной устойчивости. В условиях глобальных экономических и геополитических трансформаций ключевыми драйверами обратной миграции становятся нестабильность валютных курсов, изменения миграционного законодательства стран назначения, санкционное давление и т.д.

Возвращающиеся мигранты представляют собой значимый социально-экономический ресурс, который требует системного подхода к реинтеграции. Эффективная политика реинтеграции должна учитывать профессиональные навыки мигрантов, их социально-демографические характеристики и региональные особенности внутреннего рынка труда. Государственные и международные инициативы, включая льготное кредитование, гранты, социальные контракты и программы профессиональной переподготовки, создают условия для успешного включения мигрантов в экономическую жизнь страны и стимулируют развитие местного предпринимательства.

Особое значение приобретает институциональная координация на национальном и международном уровнях, позволяющая отслеживать миграционные потоки, прогнозировать потребности рынка труда и формировать механизмы поддержки мигрантов, обеспечивающие их устойчивую социальную и экономическую адаптацию.

Таким образом, новая архитектура внешней трудовой миграции в Кыргызской Республике сочетает многовекторную внешнюю стратегию с активной государственной политикой реинтеграции, направленной на эффективное использование человеческого капитала, снижение социально-экономических рисков и укрепление внутреннего рынка труда. Реализация данной стратегии способствует не только адаптации мигрантов, но и комплексному развитию экономики страны, повышению социальной устойчивости и интеграции в международные трудовые и экономические процессы.

Список литературы

1. Нуралиев Н.А. Политические аспекты и особенности миграционных процессов в Кыргызской Республике: современные тенденции и вызовы [Political Aspects and Features of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Modern Trends and Challenges] // Россия и мир: научный диалог. 2025 № 3(17). С. 238–257. https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-238-257.
2. Budapest Process. Migration Data and Policy Coordination in Central Asia: Regional Report. Vienna: ICMPD, 2024. 58 p.
3. Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J. Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: a Qualitative Study // Journal of International Migration and Integration. 2020. № 22(3). P. 907–928. https://doi.org/10.1007/s12134-020-00781-2.

4. Ergeshbaev, U.Zh. Contemporary Trends in External Labor Migration of the Population of Kyrgyzstan // Economy: Scientific Journal of Osh State University. 2024. № 2. P. 55–67.
5. ICMPD. Migration Outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2024. 76 p.
6. ICMPD. PROTECT Project: Improving Migration Management in Central Asia. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2023. 40 p.
7. International Organization for Migration (IOM). Migration Situation Report: Returned Migrants and Reintegration in the Kyrgyz Republic, 2024. Bishkek: IOM Kyrgyzstan, 2024. 60 p.
8. International Organization for Migration (IOM). Return and Reintegration – Key Highlights 2023. Geneva: IOM Publications, 2023. 48 p.
9. IOM & UNDP. Reintegration Handbook for Central Asia: Supporting Returned Migrants' Economic and Social Adaptation. Bishkek: UNDP Kyrgyzstan, 2024. 92 p.
10. World Bank & ILO. Jobs, Skills and Migration in Central Asia: Country Case of the Kyrgyz Republic. Washington, DC / Geneva: World Bank – ILO Joint Report, 2022. 84 p.
11. World Bank. Safe and Productive Migration from the Kyrgyz Republic: Policy Note. Washington, DC: The World Bank, 2023. 52 p.

Информация об авторах

ШАБОЛОТОВ Тажимамат Тайгараевич. Доктор политических наук. Профессор. Заведующий отделом «Политологических исследований и экспертиз» Института государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики. Адрес: Кыргызская Республика, 720071, г. Бишкек, проспект Чуй, 265а. shatt05@mail.ru

НУРАЛИЕВ Нурлан Акимбекович. Кандидат политических наук. Докторант Института государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики. И.о. доцента кафедры «Востоковедения» Международного университета Кыргызстана. https://orcid.org/0009-0003-5749-8508. Адрес: Кыргызская Республика, 720071, г. Бишкек, проспект Чуй, 265а. erkinbek-68@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 октября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Nuraliev N.N. Political Aspects and Features of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Modern Trends and Challenges. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2025; 3(17):238–257 [In Russian]. https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-238-257.
2. Budapest Process. Migration Data and Policy Coordination in Central Asia: Regional Report. Vienna: ICMPD, 2024. 58 p. [In English].

3. Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J. Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: a Qualitative Study. Journal of International Migration and Integration. 2020; 22(3):907–928 [In English]. https://doi.org/10.1007/s12134-020-00781-2.
4. Ergeshbaev, U.Zh. Contemporary Trends in External Labor Migration of the Population of Kyrgyzstan, Economy: Scientific Journal of Osh State University. 2024; 2:55–67 [In English].
5. ICMPD. Migration Outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2024. 76 p. [In English].
6. ICMPD. PROTECT Project: Improving Migration Management in Central Asia. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2023. 40 p. [In English].
7. International Organization for Migration (IOM). Migration Situation Report: Returned Migrants and Reintegration in the Kyrgyz Republic, 2024. Bishkek: IOM Kyrgyzstan, 2024. 60 p. [In English].
8. International Organization for Migration (IOM). Return and Reintegration – Key Highlights 2023. Geneva: IOM Publications, 2023. 48 p. [In English].
9. IOM & UNDP. Reintegration Handbook for Central Asia: Supporting Returned Migrants' Economic and Social Adaptation. Bishkek: UNDP Kyrgyzstan, 2024. 92 p. [In English].
10. World Bank & ILO. Jobs, Skills and Migration in Central Asia: Country Case of the Kyrgyz Republic. Washington, DC / Geneva: World Bank – ILO Joint Report, 2022. 84 p. [In English].
11. World Bank. Safe and Productive Migration from the Kyrgyz Republic: Policy Note. Washington, DC: The World Bank, 2023. 52 p. [In English].

About the authors

Tazhimamat T. SHABOLOTOV. DSc. (Polit.). Professor. Head of the Department of "Political Science Research and Expertise" at the Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Address: 265a, Chui Avenue, Bishkek, 720071, Kyrgyz Republic. shatt05@mail.ru

Nurlan A. NURALIEV. CandSc. (Polit.). Doctoral Student at the Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Acting Associate Professor of the Department of Oriental Studies at the International University of Kyrgyzstan. https://orcid.org/0009-0003-5749-8508 Address: 265a, Chui Avenue, Bishkek, 720071, Kyrgyz Republic. erkinbek-68@mail.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: October 14, 2025. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

История международных отношений
и внешней политики

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY

History of International Relations
and Foreign Policy

Со ссылкой на противодействие «российской угрозе» ФРГ ведет активные военные приготовления… фактически сложились условия для полноценного возрождения реванша, осталось только продекларировать.

Белозёров В.К.
Реваншизм в Германии между прошлым и будущим

…Перемещение населения из Центральной Азии в Россию нельзя рассматривать как ситуативное явление последних лет. Речь идет о долговременном процессе, который сложился на пересечении исторической связанности, хозяйственной взаимозависимости и устойчивого спроса на рабочую силу.

Гусаков И.М.
Исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии
в Российскую Федерацию

Некогда доминировавший образ «национальной виктимизации» больше не является основным в риторике КПК о Второй мировой войне.…Новая эра требует нового дискурса, соответствующего нынешним целям и амбициям.

Кожухова К.Е.
Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции

Благодаря их полевым наблюдениям, топографическим данным и этнографическим материалам были заложены основы современной науки о древней географии Центральной Азии, включая важнейший ее пласт – авестийскую географию.

Ходжаева Н.Д.
Вклад русских ученых XIX – начала XX в. в изучение исторической географии
Центральной Азии в доисламский период

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
РОССИЯ И МИР
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научная статья
УДК 327.2
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-148-163

Исторические науки

Реваншизм в Германии между прошлым и будущим

Василий Клавдиевич Белозёров✉

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vk_belozerov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4875-5878

Аннотация. В постсоветский период отечественные исследователи практически утратили интерес к феномену реваншизма, который представляет собой идеологию, теорию и практику подготовки к войне с целью трансформации статус-кво, сложившегося после военного поражения. Тем не менее идеи реванша продолжают оказывать значительное влияние на политическую практику западных государств, что особенно ярко проявляется в условиях современной Германии. Анализ генезиса идеологии и практики реваншизма в Германии демонстрирует, что его корни уходят в идеи патриотизма и национального возрождения. В нацистский период реваншистские настроения получили мощную теоретическую и идеологическую основу благодаря трудам прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица, чьи идеи активно использовались для обоснования и пропаганды военных амбиций нацистского режима. После разгрома нацизма в Западной Германии произошел ренессанс интереса к трудам немецких мыслителей, включая Клаузевица, что было связано в том числе и с критикой политики победителей, направленной на денацификацию, демилитаризацию и пересмотр послевоенного мироустройства. Этот процесс способствовал легитимизации реваншистских настроений и ревизии итогов Второй мировой войны. В настоящее время ФРГ демонстрирует антироссийскую внешнеполитическую стратегию, направленную на укрепление своего военного потенциала и стремление к доминированию в Европе. В общественно-политическом дискурсе страны имеет место тенденция к поощрению русофобии, что создает благоприятные условия для возрождения реваншистских идей и практик. В свете вышеизложенного научное сообщество, институты государства и общества России должны наращивать усилия по предотвращению и разоблачению реваншистских и радикальных идеологий и практик. Такая деятельность требует глубокого анализа и критического осмысления исторических и современных проявлений реваншизма, а также разработки эффективных стратегий противодействия этим феноменам.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2026-0002).

Ключевые слова: реваншизм, военное поражение, Германия, Клаузевиц, предательство, милитаризм, нацизм, денацификация, мироустройство

Для цитирования: Белозёров В.К. Реваншизм в Германии между прошлым и будущим // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 148-163, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-148-163

© Белозёров В.К., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ISSN 2782-3067 (Print)

Original Article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-148-163

Historical Sciences

Revanchism in Germany: Between Past and Future

Vasily K. Belozerov✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vk_belozerov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4875-5878

Abstract. In the post-Soviet period, Russian researchers have practically lost interest in the phenomenon of revanchism, which is the ideology, theory and practice of preparing for war in order to transform the status quo that has developed after a military defeat. Nevertheless, the ideas of revenge continue to have a significant impact on politics of Western states, which is explicitly manifested in contemporary Germany. An Analysis of the genesis of the ideology and practice of revanchism in Germany demonstrates that its roots go back to the ideas of patriotism and national revival. During the Nazi period, revanchist sentiments gained a powerful theoretical and ideological foundation thanks to the writings of the Prussian military theorist Carl von Clausewitz, whose ideas were actively used to justify and promote the military ambitions of the Nazi regime. After the defeat of Nazism there was a renaissance of interest in West Germany to the works of German thinkers, including Clausewitz, which was also connected with criticism of the victors' policies aimed at denazification, demilitarization and revision of the post-war world order. This process contributed to the legitimization of revanchist sentiments and the revision of the results of the Second World War. Nowadays Germany is demonstrating an anti-Russian foreign policy strategy aimed at strengthening its military potential and striving for dominance in Europe. There is a tendency towards encouragement of Russophobia in the socio-political discourse of the country, which creates favorable conditions for the revival of revanchist ideas and practices. Thus, the scientific community and Russian institutes of state and society should put efforts to prevent and expose revanchist tendencies and radical ideologies and practices. This requires a deep analysis and critical reconsideration of historical and modern manifestations of revanchism, as well as the development of effective strategies to oppose these phenomena.

The study was carried out as part of the state-funded research assignment of Moscow State Linguistic University (project No. FSFU-2026-0002).

© Белозёров В.К., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Keywords: revanchism, military defeat, Germany, Clausewitz, betrayal, Nazism, denazification, world order

For citation: Belozerov V.K. Revanchism in Germany: Between Past and Future. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 148-163, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-148-163

Бредовые идеи не погибли вместе с гитлеровской Германией...
Вильям Генрихович Фишер
(Рудольф Абель),
советский разведчик

Введение

Победоносное завершение Второй мировой войны породило у человечества надежды, что с человеконенавистнической идеологией нацизма покончено навсегда. Как показал дальнейший ход событий, этим ожиданиям не суждено было сбыться: идеи нацизма возродились, показав свою живучесть и способность к реваншу. Эта идеология материализовалась и усилилась, получив поддержку игроков, реализующих свои амбиции и стремящихся к мировому господству. Нацизм тесно связан с идеями реванша, и этот гремучий синтез нуждается в постоянном теоретическом осмыслении. Вместе с тем можно констатировать, что внимание научного сообщества к этим явлениям угасло на десятилетия после объединения Германии, крушения Советского Союза, активизации европейской интеграции. Как оказалось, реваншизм получил второе дыхание. В сложившихся условиях актуализируется необходимость понимания его причин, его диагностики, разработки мер противодействия.

Материалы и методы

При подготовке статьи использованы источники, характеризующие идеологическую обстановку описываемых эпох, мемуары, работы признанных исследователей, трактующих прошлое и настоящее в определенном ключе, Стратегия национальной безопасности ФРГ. Для изучения и понимания указанных текстов использована методология конструктивизма и применен, прежде всего, дискурс-анализ, позволяющий выявить содержащиеся в них смыслы, связанные с реваншизмом, а также мотивы их носителей.

Результаты исследования

Понятие и состояние исследований. Под «реваншизмом» (франц. revanchisme, от revanche – «отплата», «возмездие», «месть») понимают идеологию, теорию и практику подготовки к войне с целью изменения «несправедливого» статус-кво после военного поражения [14, с. 261-262]. Такие действия имеют и психологическое измерение, будучи продиктованными стремлением отплатить победителю за поражение и унижение. Идеи и настроения реваншистского толка черпают свою силу в уязвленном национальном самосознании. В рамках политической борьбы заинтересованные силы апеллируют к идеям реваншизма и распространяют их в обществе искусственно и целенаправленно. Для этого конструируется и мифологизируется прошлое нации, задаются рамки его восприятия, навязывается определенная трактовка современного неудовлетворительного состояния страны, идет поиск виновных, обосновывается необходимость изменения сложившегося положения. Одновременно реваншизм предполагает преуменьшение и замалчивание вины за собственные агрессивные действия, вплоть до полного отрицания таковой. Затем могут следовать призывы к подготовке войны под предлогом необходимости возвращения утраченных территорий, установления «правильного» политического положения на международной арене и др. В рамках реваншистской политики широко используется популизм, подводится теоретическая основа, формируются политические концепции для обоснования курса страны на международной арене. Реваншизм становится определяющим фактором общественной жизни и государственной политики в результате работы сил, которые изменение неудовлетворяющего их экономического и социально-политического положения связывают с переходом к агрессии, с наращиванием военной мощи и ее использованием.

Завершенное агрессивное выражение, сопровождающееся теоретическим обоснованием (например, в виде необходимости борьбы за «жизненное пространство»), идеология и практика реваншизма получили в нацистской Германии. В послевоенный период научное сообщество, прежде всего, отечественное, прилагало серьезные усилия, обращая внимание на опасность и живучесть реваншизма, на его поддержку в Германии и других странах [11; 12; 13]. В советский период противодействие реваншизму мыслилось и осуществлялось прежде всего как неотъемлемый компонент бескомпромиссной идеологической борьбы с классовыми противниками, что, однако, не может отрицать значимости и серьезных достижений такого противодействия.

Распад СССР и крушение системы социализма, объединение Германии сопровождались распространением в нашей стране романтических ожиданий нормализации международных отношений. В тех условиях интеллектуальные усилия, направленные на разоблачение реваншизма, незаметно сошли на нет, что так или иначе способствовало его ренессансу. Сегодня интересы противостояния реваншизму и генетически связанным с ним феноменам нацизма и милитаризма

диктуют необходимость его объективной оценки, в том числе понимания истоков – не априори и не заведомо агрессивных, – и выработки на этой основе действенных практических мер.

Генезис идеологии и практики реванша в Германии. Запустило механизм реванша нанесенное Пруссии разгромное и унизительное поражение в 1806 г. в сражениях под Йеной и Ауэрштедтом. С побежденной страной и ее монархом Наполеон не церемонился. Идейная подготовка к начавшемуся в 1813 г. национальному подъему началась много раньше и сопрягалась со стремлением отомстить обидчикам-французам. Поэтому, обращая внимание на то, с чего все началось, историк Томас Ниппердей открывает свой фундаментальный труд о немецкой истории с адресующей к Евангелию от Иоанна констатации: «В начале был Наполеон» («Am Anfang war Napoleon») [29, S. 11]. На долгое время Франция стала основным противником Германии, что диктовало направленность ее внешней политики и военных приготовлений.

Объединение в дальнейшем Германии Пруссией «железом и кровью», впечатляющие победы на полях сражений, победа над Францией в 1871 г. и провозглашение империи произошли во многом благодаря опоре на армию и слаженную интеллектуальную работу генерального штаба. В результате среди немецкой политической и военной элиты на несколько десятилетий утвердилась уверенность в том, что проблемы в международных отношениях можно решать посредством хорошо организованной военной силы [31]. В этих условиях в немецком обществе сложились представления о превосходстве над соседями и о желаемом мироустройстве. Причем в августе 1914 г. и грядущее вооруженное столкновение трактовалось в Германии как третья война за единство рейха [27, S. 233], за достойное место в мире. Характерно, что войны за объединение страны 1864–1871 гг. и в настоящее время принято называть в Германии «войнами за единство рейха» (Reichseinigungskriege) [34].

В Первую мировую войну угнетающее впечатление на немецкий социум произвело то, что в противостояние с рейхом державами Антанты был привнесен этнокультурный компонент: война была ими провозглашена как бескомпромиссная борьба против немцев и всего немецкого, против «современных гуннов», «пруссачества», «варварства» и «милитаризма» [27, S. 248-260]. Произошла демонизация немцев, чем создавались условия для криминализации побежденной Германии, возложения только на нее юридически оформленной Версальско-Вашингтонским мироустройством вины за развязывание войны. Значительная часть немецкого общества отказывалась безропотно мириться с уготованной ему победителями участью, и идеи реванша получили поддержку.

Характерно, что сразу по окончании Первой мировой войны известный немецкий военный теоретик генерал Фридрих Бернгарди заявил о невозможности исключения войны из политики своей страны, пусть и побежденной и находящейся в бедственном состоянии: «Я не верю в это, раз только Германия слепо не пойдет в рабство окружающих государств и если человеческая природа совершенно не переменится» [1, с. 9]. Нежелание многих немцев мириться со сложившимся мироустройством и со своим унизительным и несправедливым, по их мнению, положением способствовало

приходу к власти в стране нацистов, вооруженных идеями реванша и милитаризма. Знаковым и демонстративным актом мести и реванша стало подписание 22 июня 1940 г. перемирия с побежденной Францией по настоянию Гитлера в том самом «Компьенском вагоне», в котором 11 ноября 1918 г. было подписано перемирие в конце Первой мировой войны, фиксировавшее поражение Германии.

Борьба до конца и капля яда предательства. Как ни странно, вклад в идеологию и концептуализацию национального реванша поневоле внес прусский военный теоретик Карл Клаузевиц. Становление его как личности и как мыслителя сопровождалось болезненным переживанием поражения 1806 г.

Угнетало Клаузевица и то, что после поражения он оказался на положении пленника, сопровождая прусского кронпринца, оказавшегося заложником во Франции. В сложившейся ситуации его поддерживала надежда на грядущий национальный подъем. Его настроение передает письмо, направленное в феврале 1807 г. будущей супруге, в котором он с пафосом обращается к незримым соотечественникам: «Не сомневайтесь в своей судьбе и потому храните свою честь» [32, S. 248]. При осмыслении причин происшедшего и судьбы родины к молодому офицеру пришло понимание необходимости и возможности национального реванша. Тогда у него и зародилась идея, к которой впоследствии обратятся нацисты: будучи патриотом и пылкой натурой, Клаузевиц провозглашал, что биться с противником нужно до конца и что лучше с честью погибнуть, чем позорно капитулировать. За благородной гибелью страны, по его мнению, неизбежно последует возрождение.

В те же годы у будущего теоретика войны сформировалась и установка о необходимости решительных мер для побуждения соотечественников к сопротивлению. В сентябре 1807 г., сетуя на пассивные и капитулянтские настроения немцев, на их малодушие, он признается: «Если я должен высказать самые тайные мысли души моей, то я сторонник наиболее насильственных методов; я ударами хлыста пробудил бы от спячки это ленивое животное и научил бы его, как разорвать цепь, которую оно малодушно и трусливо взвалило на себя» [32, S. 288-289].

Обстановка оккупации побуждала Клаузевица к рефлексии. У него стала формироваться концепция политической обороны, которую он отождествлял с отстаиванием независимости страны. Такие идеи неоднократно высказывались им в канун судьбоносного 1812 г. Содержатся они и в его наставлениях кронпринцу. Названный текст создан в 1811–1812 гг., обычно он включается в нашей стране в издание труда «О войне» как необходимое дополнение. Характерно, что фразы о политически оборонительной войне привлекли внимание В.И.Ленина, который, находясь в эмиграции, конспектировал труд Клаузевица [8, с. 40]. Клаузевиц настоятельно наставлял кронпринца, что «надо приучить себя к мысли погибнуть с честью, постоянно питать ее в своей груди и с нею свыкнуться. Будьте уверены, Ваше высочество, что без этой твердой решимости ничего великого сделать нельзя даже в счастливой войне, а тем более в несчастной» [6, с. 437].

Мысли о необходимости до конца, несмотря ни на что, бороться с противником неоднократно встречаются и в главном труде Клаузевица, в книге «О войне». Так, в

главе, посвященной народной войне, он настаивает на необходимости продолжать сопротивляться даже после поражения, в заведомо безвыходной ситуации, ибо «всегда будет довольно времени, чтобы умереть. ...Как бы данное государство ни было мало и слабо по сравнению со своим противником, оно не должно скупиться на эти последние усилия, иначе пришлось бы сказать, что он представляет собою уже мертвый организм» [6, с. 202].

В своем анализе он пытался обнаружить именно у Пруссии способность к всеобщему сопротивлению и полагал обязанностью правительства принимать меры по обороне страны. В завершенном виде мысль воевать до конца, даже в безнадежных условиях, стремиться к победе несмотря ни на что изложена в начале труда «О войне». Клаузевиц утверждает, что в победе противника «...побежденная страна часто видит... лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими усилиями» [5, с. 42]. В таком понимании исхода войны он был не одинок. Так, одна из глав известного труда французского философа Ш.-Л.Монтескье «О духе законов» имеет название «О некоторых выгодах побежденных народов».

К побуждению народных масс бороться до конца прусские реформаторы в начале XIX в. апеллировали и потому, что усматривали в национальном подъеме единственный действенный способ одолеть врага в условиях, когда численность прусской армии по требованию Наполеона была резко сокращена. Она не представляла собой серьезной боевой силы и не могла вызывать опасений у французов. Ставка в деле освобождения делалась на народное восстание. Дальнейший ход событий подтвердил расчет на приток добровольцев. Сам Клаузевиц с нескрываемым чувством гордости за соотечественников приводит следующие данные: «Пруссия в 1813 году показала, что внезапным усилием при помощи милиции нормальная мощь армии может увеличиться в шесть раз» [5, с. 246].

Идея преданности борьбе за родину, недопустимости соглашательства стала одной из центральных в творчестве теоретика. Одним из ранних его произведений стали три декларации, написанные в феврале 1812 г., в канун его практически своевольного перехода в русскую армию [21, S. 678-750]. Декларации отличаются эмоциональной насыщенностью, что привлекло впоследствии внимание к ним не только исследователей, но и известных политических деятелей. На сентенцию о капле яда предательства, которая, попав в кровь народа, «передается потомству и будет угнетать и подрывать силы будущих поколений» [21, S. 689], обратили внимание в 20–30-х гг. прошлого века наши военные мыслители А.Е.Снесарев и А.А.Свечин [15, с. 156; 16, с. 115].

На образное сравнение и на отождествление отказа от сопротивления с предательством обратил внимание Гитлер. Считается, что его знакомство с Клаузевицем началось именно с чтения деклараций 1812 г. [24, S. 107]. В «Mein Kampf»*[1] он неоднократно обращается к понравившемуся ему образному сравнению последствий малодушия народа с той самой «каплей яда», которая окажет разлагающее воздействие на будущие поколения немцев. Неудивительно, что в нацистской Германии Клаузевиц официально был провозглашен культовой фигурой. Считалось, что его теория отражает дух национал-социализма.

Идею борьбы до конца Гитлер, со ссылкой на Клаузевица, неоднократно обыгрывал и в дальнейшем, даже когда поражение стало неизбежным. В т.н. «Политическом завещании», подписанном накануне самоубийства, Гитлер апеллирует к борьбе до конца за идеи национал-социализма и высказывает надежду в их грядущее возрождение и реванш. Фюрер выразил преданным ему немцам «идущую от всего сердца благодарность» и «желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов отечества, оставаясь верны заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистического движения...»*[2] [18, с. 231]. И здесь нетрудно убедиться, насколько разными по своим убеждениям авторами, в том числе радикальными и жестокими, могут использоваться идеи патриотически настроенного прусского военного теоретика.

Клаузевиц и денацификация Германии. Активное использование имени и идей Клаузевица в нацистском дискурсе констатировал немецкий филолог Виктор Клемперер. Сразу после разгрома Германии он, изучая словоупотребление и фразеологию нацистов, обрабатывал свои записи времен пребывания в гетто и зафиксировал, что они «затаскали» имя Клаузевица, призывая немецкий народ к сопротивлению и к порыву [7, с. 253, 289].

К его образу нацисты взывали, когда 9 марта 1945 г. столица рейха была объявлена на осадном положении и был отдан приказ защищать город до последнего человека, до последнего патрона. Для войск и формирований фольксштурма, защищающих центр Берлина, где располагались рейхсканцелярия и бункер Гитлера, как условный сигнал предписывалось использовать слово «Клаузевиц»[3]. Условными сигналами дело не ограничилось: Гитлером в последний день его рождения, 20 апреля 1945 г., был введен в действие «План Клаузевиц» (Fall Clausewitz). «Планом» предусматривался ряд мер, с помощью которых агонизирующее руководство рейха намеревалось хоть как-то воодушевить войска и население. Клаузевиц превратился в символ безнадежного вооруженного сопротивления рейха.

1 *Согласно законодательству Российской Федерации труды руководителей Национал-социалистской рабочей партии Германии являются экстремистскими материалами, 18+

2 *Согласно законодательству Российской Федерации труды руководителей Национал-социалистской рабочей партии Германии являются экстремистскими материалами, 18+

3 См.: Российско-германский проект по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации // Дело 8. Документы оперативного отдела обороны Берлина: основополагающий приказ о подготовке к обороне имперской столицы от 09.03.1945, с переводом на русский язык, а также сообщение рейхсфюрера СС и командующего запасными войсками... URL: https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/8769-delo-8-dokumenty-operativnogo-otdela-oborony-berlina-osnovopolagayuschiy-prikaz-o-podgotovke-k-oborone-imperskoy-stolitsy-ot-09-03-1945-g-s-perevodom-na-russkiy-yazyk-a-takzhe-soobschenie-reyhsfyurera-ss-i-komanduyuschego-zapasnymi-voyskami.

Маршал Г.К.Жуков впоследствии признавал: «И они ведь до последнего воевали. Сопротивлялись. Вот уже капитуляция. А они решают сдаваться не нам, а союзникам и уходят организованно, пробиваются» [9, с. 310]. Можно по-разному трактовать причины фанатичного сопротивления, в том числе искать связь с верностью идеям Клаузевица, однако нельзя отрицать такую мотивацию у представителей германского командования.

Накануне капитуляции Германии, ранним утром 1 мая 1945 г., представителям советского командования было доставлено письмо Геббельса, в котором содержалось предложение начать мирные переговоры. К письму прилагалось «политическое завещание» Гитлера. Доставил документы генерал Кребс, бывший в 1940–1941 гг. помощником германского военного атташе в Москве и владевший русским языком. Он несколько часов общался с героем Сталинграда, командующим 8 гв. армией генералом В.И.Чуйковым, а затем и с генералом В.Д.Соколовским. В стенограмме зафиксированы слова Кребса о верности своему фюреру и заветам прусского философа войны: «Клаузевиц говорил, что позорная капитуляция – худшее, а смерть в бою – лучшее» [19, с. 683]. Таким аргументом немецкий генерал объяснял решение Гитлера покончить с собой. По возвращении в бункер Кребс также застрелился. Его поведение свидетельствует, что подпитку для своей фанатичной идеологии нацисты действительно стремились обрести у Клаузевица. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с последней документально зафиксированной апелляцией нацистов к идеям прусского философа войны для оправдания фанатичного сопротивления.

О содержании доставленных Кребсом документов маршал Г.К.Жуков немедленно доложил И.В.Сталину [4, с. 657-658]. Т.е. он был вполне осведомлен об отношении к Клаузевицу в нацистской Германии, равно как и об использовании его имени как символа безнадежного сопротивления. Сталин, давая вскоре после победы развернутые ответы на вопросы военного историка Е.А.Разина об учении Клаузевица и действуя прагматично и рационально, использовал открывшуюся возможность для демонстрации превосходства отечественной военной мысли и военного искусства, адресуя свои оценки не только внутренней, но и зарубежной аудитории [10]. Причем критику советский руководитель направил не столько против персонально Клаузевица (названного среди других представителей немецкой военной мысли), сколько против военной машины и идеологии Германии в целом.

Уместно также напомнить, что еще до завершения войны руководителями антигитлеровской коалиции было принято решение о денацификации и демилитаризации Германии, т.е. о недопущении реванша. В феврале 1945 г. на Крымской конференции союзные державы подтвердили решимость «раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, …устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа…» [17, с. 187]. В 1947 г. державами-победительницами было принято решение об упразднении Пруссии как таковой (Закон № 46 Контрольного совета союзников), поскольку «Прусское государство, являющееся с давних времен носителем милитаризма и реакции в Германии, фактически перестало существовать».

Западные державы после 1945 г. всерьез озаботились тем, чтобы не допустить неподконтрольного им восстановления военного потенциала Германии. Поэтому идейные достижения немецкой военной мысли, в которой видное место занимает учение Клаузевица, воспринимались с учетом вероятности реваншизма. Думается, пруссака и патриота Клаузевица обвинять в этом неуместно.

Обсуждение

Антиномии преодоления прошлого. Ситуацию, в которой оказалась разгромленная Германия в 1945 г., в ФРГ принято характеризовать метафорой «Час ноль» (Stunde Null). В послевоенных условиях немецкие интеллектуалы пытались привлечь именно Клаузевица, чтобы показать несправедливое обхождение победителей с побежденными. Так, политический мыслитель Карл Шмитт, будучи, как и прусский военный теоретик, государственником и традиционалистом, указывал на опасность доминирования наднациональных структур, отстаивал право государств на субъектность на мировой арене, на необходимость создания ими «больших пространств». В его работах проявилось если и не стремление оправдать свою страну за нацизм, то, по крайней мере, неприятие ее демонизации и криминализации и вера в ее возрождение. Клаузевиц, по его мнению, как раз и оказался востребованным для спасения чести родины: «Для того, что собственно понимают под весьма спорным названием Пруссия, как и для того, что от нее осталось и продолжало жить после вычеркивания победителями во Второй мировой войне, Клаузевиц гораздо значимее, чем многие другие, чьи имена сегодня призваны для спасения чести Пруссии» [30, S. 501]. Оценил Шмитт и мобилизирующую силу зовущих на борьбу деклараций 1812 г.: «Призыв был услышан, и моральная и интеллектуальная сила его размышления оказалась достаточной для того, чтобы дойти до потомства» [30, S. 485].

Путь к новой идентичности, в том числе в политическом курсе на международной арене, выстраивался в Западной Германии после 1945 г. непросто. В научном и политическом дискурсе страны для характеристики ее состояния и перспектив стали возникать и использоваться понятия «культурный сдвиг» (Kulturwandel), «преодоление прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), «никогда более война» (Nie wieder Krieg). Вполне естественным в этих условиях стало и обращение к идеям и концептам патриотически настроенных немецких мыслителей прошлого [22, S. 27-31].

Вместе с тем с разной степенью интенсивности в размышлениях немецких исследователей довольно быстро стало проявляться и неприятие послевоенного статус-кво в целом или его отдельных компонентов. Так, Карл Ясперс сразу по

окончании войны, устанавливая связь между виновностью и ответственностью и одновременно показывая неприемлемость для немцев безоговорочного согласия с уготованной им судьбой, отметил опасность выбора, в котором оказалась побежденная сторона: «...либо умереть, либо делать и терпеть то, чего хочет победитель» [20, с. 24]. Ратуя за очищение от нацизма и осуждая увиливание от очищения, Ясперс тем не менее обосновывал необходимость для Германии в любом случае быть сильной в военном отношении, поскольку это диктуется объективными географическими обстоятельствами [20, с. 73]. Спустя четыре десятилетия западногерманские реваншисты, так же ссылаясь на географию, договорились до того, что «политика Гитлера в конечном счете была попыткой окончательно вырвать Германию силой из ее срединного положения на доминирующие позиции в Европе» [22, S. 9]. Думается в этой связи, что опасения европейцев, в том числе союзников ФРГ, о будущем политическом курсе объединенной в 1990 г. Германии были не беспочвенны. Существование этих «старых страхов» вынужден был спустя более трех десятилетий признать и бывший канцлер Германии Гельмут Коль [25, S. 37-39].

При этом никогда не следует забывать о том, что в Западной Германии сторонники нацизма и реванша чувствовали себя вполне комфортно и не опасались санкций. Достаточно сказать, что, характеризуя обстановку того времени, Вилли Брандт вынужден был постоянно считаться с реваншистами в своей политической деятельности: «Мой антинацизм пытались выставить как нечто бесчестное» [2, с. 264]. Сильное сопротивление встречало в ФРГ примирение с послевоенной реальностью в виде существования ГДР. Уместно также отметить, что функционирование ФРГ как антисоветского, а затем и антироссийского плацдарма и каналирование с него агрессивности требовало и требует приложения специальных усилий, в том числе обязательно – идеологической подпитки. При этом анализ показывает, что в общественном сознании современной Германии до сих пор присутствует болезненное, порой амбивалентное переживание прошлого, в рамках которого сформировалась и специфическая политическая мифология [28].

Грядет ли второе пришествие реваншизма? В общественно-политической и научной мысли послевоенной Германии (в ФРГ) так или иначе присутствует стремление оправдывать ее действия в прошедшие времена и тем самым снять с нее обвинения и ответственность за содеянное, хотя бы отчасти. Например, Герфрид Мюнклер излагает аргументы в пользу того, что отсутствуют основания для обвинения его страны в милитаризме в предшествующий Первой мировой войне период [27, S. 62-71]. И если в случае с приведенным тезисом действительно можно задуматься, то имеется масса примеров применения самых разных технологий, методов и приемов для дезавуирования или оправдания мотивов и действий Германии в минувшие времена с тем, чтобы дать им иную трактовку и подвергнуть сомнению легитимность политических реалий. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что разработанная в середине XX в. Ханной Арендт и получившая широкое признание теория тоталитаризма в действительности способствовала группированию и отождествлению между собой политических режимов, существовавших в нацистской Германии и в СССР при Сталине. Фактически такой подход ориентирует не только на делегитимацию Советского Союза, его внутренней и внешней политики, но и на пересмотр итогов Второй мировой войны и современного мироустройства. В настоящее время мир переживает период критики и ревизии этих устоев и атаки на них.

В политике Германии после провозглашения канцлером Олафом Шольцем «Zeitenwende» усилилось стремление к занятию ведущих позиций в Европе и в более широких рамках. Со ссылкой на противодействие «российской угрозе» ФРГ ведет активные военные приготовления. В непосредственной близости от Калининградской области, на территории Литвы, развернута полноценная бригада бундесвера[4]. В общественно-политическом дискурсе страны доминирует поддерживаемая властями русофобия. В Стратегии национальной безопасности ФРГ 2023 г. Россия характеризуется как «самая большая на обозримое время угроза для мира и безопасности в евроатлантическом пространстве» [33, S. 11-12]. Необходимостью отражения угрозы со стороны России объясняют создатели первой в истории Германии Военной стратегии причину разработку этого документа, обнародованного в апреле 2026 года [23, S. 9].

Справедливости ради стоит отметить, что трезвомыслящие немецкие политики предупреждают о последствиях того, к чему Германию целенаправленно готовят: «...будет огромной удачей, если дело не дойдет до вооруженного конфликта с Российской Федерацией по инициативе Запада» [3, с. 103]. Признается некоторыми немецкими исследователями и опасность демонизации России, целенаправленного формирования ее образа как «империи зла» [26]. К сожалению, такая позиция является редкой в современной Германии, а ее сторонники подвергаются обструкции. Подытоживая, можно констатировать, что фактически сложились условия для полноценного возрождения реванша, осталось только его продекларировать.

Выводы

Борьба за сохранение или изменение существующего в региональных и глобальных рамках статус-кво – извечное и естественное состояние международных отношений. Следовательно, в этой борьбе всегда «в резерве» содержится возможность обращения к идеологии и практике реванша. Для его обоснования происходит порой (диктуемое соображениями политической целесообразности) обращение к подходам и концептам авторитетных мыслителей прошлого. Причем обычно их самих трудно

4 В интервью журналу «Spiegel» (Der Spiegel, 26.4.2025, № 18) министр обороны Литвы г-жа Шакалене, комментируя размещение в стране немецких войск и отвечая на вопрос о тех, кто демонизирует Россию, злобно и оскорбительно заявила: «Потому что русские столь миролюбивый народец? За последние триста лет они постоянно нападали на своих соседей или даже пытались совсем уничтожить их. Литва была дважды оккупирована Россией. Людей насиловали, пытали, убивали. Мою бабушку отправили на десять лет в трудовой лагерь в Сибирь, потому что некоторые из ее семьи были в сопротивлении».

обвинить в подобной неожиданной для них трактовке их идей и учений. История Германии и судьба идей немецких мыслителей прошлого – наглядный тому пример.

Интересы же развития России и обеспечения ее безопасности ориентируют на неослабное внимание к теоретической и практической деятельности по противодействию нацизму и реваншизму, которые могут скрываться под самой неожиданной личиной.

Список литературы

1. Бернгарди Ф. О войне будущего [Germany and the Next War]. М.: Гос. изд-во, 1921. 171 с.
2. Брандт В. Воспоминания [My Life in Politics]. М.: Новости, 1991. 526 с.
3. Виммер В., Сосновский А. Версаль: Желанный мир или план будущей войны? [Versailles: A Desired World or a Plan for a Future War?]. СПб.: Питер, 2024. 224 с.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления [Reminiscences and Reflections]. М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1970. 736 с.
5. Клаузевиц К. О войне [On War] М.: Госвоениздат, 1936. Т. 1. 442 с.
6. Клаузевиц К. О войне [On War] М.: Госвоениздат, 1936. Т. 2. 576 с.
7. Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога [LTI: The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook]. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
8. Ленин В.И. Замечания на сочинения Клаузевица «О войне» [Notes on Clausewitz's 'On War]. М.: Госполитиздат, 1939. 40 с.
9. Маршал Жуков. Каким мы его помним: сборник [Marshal Zhukov: As We Remember Him]. М.: Политиздат, 1988. 396 с.
10. Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина [Comrade Stalin's Answer to Comrade Razin's Letter] // Военная мысль. 1947. № 1. С. 3–7.
11. Пустогаров В.В. Западногерманский реваншизм и международное право [West German Revanchism and International Law]. М.: Наука, 1986. 109 с.
12. Реваншизм: идеология и практика: сборник статей [Revanchism: Ideology and Practice: A Collection of Articles]. М.: Знание, 1985. 222 с.
13. Реваншисты [The Revanchists]: сборник. / сост. и общ. редакция Ю.Т.Харитонова. М.: Прогресс, 1987. 237 с.
14. Российский словарь современного политического языка [Russian Dictionary of Contemporary Political Language] / Под ред. А.Ю.Шутова. М.: Аспект Пресс, 2025. 392 с.
15. Свечин А.А. Клаузевиц [Clausewitz]. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. 238 с.
16. Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица [Life and Works of Clausewitz] / Предисл. Ю.Н.Балуевского; вступ. ст. И.С.Даниленко; ст. В.К.Белозёрова и Д.Хойзер. М.; Жуковский: Кучково поле, 2007. 384 с.
17. Тегеран – Ялта – Потсдам: сборник документов трех конференций стран антигитлеровской коалиции [Tehran – Yalta – Potsdam: Documents of the Three Conferences of the Anti-Hitler Coalition Countries]. М.: Международные отношения, 1970. 416 с.
18. Тейлор А., Якобсен Г.-А. Вторая мировая война: Два взгляда [The Second World War: Two Views]. М.: Мысль, 1995. 558 с.
19. Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина [From Stalingrad to Berlin]. М.: Сов. Россия, 1985. 701 с.
20. Ясперс К. Вопрос о виновности [The Question of German Guilt]. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. 146 с.
21. Clausewitz C. Schriften – Aufsätze – Briefe. Dokumente aus dem Clausewitz-Scharnhorst- und Gneisenau-Nachlaß sowie aus öffentlichen und privaten Sammlungen, hrsg. von Werner Hahlweg. Mit Vorwort von Karl Dietrich Erdmann, Bd. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1966. 768 S.
22. Fritsch-Bournazel R. Das Land in der Mitte: die Deutschen im europäischen Kräftefeld. München: Iudicium Verlag GmbH, 1986. 170 S.
23. Gesamtkonzeption militärische Verteidigung. Militärstrategie und Plan für die Streitkräfte. Verantwortung für Europa. Bonn: Bundesministerium der Verteidigung (Hrsg.), 2026. 36 S.
24. Hahlweg W. Das Clausewitzbild einst und jetzt. // Clausewitz, Carl von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage. Bonn: Ferd. Dümmlers Verlag, 1973. S. 1–172.
25. Kohl H. Aus Sorge um Europa. Ein Appel. München: Droemer Verlag, 2014. 120 S.
26. Krone-Schmalz G. Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München: Verlag C.H.Beck, 2017 304 S.
27. Münkler H. Der Große Krieg. Die Welt 1914 bis 1918. Berlin: Rowohlt, 2014. 924 S.
28. Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010. 606 S.
29. Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H.Beck, 1993. 838 S.
30. Schmitt C. Clausewitz als politischer Denker // Der Staat. 1967. № 4. S. 479–502.
31. Schramm W.R. von. Zum Verständnis des Werkes // Clausewitz, Carl von. Vom Kriege. Als Handbuch bearb. u. mit e. Essay «Zum Verständnis des Werkes» hrsg. von Wolfgang Pickert u. Wilhelm Ritter von Schramm. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2011. S. 250–269.
32. Schwartz K. Leben des Generals von Clausewitz und der Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878. 544 S.
33. Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. – Berlin: Auswärtiges Amt (Hrsg.), 2023. 75 s.
34. Wie die Siegessäule nach Berlin kam. Eine kleine Geschichte der Reichseinigungskriege 1864 bis 1871. / hrsg. von Thorsten Loch u. Lars Zacharias. Freiburg i. Br. / Berlin / Wien: Rombach Verlag KG, 2011. VII, 267 S.

Информация об авторе

БЕЛОЗЁРОВ Василий Клавдиевич. Доктор политических наук. Профессор. Заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета. https://orcid.org/0000-0003-4875-5878. Адрес: Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38, к. 1. vk_belozerov@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Berngard F. Germany and the Next War. Moscow: Gos. izd-vo [State Publishing House], 1921. 171 p. [In Russian].
2. Brandt V. My Life in Politics. Moscow: Novosti [News], 1991. 526 p. [In Russian].
3. Vimmer V., Sosnovskiy A. Versailles: A Desired World or a Plan for a Future War? St. Petersburg: Piter [Piter], 2024. 224 p. [In Russian].
4. Zhukov G.K. Reminiscences and Reflections. Moscow: Izdatel'stvo Agentstva pechati Novosti [Publishing House of the Press Agency News], 1970. 736 p. [In Russian].
5. Klauzevits K. On War. Moscow: Gosvoenizdat [State Political Publishing House]. 1936. Vol. 1. 442 p. [In Russian].
6. Klauzevits K. On War. Moscow: Gosvoenizdat [State Political Publishing House], 1936. Vol. 2. 576 p. [In Russian].

7. Klemperer V. LTI: The Language of the Third Reich: A Philologist's Notebook. Moscow: Progress–Traditsiya [Progress–Tradition], 1998. 381 p. [In Russian].
8. Lenin V.I. Notes on Clausewitz's 'On War'. Moscow: Gospolitizdat [State Political Publishing House], 1939. 40 p. [In Russian].
9. Marshal Zhukov: As We Remember Him. Moscow: Politizdat [Political Publishing House], 1988. 396 p. [In Russian].
10. Comrade Stalin's Answer to Comrade Razin's Letter. Voennaya mysl' [Military Thought]. 1947; 1:3–7 [In Russian].
11. Pustogarov V.V. West German Revanchism and International Law. Moscow: Nauka [Science], 1986. 109 p. [In Russian].
12. Revanchism: Ideology and Practice: A Collection of Articles. Moscow: Znanie [Knowledge], 1985. 222 p. [In Russian].
13. Revanchists: A Collection. Comp. and ed. by Yu.T.Kharitonova. Moscow: Progress [Progress], 1987. 237 p. [In Russian].
14. Russian Dictionary of Contemporary Political Language. Ed. by A.Yu.Shutov. Moscow: Aspekt Press [Aspekt Press], 2025. 392 p. [In Russian].
15. Svechin A.A. Clausewitz. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie [Journal and Newspaper Association], 1935. 238 p. [In Russian].
16. Snesarev A.E. Life and Works of Clausewitz. Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo pole [Zhukovsky: Kuchkovo Field], 2007. 384 p. [In Russian].
17. Tehran – Yalta – Potsdam: Documents of the Three Conferences of the Anti-Hitler Coalition Countries. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya [International Relations], 1970. 416 p. [In Russian].
18. Taylor A., Jacobsen H.–A. The Second World War: Two Views. Moscow: Mysl' [Thought], 1995. 558 p. [In Russian].
19. Chuikov V.I. From Stalingrad to Berlin. Moscow: Sov.Rossiya [Soviet Russia], 1985. 701 p. [In Russian].
20. Jaspers K. The Question of German Guilt. Moscow: Progress [Progress], 1999. 146 p. [In Russian].
21. Clausewitz C. Schriften – Aufsätze – Briefe. Dokumente aus dem Clausewitz-Scharnhorst- und Gneisenau-Nachlaß sowie aus öffentlichen und privaten Sammlungen, hrsg. von Werner Hahlweg. Mit Vorwort von Karl Dietrich Erdmann, Bd. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1966. 768 S. [In German].
22. Fritsch-Bournazel R. Das Land in der Mitte: die Deutschen im europäischen Kräftefeld. München: Iudicium Verlag GmbH, 1986. 170 S. [In German].
23. Gesamtkonzeption militärische Verteidigung. Militärstrategie und Plan für die Streitkräfte. Verantwortung für Europa. – Bonn: Bundesministerium der Verteidigung (Hrsg.), 2026. 36 S. [In German].
24. Hahlweg W. Das Clausewitzbild einst und jetzt. In: Clausewitz, Carl von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage. Bonn: Ferd. Dümmlers Verlag, 1973:1–172 [In German].
25. Kohl H. Aus Sorge um Europa. Ein Appel. München: Droemer Verlag, 2014. 120 S. [In German].
26. Krone-Schmalz G. Eiszeit. Wie Russland dämonisiert wird und warum das so gefährlich ist. München: Verlag C. H. Beck, 2017. 304 S. [In German].
27. Münkler H. Der Große Krieg. Die Welt 1914 bis 1918. Berlin: Rowohlt, 2014. 924 S. [In German].
28. Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010. 606 S. [In German].
29. Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München: Verlag C.H.Beck, 1993. 838 S. [In German].
30. Schmitt C. Clausewitz als politischer Denker. Der Staat. 1967; 4:479–502 [In German].
31. Schramm W.R. von. Zum Verständnis des Werkes. In: Clausewitz, Carl von. Vom Kriege. Als Handbuch bearb. u. mit e. Essay «Zum Verständnis des Werkes» hrsg. von Wolfgang Pickert u. Wilhelm Ritter von Schramm. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2011:250–269 [In German].
32. Schwartz K. Leben des Generals von Clausewitz und der Marie von Clausewitz. Bd. 1: mit Briefen, Aufsätzen, Tagebüchern und anderen Schriftstücken. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlags-Buchhandlung, 1878. 544 S. [In German].
33. Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin: Auswärtiges Amt (Hrsg.), 2023. 75 S. [In German].
34. Wie die Siegessäule nach Berlin kam. Eine kleine Geschichte der Reichseinigungskriege 1864 bis 1871 / hrsg. von Thorsten Loch u. Lars Zacharias. Freiburg i. Br. / Berlin / Wien: Rombach Verlag KG, 2011. 267 S. [In German].

About the author

Vasily K. BELOZEROV. DSc. (Polit.). Professor. Head of the Chair of Political Science at Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0003-4875-5878. Address: Build. 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. vk_belozerov@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
УДК 94
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-164-171

Исторические науки

Исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию

Иван Максимович Гусаков ✉

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва, Россия
ivangusakov95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию на материале пяти современных научных публикаций 2021–2025 гг., посвященных трудовой миграции, трансформации постсоветского миграционного пространства и факторам устойчивости миграционных потоков. Показано, что современная миграция из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и других стран региона не может быть объяснена только текущими экономическими трудностями. Ее устойчивость связана с длительным действием исторически сложившихся факторов, среди которых общее советское прошлое, языковая близость, сформированные каналы мобильности, институциональная доступность российского рынка труда и зависимость части домохозяйств от заработков за пределами страны проживания. Особое внимание уделено тому, как разные исследовательские подходы объясняют сохранение российского направления как базового для трудовой миграции из Центральной Азии даже в условиях пандемии, санкционного давления и изменения механизмов государственного регулирования. Систематизированы макроэкономический, историко-институциональный и системный подходы к анализу миграции. Делается вывод о том, что исторические предпосылки продолжают определять не только происхождение миграционного потока, но и его способность адаптироваться к кризисам, сохраняя структурную значимость для России и стран региона. Отдельно рассмотрены представления авторов о роли пандемии COVID-19 как фактора, не разрушившего сложившуюся миграционную систему, а временно изменившего ее масштабы, скорость восстановления, формы занятости и условия адаптации иностранных работников в российском обществе в целом.

Ключевые слова: миграция, Центральная Азия, Российская Федерация, трудовая миграция, постсоветское пространство, миграционные процессы, рынок труда, исторические предпосылки

© Гусаков И.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

Для цитирования: Гусаков И.М. Исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 164-171, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-164-171

Original Article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-164-171

Historical Sciences

Historical Background of Migration from Central Asian Countries to the Russian Federation

Ivan M. Gusakov ✉

Diplomatic Academy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
ivangusakov95@mail.ru

Abstract. This article examines the historical background of migration from Central Asian countries to the Russian Federation, drawing on five recent academic publications published between 2021 and 2025. These publications focus on labor migration, the transformation of the post-Soviet migration space, and factors that contribute to the sustainability of migration flows. It is shown that current migration from Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and other countries of the region cannot be explained solely by current economic difficulties. Its sustainability is linked to the long-term influence of historically established factors, including a shared Soviet past, linguistic proximity, established mobility channels, institutional accessibility of the Russian labor market, and the dependence of some households on earnings outside their country of residence. Particular attention is paid to how different research approaches explain the persistence of Russia as the primary destination for labor migration from Central Asia, even in the face of a pandemic, sanctions, and changing government regulation mechanisms. Macroeconomic, historical-institutional, and systemic approaches to migration analysis are systematized. The article concludes that historical preconditions continue to determine not only the origins of migration flows but also their ability to adapt to crises, maintaining their structural significance for Russia and the countries of the region. The author's views on the role of the COVID-19 pandemic, which did not destroy the existing migration system but temporarily altered its scale, the speed of recovery, forms of employment, and the conditions for the adaptation of foreign workers into Russian society as a whole, are separately considered.

Keywords: migration, Central Asia, Russian Federation, labor migration, post-Soviet space, migration processes, labor market, historical preconditions

For citation: Gusakov I.M. Historical Background of Migration from Central Asian Countries to the Russian Federation. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 164-171, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(30)-164-171

© Гусаков И.М., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Введение

Актуальность темы определяется не только текущей интенсивностью миграционных потоков, но и их устойчивым характером. В.В.Комаровский фиксирует важную для понимания проблемы отправную точку: «Выходцы из постсоветских стран составляют подавляющее большинство трудовых мигрантов» [1, с. 200]. Это означает, что перемещение населения из Центральной Азии в Россию нельзя рассматривать как ситуативное явление последних лет. Речь идет о долговременном процессе, который сложился на пересечении исторической связанности, хозяйственной взаимозависимости и устойчивого спроса на рабочую силу.

Материалы и методы

Цель статьи – на основе сравнительного анализа пяти современных исследовательских работ выявить, систематизировать и теоретически обобщить исторические предпосылки устойчивой трудовой миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию, а также эмпирически (через данные о динамике потоков и их восстановлении после пандемии COVID-19) доказать, что эта миграционная система обладает высокой степенью инерционности и способностью к самовосстановлению после крупных кризисов.

Проанализированы работы по миграционным процессам и выявлена эволюция взглядов и произведена оценка влияния пандемии COVID-19, которая не разрушила миграционную ситуацию, а лишь временно затормозила. В данной работе продемонстрирован кумулятивный эффект различных исторических предпосылок миграции (общее историческое прошлое, владение русским языком, расширяющаяся экономика России, зависимость стран исхода мигрантов от денежных переводов из России), который создает устойчивость потока.

В анализируемых публикациях использованы данные официальной статистики, ведомственной отчетности, социологических опросов трудовых мигрантов и нормативных документов в сфере миграционной политики.

В работе применены историко-аналитический, сравнительно-сопоставительный и проблемно-хронологический методы. Анализ проводился через отбор публикаций по теме, выделение ключевых смысловых блоков и сопоставление авторских подходов, фактов и выводов. Это позволило выявить основные исторические предпосылки миграции и проследить их значение в современных условиях.

Результаты исследования

В условиях демографического старения населения и существенных структурных диспропорций на национальном рынке труда трудовая иммиграция играет важную роль в сфере экономической жизни страны. Именно в такой рамке Е.С.Красинец рассматривает международную трудовую миграцию в современной России [2]. Для автора важно не только число приезжающих работников, но и их место в поддержании экономической устойчивости. В статье прямо сказано, что «Россия является одним из главных мировых центров притяжения трудовых мигрантов» [2, с. 105]. Это положение в контексте нашей темы особенно значимо, поскольку оно связывает современную миграционную динамику с более ранними историческими процессами, которые сформировали российское пространство как один из центров притяжения рабочей силы из постсоветских республик.

Исторические предпосылки миграции в рассмотренных работах раскрываются не через абстрактное указание на общее прошлое, а через конкретные механизмы, которые продолжают действовать и в XXI в. У В.В.Комаровского этот ракурс проявляется в анализе национального состава потоков и их распределения по российским регионам. Автор показывает, что в структуре трудовой миграции лидируют выходцы из Узбекистана и Таджикистана [1]. Для нашей темы это особенно важно, поскольку устойчивость именно этих направлений свидетельствует о долговременном воспроизводстве постсоветского миграционного пространства. Миграция здесь выступает не как разовый отклик на экономические трудности, а как форма движения населения, встроенная в систему повседневной занятости и регионального рынка труда.

Е.С.Красинец рассматривает эту же проблему на другом уровне. Его внимание сосредоточено на трудовой иммиграции как на макросоциальном процессе, связанном с демографической ситуацией, рынком труда и экономическим развитием. Автор приводит точные данные о росте среднегодовой численности трудовых мигрантов в российской экономике. В 2017–2019 гг. она увеличилась с 2 599 тыс. до 3 059 тыс. человек [2]. Эти цифры важны не сами по себе. Они показывают, что к началу пандемии в России уже существовал устойчивый и масштабный рынок иностранного труда, а значит, его формирование опиралось на предшествующую историческую базу.

С началом пандемии ситуация с использованием в стране иностранной рабочей силы существенно изменилась. Этот фрагмент из текста Е.С.Красинца логично продолжает разговор о трансформации уже сложившейся миграционной системы. В статье зафиксировано, что в апреле и мае 2020 г. «в России потеряли работу около трети трудовых мигрантов» [2, с. 106]. Дальше автор показывает сужение потоков из государств постсоветского пространства, включая Киргизию, Таджикистан и Узбекистан [2]. В контексте исторических предпосылок этот материал особенно показателен. Пандемия не создала новые связи и не уничтожила старые.

Она временно затормозила систему, которая была выстроена задолго до кризиса и продолжала сохранять свою внутреннюю устойчивость.

Наиболее отчетливо историческая глубина миграционного процесса раскрыта у А.Х.Рахмонова. В статье 2024 г. он прямо указывает, что миграционные процессы из Центральной Азии в Россию имеют истоки еще в советском периоде [4]. Это важное положение, поскольку оно позволяет рассматривать современную трудовую миграцию как результат длительного исторического развития, а не только как следствие бедности или безработицы в странах исхода. Автор пишет, что трудовая миграция из региона началась в конце 1990-х гг. и достигла пика в 2014 г. [4, с. 83]. Эта периодизация помогает увидеть, как общее советское пространство было преобразовано в постсоветскую систему трудовой мобильности.

В статье А.Х.Рахмонова 2023 г. проблема раскрыта на материале Таджикистана. Исследователь рассматривает причины, по которым Россия даже после пандемии и санкционного давления сохраняет статус основного направления эмиграции для трудовых мигрантов из этой страны [3]. Здесь особенно важны два фактора. Первый связан с общим историческим прошлым [3, с. 120]. Второй касается значения русского языка, который продолжает облегчать выход на российский рынок труда [3, с. 120]. В результате исторические предпосылки получают вполне предметное содержание. Это не только память о прежнем едином государстве, но и языковая, культурная и институциональная совместимость, которая делает миграцию в Россию более доступной и предсказуемой по сравнению с альтернативными направлениями.

Существенно и то, что А.Х.Рахмонов связывает устойчивость миграции с зависимостью страны исхода от денежных переводов и внешнего заработка [3]. Тем самым историческая предпосылка дополняется экономической инерцией. Если в советское время мобильность поддерживалась единым пространством, то в постсоветский период она закрепилась уже как важнейший механизм выживания и поддержки домохозяйств. Поэтому даже в условиях кризиса ориентированность на Россию сохраняется.

Другой аналитический ход предлагают Т.В.Излученко, Д.Н.Гергилев, П.Н.Дудин и Д.Н.Нестеренко. Они рассматривают не отдельные национальные потоки, а миграционную систему «Россия – Центральная Азия» как сложную сеть взаимосвязанных акторов и факторов [5]. Такой подход позволяет увидеть, что исторические предпосылки не исчерпываются только советским наследием. Они продолжают работать в измененной среде, где на миграцию влияют государственная политика, экономические риски, представления о безопасности и новые формы регулирования. В этой логике история не остается в прошлом. Она становится частью текущей структуры миграционного процесса.

Однако спад в привлечении трудовых мигрантов и их использовании на начальном этапе развития пандемии оказался лишь временным явлением. Этот фрагмент особенно уместен в той части статьи, где речь идет о прочности уже сложившейся миграционной системы. После первого шока восстановление спроса на иностранную рабочую силу показало, что российская экономика по-прежнему нуждается в притоке работников из-за рубежа [2]. Следовательно, исторические предпосылки миграции сохраняют практическую силу и сегодня. Они проявляются не только в происхождении потока, но и в способности этой системы быстро возвращаться к рабочему состоянию после кризисов.

Сопоставление пяти рассмотренных источников позволяет выделить несколько исследовательских подходов. Первый подход можно назвать макроэкономическим. Он представлен в работах Е.С.Красинца и В.В.Комаровского. Здесь миграция из Центральной Азии в Россию объясняется через потребности экономики, динамику занятости, национальный состав потоков и региональное распределение иностранной рабочей силы [1; 2]. Второй подход – историко-институциональный. Он отчетливо выражен в работах А.Х.Рахмонова, где устойчивость миграции объясняется советским наследием, общим языковым пространством, безвизовым режимом и зависимостью стран исхода от внешних заработков [3; 4]. Третий подход – системный. В статье Т.В.Излученко и соавторов миграция рассматривается как сеть отношений, где прошлое, политика, рынок труда и механизмы регулирования соединяются в единую модель [5].

Выводы

В пределах рассмотренного корпуса источников исторические предпосылки миграции из стран Центральной Азии в Российскую Федерацию можно определить как совокупность длительно действующих факторов, которые сформировались в советский и ранний постсоветский периоды и продолжают воспроизводиться в современных условиях. К ним относятся общее историческое прошлое, языковая близость (использование мигрантами русского языка), привычные маршруты передвижения, институциональная доступность российского рынка труда (безвизовый режим, упрощенное оформление патентов), потребность российской экономики в рабочей силе и зависимость части стран региона от трудовой миграции и денежных переводов [1–5]. Устойчивость миграционных процессов поддерживается также сетевыми факторами, такими как диаспоры и землячества, которые обеспечивают информационную поддержку, помощь с жильем и трудоустройством для новых мигрантов. Исторические предпосылки миграции из Центральной Азии в Россию – это работающий механизм, на работу которого мало влияют кризисы средней тяжести, но долгосрочные институциональные и культурные трансформации могут сильно его изменить. Изучение этого механизма позволяет не только понять прошлое и настоящее миграционных процессов, но и с высокой точностью прогнозировать будущее миграционной системы «Россия – Центральная Азия».

Список литературы

1. Комаровский В.В. Трудовая миграция из ближнего зарубежья: национальные контингенты в регионах России [Labor Migration from Neighboring Countries: National Contingents in the

Regions of Russia] // Россия и новые государства Евразии. 2021. № IV(LIII). С. 200–220. https://doi.org/ 10.20542/2073-4786-2021-4-200-220.
2. Красинец Е.С. Международная трудовая миграция в развитии современной России [International Labor Migration in the Development of Modern Russia] // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 104–115. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9.
3. Рахмонов А.Х. Причины выбора России как основного направления трудовой миграции из Таджикистана в условиях пандемии COVID-19 и санкций [Reasons for Choosing Russia as the Main Direction for Labor Migration from Tajikistan in the Context of the COVID-19 Pandemic and Sanctions] // Управление. 2023. Т. 11. № 2. С. 114–123. https://doi.org/ 0.26425/2309-3633-2023-11-2-114-123.
4. Рахмонов А.Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов [The Role of Labor Migrants from Central Asia in the Socio-Economic Development of Russia in the Context of New Global Challenges] // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82–90. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90.
5. Трансформация миграционной системы «Россия – Центральная Азия» под влиянием глобальных процессов XXI в.: проблемы моделирования [Transformation of the Russia-Central Asia Migration System Amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling] / Т.В.Излученко, Д.Н.Гергилев, П.Н.Дудин, Д.Н.Нестеренко // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 353–372. https://doi.org/ 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372.

Информация об авторе

ГУСАКОВ Иван Максимович. Аспирант. Дипломатическая академия МГИМО МИД России. Адрес: Российская Федерация, 119992, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2. ivangusakov95@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Komarovsky V.V. Labor Migration from Neighboring Countries: National Contingents in the Regions of Russia. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the New States of Eurasia]. 2021; 4(53):200–220 [In Russian]. https://doi.org/ 10.20542/2073-4786-2021-4-200-220.
2. Krasinets E.S. International Labor Migration in the Development of Modern Russia. Narodonaselenie [Population]. 2022; 25(2):104–115 [In Russian]. https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.9.
3. Rakhmonov A.Kh. Reasons for Choosing Russia as the Main Direction for Labor Migration from Tajikistan in the Context of the COVID-19 Pandemic and Sanctions. Upravlenie [Management]. 2023; 11(2):114–123 [In Russian]. https://doi.org/ 0.26425/2309-3633-2023-11-2-114-123.
4. Rakhmonov A.Kh. The Role of Labor Migrants from Central Asia in the Socio-Economic Development of Russia in the Context of New Global Challenges. Upravlenie [Management]. 2024; 12(2):82–90 [In Russian]. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-82-90.

5. Izluchenko T.V., Gergilev D.N., Dudin P.N., Nesterenko D.N. Transformation of the Russia-Central Asia Migration System Amid Twenty-First Century Global Processes: Problems of Modeling. Oriental Studies. 2025; 18(2):353–372 [In Russian]. https://doi.org/ 10.22162/2619-0990-2025-78-2-353-372.

About the author

Ivan M. GUSAKOV. DSc. (Polit.). Postgraduate student. Diplomatic Academy of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Address: 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119992, Russian Federation. ivangusakov95@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 14, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
УДК 327.2
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-172-182

Исторические науки

Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции

Кира Евгеньевна Кожухова✉

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kira.kozhuhova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1725-3042

Аннотация. Вторая китайско-японская война была крупным конфликтом между Китаем и империалистической Японией. Китай оказался особенно уязвим для внешней оккупации: страна была политически разделена, социально фрагментирована и находилась в неблагоприятном экономическом положении. Хотя Китай понес огромные потери, сопротивление, вызванное антипатией народа к нарастающей агрессии Японии, привело к окончательному поражению японских войск. Воспоминания о национальном унижении первоначально подавлялись из-за опасений, что травмирующие события могут подорвать национальное восстановление и государственное строительство. Однако Китай постепенно начал осознавать свою силу в формировании собственного нарратива военного времени. Официальный отчет Китая о Войне сопротивления Японии не только вернул его военным усилиям подобающее место, но и усилил призыв к национализму, представив себя жертвой войны. В Китае в конце XX в. начались организованные государством кампании по увековечиванию памяти о Второй китайско-японской войне. Чтобы еще больше мобилизовать молодежь, незнакомую с потрясениями и унижениями прежнего Китая, была начата кампания по патриотическому воспитанию. Национальный нарратив об унижении является связующей силой между гражданами и родиной, которая усиливает социальную и политическую принадлежность. Позиционирование Китая как жертвы японской интервенции позволяет проводить амбициозную внешнеполитическую программу, направленную на предотвращение повторения унижения. Вместе с тем всплеск националистических настроений может отразиться в политических решениях и поведении Китая на международной арене.

© Кожухова К.Е., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

Ключевые слова: историческая память, Китай, интервенция, историческая политика, Вторая мировая война

Для цитирования: Кожухова К.Е. Историческая память китайского народа: последствия японской интервенции // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 172-182, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-172-182

Original Article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-172-182

Historical Sciences

Historical Memory of the Chinese People: the Consequences of the Japanese Intervention

Kira E. Kozhukhova✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kira.kozhuhova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1725-3042

Abstract. The Second Sino-Japanese War was a major conflict between China and imperialist Japan. China proved to be particularly vulnerable to external occupation: the country was politically divided, socially fragmented, and economically disadvantaged. Although China suffered huge losses, the resistance caused by the people's antipathy to the growing aggression of Japan led to the final defeat of the Japanese forces. Memories of national humiliation were initially suppressed due to fears that traumatic events could undermine national reconstruction and nation-building. However, China gradually began to realize its power in shaping its own wartime narrative. China's official report on the War of Resistance against Japan not only returned its war effort to its proper place but also reinforced the call for nationalism by presenting itself as a victim of the war. At the end of the 20th century, state-sponsored campaigns began in China to perpetuate the memory of the Second Sino-Japanese War. To further mobilize young people unfamiliar with the shocks and humiliations of the former China, a patriotic education campaign was launched. The national narrative of humiliation is a binding force between citizens and the motherland, which strengthens social and political affiliation. Positioning China as a victim of Japanese intervention allows for an ambitious foreign policy program aimed at preventing a repeat of the humiliation. At the same time, the surge in nationalist sentiments may be reflected in China's political decisions and behavior in the international arena.

Keywords: historical memory, China, intervention, historical policy, World War II

For citation: Kozhukhova K.E. Historical Memory of the Chinese People: the Consequences of the Japanese Intervention. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 172-182, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(30)-172-182

© Кожухова К.Е., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Введение

Вторая китайско-японская война 1937–1945 гг., или «Восьмилетняя война сопротивления Японии», относится к военному конфликту между Китаем и Японской империей во время Второй мировой войны. Несмотря на невообразимые масштабы человеческих страданий и разрушительные последствия данной войны для китайского общества, восемь лет сопротивления способствовали приходу к власти Коммунистической партии Китая (КПК) и созданию Китайской Народной Республики, которая в настоящее время является одной из самых могущественных держав мира.

Национальные воспоминания о войне могут быть обманчивыми и избирательными. В случае Китая то, что и как помнит общественность, подвергается контролю и влиянию со стороны государственной власти ввиду особенностей социалистической идеологии с «китайской спецификой». Сразу после Второй мировой войны воспоминания о зверствах японских интервентов подавлялись и игнорировались. Затененные идеей создания нового социалистического государства события минувших лет позже были восстановлены в память о тех, кто был убит на войне, и, что более важно, эта память стала средством трансцендентности, способным выдержать испытание временем. Политбюро ЦК КПК вызвало национальную солидарность, представив опыт Китая во время Второй мировой войны как историю жертвоприношения [20]. На протяжении 1970-х и 1990-х гг. центральное правительство КНР прививало растущее чувство коллективного сознания через воспоминания о национальном унижении, увековечивая память жертв Нанкинской резни в музеях, воссоздавая сцены насилия в Нанкине в кинематографических постановках и проводя кампанию по патриотическому воспитанию и сохранению памяти [9].

Вопреки традиционным конфуцианским подходам [4], Китай продемонстрировал парадокс в построении новой китайской социалистической нации: рост китайского национализма, сосредоточенный на нарративе о жертвах Войны сопротивления Японии, скорее активизировал, чем ослабил решимость во внешнеполитических действиях Китая. Один из главных столпов китайского национализма зиждется на опыте отношений с империалистическими странами с середины XIX в. Государственные китайские нарративы о национальном унижении высвободили сильную потребность восстановить национальную гордость Китая и избежать повторного попадания в роль жертвы западного и японского империализма, что называется в китайской риторике «веком унижения», который берет начало с эпохи «Опиумных войн» с Великобританией. При этом неспособность Китая и Японии примирить свои разногласия в исторических отчетах и признании итогов о Нанкинской резне посеяла семена взаимного политического антагонизма [17; 19; 21].

Более того, мифологема унижения и виктимизация заставили Китай принять относительно гоббсовское представление о международной системе, которое подразумевает упорядочивание мировых дел более сильными государствами. Основной принцип сводится к национальной силе: сильные государства могут диктовать условия международного порядка, в то время как более слабые государства могут только подчиняться из-за неравного распределения власти. Это имеет серьезные последствия для того, как Китай взаимодействует с крупными державами. Воспринимая мир как конкурентную арену, Китай чувствует себя обязанным расширять свою национальную мощь, чтобы защитить себя от внешних угроз, таких как оккупация и интервенция [7; 13]. В результате националистические настроения, порожденные риторикой виктимизации в исторической памяти, заставили китайское государство опасаться усиления иностранного господства и рассматривать внешний мир как враждебный.

Материалы и методы

Для проведения исследования были использованы материалы на китайском языке для выявления содержания и понимания исторической памяти как политического феномена в дискурсе современной китайской общественно-политической мысли. Выборка изученных трудов позволила выявить первопричины важности истории у китайского народа. Отдельно посредством качественного контент-анализа были изучены высказывания председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина для анализа влияния философии текущего лидера Китая на формирование сущности исторической памяти с китайской спецификой.

Результаты исследования

Уроки истории – ключ к процветанию китайской нации

Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин неоднократно указывал, что китайский народ должен изучать историю партии и страны, знать историю, любить партию и любить страну. Как отметил Си Цзиньпин в одном из своих выступлений, «история нации – это основа для ее выживания и процветания» [14].

Отметим, что национальная история не только сохраняется в различных формах текстов, физических объектов, изображений и других записей, но и аксиологически запечатлена в национальной исторической памяти народа. В политическом же плане важно то, что при изучении, популяризации и развитии образования в области национальной истории наблюдается тренд на сохранение исторической памяти и опыта в разных форматах и на разных языках, формирование научного, исторического, национального, государственного и культурного мировоззрения, а также на направление исторической политики, отражающей сущность исторической памяти нации [2].

Как отмечает современное китайское научное сообщество, правильное формирование и направление национальной исторической памяти народа сопряжено со многими серьезными трудностями [20]. Существует большой разрыв между содержанием и формой пропаганды, образования и распространения национальной истории и познавательными потребностями людей. Информация, связанная с национальной историей, в Интернете и других новых средствах массовой информации носит неоднозначный характер [5], что мешает правильному пониманию национальной истории; исторический нигилизм, такой как искажение истории, очернение страны, очернение лидеров и клевета на национальных героев, до сих пор имеет широкое распространение [10]. При этом, как закономерно прокомментировал китайский ученый Чжэн Ван, исторический опыт и историческое познание любого человека неизбежно несут в себе ограниченность или односторонность из-за особенности отдельно взятой личности, что, в свою очередь, влияет на способность людей формировать объективную, всестороннюю и правильную национальную историческую память [12].

Ознакомление же с официальной позицией китайского правительства показывает, что пропаганда и просвещение в области национальной истории должны быть направлены на всестороннюю, систематическую и научно обоснованную позитивную пропаганду с целью создания мощной позитивной энергии, отражающей основное течение, суть и закономерности национальной истории [3; 8]. Вместе с тем в вопросах, касающихся политических принципов, Китай все же придерживается философии материализма: «Мы должны обладать высокой степенью политической проницательности, глубоко понимать природу и вред исторического нигилизма, целенаправленно противостоять историческому нигилизму и опровергать его, а также использовать строгую академическую критику и анализ для различения исторической правильности и неправильности и прояснения неясных представлений» [16].

Несомненно, целенаправленное формирование и направление исторической памяти страны играет важную роль в укреплении исторической идентичности, построении исторического консенсуса и работает на укрепление обороны страны [1]. Именно поэтому интересно обратиться к мыслям, содержавшимся в выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина, философии которого посвящено немало китайской литературы, связанной с сохранением исторической памяти китайского народа об опыте борьбы с японскими захватчиками.

Философское осмысление феномена исторической памяти современным китайским материализмом

По словам китайского теоретика Чжан Ливэня, философия – это «суть духа времени, а китайская философия горда, как облака и туман, сильна, как ветер и дождь, она размышляет обо всех аспектах, находит источник сердца, проникает глубоко и далеко и адаптируется к изменениям. Он проливает свет на историю философии, пробуждая в нас мудрость китайской цивилизации, делая любовь к восточной мудрости особенно яркой и блестящей»[1]. При этом автор небезынтересно подчеркивает, что «страна без исторической памяти и теоретического мышления не имеет будущего»[2]. Страна без теоретического мышления не имеет будущего, а китайская нация, как известно, имеет более 5 000 лет истории. За это время ее представителями создано множество трудов, дошедших до наших дней, таких как «Книга перемен», «Дао дэ цзин», «Лунь Юй», «Мо-цзы», «Искусство войны», «Четыре книги», «Наставления для практической жизни» и «Комментарий к истинной истории Конфуция».

Как было отмечено выше, философия Си Цзиньпина является основополагающей для понимания современного вектора развития китайской мысли – как политической, так и общественной в широком смысле. Поэтому уместно обратиться к положениям его выступлений, проанализированных отделом пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Китая в работе «Вопросы и ответы по изучению дипломатической мысли Си Цзиньпина» [14], дабы найти отражение в китайской исторической памяти опыта японского захватничества.

Традиционное китайское восприятие времени и места своей страны в мире диктует и поэтичность современного китайского понимания феноменов бытия. К примеру, Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что история – это самая глубокая общая память страны и нации, она записывает прошлые битвы и страдания народа и возвещает о яркости и славе будущего, история – лучший учебник [14; 15; 18]. Нельзя не вспомнить акцент в китайской философии на понятии «дао» («путь»), и именно новый путь предлагает Китаю его современная мысль.

При этом лидер КНР отмечает, что «чтобы провести глубокое исследование войны сопротивления китайского народа японской агрессии, мы должны придерживаться правильной исторической перспективы, усилить планирование и интеграцию сил, усилить сбор и организацию исторических материалов и усилить работу по пропаганде общественного мнения, позволить истории говорить, использовать исторические факты, чтобы говорить, и сосредоточиться на изучении и глубоком толковании основных вопросов, таких как огромное значение войны сопротивления китайского народа японской агрессии, важное место войны сопротивления китайского народа японской агрессии в мировой антифашистской войне и роль Коммунистической партии Китая как оплота победы войны сопротивления китайского народа японской агрессии» [14]. Си Цзиньпин не только указывает на руководящую идеологию, методы и фокус, которых необходимо придерживаться при изучении истории войны сопротивления японской агрессии, но и определяет ориентиры относительно того, как Китай сегодня и даже мир могут правильно понять прошлое, осознать настоящее и создать будущее, пройти правильную дорогу к всеобщей гармонии.

1 张立文. 中国哲学之道 [Дао китайской философии]. [The Dao of Chinese Philosophy]. URL: http://www.qstheory.cn/culture/2020-04/13/c_1125847277.htm.
2 Там же.

В этой связи подчеркивается и образ Китайской Народной Республики как своеобразного феникса, восставшего для победы над интервентами. В частности, интересен следующий сюжет: «Победа 70 лет назад (речь Си Цзиньпина, приведенная в данной цитате, датируется 2015 годом – прим. К.Е.) стала первой полной победой Китая в сопротивлении иностранному вторжению в современную эпоху, и она восстановила статус нашей страны как крупной державы в мире. Люди, которые когда-то были разрознены, объединились под знаменем Национального единого антияпонского фронта, пропагандируемого Коммунистической партией Китая, и построили Великую стальную стену, которую враг не смог преодолеть. Именно благодаря сильному политическому руководству Коммунистической партии Китая, ее практическим стратегическим предложениям, ее гибким и маневренным военным стратегиям и ее героической борьбе без страха перед могущественными врагами надежда китайского народа зажглась в самый темный момент истории, был указан правильный путь для китайской нации к достижению поворотного момента в ее судьбе, и 400 миллионов соотечественников собрались вместе, чтобы разделить огромную силу для противостояния национальному кризису. Глубокое исследование истории войны сопротивления японской агрессии должно глубоко объяснить основные вопросы, такие как огромное значение войны сопротивления японской агрессии, важное положение войны сопротивления Китая японской агрессии в мировой антифашистской войне и стержневая роль Коммунистической партии Китая как ключа к победе в войне сопротивления японской агрессии. Оно глубоко показывает, что руководство нашей партии Китаем является выбором истории и народа и является основной гарантией для реализации великого возрождения китайской нации» [14]. Обращает на себя внимание заключительные мысли, которые содержат одну из ключевых идей современной китайской политической риторики в виде великого возрождения китайской нации. Это в основном внешнеполитическое заявление содержит целевую установку в виде реализации «китайской мечты», образ которой тесно связан с Председателем КНР Си Цзиньпином с самого начала его вступления в должность в 2012 г. «Китайская мечта» представляет собой стремление Китая вернуть свою славу и мощь, которая, как утверждается, была разрушена иностранными державами во время «века унижения» в конце XIX – начале XX в., и превратить Китай в развитую и ведущую страну к 2049 г. Таким образом, интересно взаимопроникновение исторической и внешней политики КНР, активизация желаний и чаяний китайского народа изнутри путем поднятия национального духа.

О драматическом прошлом, в котором смогла выстоять страна, напоминает и Председатель КНР: «Великий дух истории должен передаваться по наследству из поколения в поколение. Под железным копытом японского фашизма земля Китая превратилась в сущий ад. Но яростная резня захватчиков не смогла напугать единый китайский народ. Испытание кровью и огнем, борьба между жизнью и смертью выковали великий дух сопротивления. Китайский народ показал миру свое патриотическое чувство, что каждый человек несет ответственность за подъем и падение страны, свою национальную целостность, состоящую в том, чтобы хладнокровно встречать смерть и не сдаваться, свой героический дух, не боящийся насилия и борющийся до конца, и свою непреклонную и непоколебимую веру в победу» [14]. Действительно, у нации без исторической памяти нет будущего, и закономерно, что только помня о великой истории Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам, выкованной кровью и ценой человеческих жизней, помня о подвигах китайского народа в деле защиты национальной независимости и свободы, защиты суверенитета и достоинства Родины, помня о великом вкладе китайского народа в победу во Второй мировой войне и продолжая дух Войны сопротивления Японии, Китай пытается создать новое будущее, обращаясь к своей истории, защищая национальное достоинство и честь, содействуя развитию и прогрессу человечества.

Подводя итоги, Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин предложил научно-исторический взгляд, основанный на его понимании долгосрочных, масштабных и целостных тенденций мирового исторического развития, а также на широком контексте великих изменений в мире, невиданных за столетие, и общей стратегической картине великого возрождения китайской нации. Такое видение предполагает активное развитие исторической сознательности китайского народа и одновременно содержит некоторые признаки реванша. Как подчеркнул Си Цзиньпин, «народ является движущей силой создания истории. Мы, коммунисты, никогда не должны забывать этот основополагающий принцип исторического материализма» [14].

Выводы

Недавняя активизация исторической памяти о Второй мировой войне и японской интервенции в Китае была в значительной степени обусловлена централизованно спланированным и систематически осуществляемым изменением дискурса, которое осталось незамеченным в профильной литературе. Некогда доминировавший образ «национальной виктимизации» больше не является основным в риторике КПК о Второй мировой войне. При правительстве Си Цзиньпина общественный нарратив сменился в сторону декларации о «национальной победе» и «национальном величии», направленной на укрепление легитимности Пекина и продвижение его целей в области внутренней и внешней политики.

Как принято говорить в Китае, китайский народ восстал при Мао Цзэдуне, разбогател при Дэн Сяопине и становится сильнее при Си Цзиньпине. Новая эра требует нового дискурса, соответствующего нынешним целям и амбициям. Именно в этом ключе происходит и переосмысление Си Цзиньпином памяти о Второй мировой войне. По сравнению с предыдущими парадигмами новая линия исторической политики более инклюзивна и содержит четкие уроки – и скрытые предупреждения – для настоящего и будущего. Ключевым вопросом будет то, насколько этот более уверенный и амбициозный новый дискурс устоит перед лицом растущего глобального давления на Китай.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Система ценностей и оборона страны [System of Values and Defense of the Country] // Место и роль армии в российском обществе: социологический анализ: материалы научной конференции / под ред. профессора В.И.Добренькова. М.: КДУ, 2007. С. 146–159.
2. Доронин Б.Г. Китай: Историческая память как основа национальной государственности (взгляд китайского историка) [China: Historical Memory as the Basis of National Statehood (from the Perspective of a Chinese Historian)] // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 137–149.
3. Киселёва А.Р. Влияние исторической памяти китайцев о Китайско-японской войне 1937–1945 гг. на современные отношения между Китаем и Японией [Influence of Chinese Historical Memory of the Sino-Japanese War of 1937–1945 on Modern Relations between China and Japan] // Россия в глобальном мире. 2022. № 24(47). С. 23–36.
4. Лапина З.Г., Шилин К.И., Дяхова Д.В. Социализм с китайской спецификой (конфуцианские истоки) [Socialism with Chinese Characteristics (Confucian Origins)] // Национальные концепции социализма и судьбы России. М.: ИД Граница, 2004. С. 225–233.
5. Ракитянский Н.М. Потенциал и проблемы китайского политического менталитета в эпоху интернета [Potential and Problems of Chinese Political Mentality in the Internet Era] // Государственное управление в эпоху интернета: сборник публикаций Международной научной конференции. Шанхай, 2016. С. 263–280.
6. Сериков А.Е. Восприятие времени в китайской культуре [Perception of Time in Chinese Culture] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2(20). С. 50–61.
7. Тихомиров А., Тихомирова К. Китайское миропонимание. Обзор китайской философии [Chinese Worldview. Review of Chinese Philosophy]. М.: Литров, 2022. 86 с.
8. Хубриков Б.О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее [Historical Policy in Modern China: Constructing the Past, Imagining the Future] // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 3. С. 145–156.
9. Lary D. The Chinese People at War: Human Suffering and Social Transformation, 1937–1945. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 148–152.
10. Xu Guoqi. Historical Memories and China's Changing Views of East Asia // The Journal of American-East Asian Relations. 2002. Vol. 11. № 1/4. P. 41–57.
11. Yang Lijun. A Clash of Nationalisms: Sino-Japanese Relations in the Twenty-First Century // China-Japan Relations in the 21st Century: Antagonisms Despite Interdependency / ed. Lam Peng Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 88–89.
12. Zheng Wang. National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China // International Studies Quarterly. 2008. Vol. 52. № 4. P. 784.
13. 中国站路文化换成与发展 [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. [The Inheritance and Development of Chinese Strategic Culture]. 北京 (Пекин): 時事出版社 (Издательство «Текущие события»), 2008. 頁 (страница) 71.
14. 习近平外交思想学习问答 (Вопросы и ответы по изучению дипломатической мысли Си Цзиньпина) [Questions and Answers on Studying Xi Jinping's Diplomatic Thought]. 北京 (Пекин): 人民出版社 (Народное издательство), 2023.
15. 国际形势和中国外交蓝皮书. 2023/2024 (Данные о международной ситуации и «Синяя книга китайской дипломатии». 2023/2024) [International Situation and China's Blue Book of Diplomacy. 2023/2024]. 北京 (Пекин), 2024.
16. 李榭熙.中國的第三世界政策與地緣政治策略 (Ли Сеси. Политика Третьего мира и геостратегическая стратегия Китая) [China's Third World Policy and Geostrategic Strategy] // 香港社會科學學報 (Гонконгский журнал социальных наук). 2009. 春-夏(Весна-лето). 頁 (страница) 139–161.
17. 王岳川, 胡淼森. 文化战略 (Ван Юечуань, Ху Мяосэн. Культурная стратегия) [Cultural Strategy]. 上海 (Шанхай): 复旦大学出版社出版 (Издательство университета Фу дань), 2010.
18. 王帆. 中国外校战略选择 (Ван Фань. Дипломатический стратегический выбор Китая) [Diplomatic Strategic Choice of China]. 北京 (Пекин), 2023.
19. 葉江. 全球治理與中國的大國戰略轉型 (Е Цзян. Глобальное управление и Большая стратегия Китая) [Global Governance and China's Grand Strategy]. 北京 (Пекин): 時事出版社 (Издательство «Текущие события»), 2010.
20. 韩源.中国国家文化安全形势与站路(Хань Юань. Ситуация и стратегия национальной культурной безопасности Китая) [Situation and Strategy of China's National Cultural Security]. 北京 (Пекин): 光明日报出版社 (Издательство газеты «Гуанмин»), 2023. 頁 (страница) 162.
21. 齐建华.影响中国外交决策的五大因素 (Ци Цзянхуа. Пять факторов, влияющих на дипломатические решения Китая) [Five Factors Influencing China's Diplomatic Decisions]. 中央编译出版社出版 (Центральное издательство сборников), 2010.

Информация об авторе

КОЖУХОВА Кира Евгеньевна. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. https://orcid.org/0000-0002-1725-3042. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1. kira.kozhuhova@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belozerov V.K. System of Values and Defense of the Country. In: The Place and Role of the Army in Russian Society: Sociological Analysis: Materials of the Scientific Conference. Ed. by Professor V.I.Dobrenkov. Moscow: KDU [KDU], 2007:146–159 [In Russian].
2. Doronin B.G. na: Historical Memory as the Basis of National Statehood (from the Perspective of a Chinese Historian). Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2016; 54:137–149 [In Russian].
3. Kiseleva A.R. Influence of Chinese Historical Memory of the Sino-Japanese War of 1937-1945 on Modern Relations between China and Japan. Rossiya v global'nom mire [Russia in the Global World]. 2022; 24(47):23–36 [In Russian].
4. Lapina Z.G., Shilin K.I., Dyakhova D.V. Socialism with Chinese characteristics (Confucian Origins). In: National concepts of socialism and the fate of Russia. Moscow: ID Granica [Publishing house Frontier], 2004:225–233 [In Russian].
5. Rakityansky N.M. Potential and Problems of Chinese Political Mentality in the Internet Era. Public Administration in the Internet Age: Collection of Publications of the International Scientific Conference. Shanghai, 2016:263–280 [In Russian].
6. Serikov A.E. Perception of Time in Chinese Culture. Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya "Filosofiya. Filologiya" [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology"]. 2016; 2(20):50–61 [In Russian].
7. Tikhomirov A., Tikhomirova K. Chinese Worldview. Review of Chinese Philosophy. Moscow: Lytrov [Lytrov], 2022. 86 p. [In Russian].
8. Khubrikov B.O. Historical Policy in Modern China: Constructing the Past, Imagining the Future. Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]. 2022; 13(3):145–156 [In Russian].
9. Lary D. The Chinese People at War: Human Suffering and Social Transformation, 1937–1945. New York: Cambridge University Press, 2010:148–152 [In English].
10. Xu Guoqi. Historical Memories and China's Changing Views of East Asia. The Journal of American-East Asian Relations. 2002; 11(1/4):41–57 [In English].
11. Yang Lijun. A Clash of Nationalisms: Sino-Japanese Relations in the Twenty-First Century. In: China-Japan Relations in the 21st Century: Antagonisms Despite Interdependency. Ed. Lam Peng Er. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017:88–89 [In English].

12. Zheng Wang. National Humiliation, History Education, and the Politics of Historical Memory: Patriotic Education Campaign in China. International Studies Quarterly. 2008; 52(4):784 [In English].
13. 中国站路文化换成与发展. 北京. 時事出版社, 2008. 頁71. (The Inheritance and Development of Chinese Strategic Culture. Beijing: Shishi Chubanshe, 2008:71) [In Chinese].
14. 习近平外交思想学习问答. 北京. 人民出版社, 2023 (Questions and Answers on Studying Xi Jinping's Diplomatic Thought. Beijing: People's Publishing House, 2023) [In Chinese].
15. 国际形势和中国外交蓝皮书. 2023/2024. 北京, 2024 (International Situation and China's Blue Book of Diplomacy. 2023-2024. Beijing, 2024) [In Chinese].
16. 李榭熙. 中國的第三世界政策與地緣政治策略. 香港社會科學學報. 2009. 春-夏. 頁 139–161. (Li Xiexi. China's Third World Policy and Geostrategic Strategy. Xianggang shehui kexue bao [Hong Kong Social Science Journal]. 2009; Spring–Summer:139–161) [In Chinese].
17. 王岳川, 胡淼森. 文化战略. 上海: 复旦大学出版社出版, 2010 (Wang Yuechuan, Hu Miaoxian. Cultural Strategy. Shanghai: Fudan University Press, 2010) [In Chinese].
18. 王帆. 中国外校战略选择. 北京, 2023 (Wang Fan. Diplomatic Strategic Choice of China. Beijing, 2023) [In Chinese].
19. 葉江. 全球治理與中國的大國戰略轉型. 北京: 時事出版社, 2010 (Ye Jiang. Global Governance and China's Grand Strategy. Beijing: Shishi Chubanshe, 2010) [In Chinese].
20. 韩源.中国国家文化安全形势与站路. 北京: 光明日报出版社, 2023. 頁 162. (Han Yuan. Situation and Strategy of China's National Cultural Security. Beijing: Guangming Daily Press. 2023:162) [In Chinese].
21. 齐建华.影响中国外交决策的五大因素. 中央编译出版社出版, 2010 (Qi Jianghua. Five Factors Influencing China's Diplomatic Decisions. Central Compilation Press. 2010) [In Chinese].

About the author

Kira E. KOZHUKHOVA. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0002-1725-3042. Address: Build. 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. kira.kozhuhova@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: April 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья Исторические науки
УДК 911.3:930(571.6):028.23
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-183-195

Вклад русских ученых XIX – начала XX в. в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период

Наргис Джомиевна Ходжаева✉

Институт истории, археологии и этнографии имени А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан
rangha@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-6540-0915

Аннотация. Статья посвящена анализу вклада отечественных ученых XIX – начала XX столетия в формирование научной историографии исторической географии Центральной Азии домонотеистического (доисламского) периода. В центре внимания находится интерпретация авестийской географической традиции, реконструируемой на основе корпуса письменных памятников, среди которых ключевое место занимают тексты «Авесты» и последующая пехлевийская литература. Автор проводит детальный критический разбор отчетов и дневников русских научных экспедиций, в которых систематически фиксировались топонимические, гидрографические и орографические характеристики региона, а также его этнокультурные и антропологические особенности. Применение междисциплинарной методологии, интегрирующей методы картографирования, герменевтический анализ письменных источников и эмпирические полевые наблюдения, позволило впервые осуществить комплексную систематизацию и локализацию древнейших географических объектов Центральной Азии. Особое значение придается идентификации

© Ходжаева Н.Д., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

оронимов и гидронимов, упоминаемых в авестийском каноне, и их корреляции с современной географической номенклатурой. В статье также рассматривается эвристический потенциал этих изысканий для реконструкции этнокультурной идентичности таджикского народа как прямого этногенетического и культурного преемника древнеиранских этносов, а также для воссоздания историко-культурного ландшафта, в лоне которого происходило становление и развитие зороастрийской религиозной традиции. Собранные и проанализированные русскими исследователями материалы представляют собой уникальный источниковый базис для дальнейших академических штудий в области авестийской географии и биографической реконструкции жизненного пути пророка Заратуштры.

Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа» (III – начало XX в.).

Ключевые слова: Центральная Азия, историческая география, «Авеста», Памир, русские исследователи, топонимия, гидронимы, этнография

Для цитирования: Ходжаева Н.Д. Вклад русских ученых XIX – начала XX в. в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 183-195, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-183-195

its ethnocultural and anthropological features. The application of an interdisciplinary methodology integrating mapping methods, hermeneutic analysis of written sources and empirical field observations allowed for the first time to carry out a comprehensive systematization and localization of the oldest geographical objects of Central Asia. Special importance is attached to the identification of oronyms and hydronyms mentioned in the Avestan canon and their correlation with modern geographical nomenclature. The article also examines the heuristic potential of these studies for reconstructing the ethno-cultural identity of the Tajik people as a direct ethnogenetic and cultural successor of the ancient Iranian ethnic groups, as well as for recreating the historical and cultural landscape in which the formation and development of the Zoroastrian religious tradition took place. The materials collected and analyzed by Russian researchers represent a unique source base for further academic studies in the field of Avestan geography and biographical reconstruction of the life path of the Prophet Zarathustra.

The article was written within the framework of the project “History of the Tajik people” (III – early XX century).

Keywords: Central Asia, historical geography, Avesta, Pamirs, Russian scholars, toponymy, hydronyms, ethnography

For citation: Khojaeva N.J. The Contribution of Russian Scientists of the 19th – early 20th Century to the Study of the Historical Geography of Central Asia in the Pre-Islamic Period. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 183-195, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-183-195

Original Article Historical Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-183-195

The Contribution of Russian Scientists of the 19th – early 20th Century to the Study of the Historical Geography of Central Asia in the Pre-Islamic Period

Nargis J. Khojaeva✉

Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A.Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
rangha@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-6540-0915

Введение

Современные научные связи между Россией и Республикой Таджикистан, а также другими государствами Центральной Азии, занимают важное место в гуманитарных исследованиях последних десятилетий. Активное сотрудничество в области археологии, востоковедения, этнологии, культурного наследия, в том числе и исторической географии, опирается не только на общепринятые нормы нашего времени, но и на давние традиции изучения региона российскими исследователями.

Истоки этой научной преемственности восходят к периоду присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX в. Российская наука XIX – начала XX в. выработала уникальную традицию комплексных исследований Центральной Азии, сочетающих археологию, этнографию, историческую географию, источниковедение (персидские, тюркские, согдийские и китайские рукописи) и лингвистику.

В этот период формируются первые систематические исследования исторической географии региона, начинается сбор этнографического, топонимического, археологического и лингвистического материала, создаются первые детальные карты территории, фиксируются древние и средневековые названия, значительная часть которых в последующие десятилетия была утрачена или изменена.

Основателями изучения исторической географии Центральной Азии принято считать одного из учредителей Русского географического общества (РГО), географа и путешественника П.А.Чихачёва (1812–1892), а также выдающегося естествоиспытателя и путешественника П.П.Семёнова-Тян-Шанского (1827–1914). Эти исследователи стали первыми европейскими учеными, посетившими районы Памира и Тянь-Шаня.

В 1848 г. П.А.Чихачёв отправился на Памир, стремясь уточнить истоки Амударьи. Он впервые дал научное описание этой высокогорной территории и проследил историю ее изучения от древности до своего времени, а также составил одну из первых предполагаемых карт Памира. Именно П.А.Чихачёв впервые указал на важное геополитическое значение региона для Российской империи, подчеркивая, что здесь «неизбежно должны столкнуться интересы России и Великобритании за влияние в Центральной Азии» [28, с. 23-24].

В 1856–1857 гг. П.П.Семёнов-Тян-Шанский по поручению РГО предпринял научную экспедицию на Алтай, Алатау и в Тянь-Шань. Он стал первым, кто составил научно обоснованное описание Тянь-Шаня, подготовил подробные топографические и физико-географические карты этих районов и заложил основу для последующей историко-географической реконструкции древних миграционных путей и торговых трасс.

Русские ученые XIX – начала XX в. заложили основу для дальнейших ориенталистических исследований, а их труды до сих пор остаются важнейшим источником по исторической географии Центральной Азии в доисламский период. Именно их полевые наблюдения, описания географической номенклатуры, включая топонимы, гидронимы и оронимы Центральной Азии, а также локальных традиций позволяют сегодня по-новому осмыслить данные древних письменных источников – зороастрийских («Авеста» и пехлевийская литература), античных и китайских.

Уникальность вклада русских ученых в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период заключается в том, что именно они первыми систематически приступили к научному описанию географии региона. Особое значение имеет сочетание полевых экспедиций, картографирования и глубокого анализа письменных источников – подход, который на Западе не был широко применен до середины XX в.

В настоящей статье анализируется вклад русских ученых XIX – начала XX в. в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период на основе зороастрийских письменных памятников – «Авесты» и пехлевийской литературы. Особое внимание уделяется локализации оронимов, гидронимов, топонимов и места обитания племен, упоминаемых в «Авесте» – каноническом своде текстов зороастризма, религии древних иранских народов, а также значению собранных русскими учеными полевых материалов для реконструкции древнеиранского пространства.

Материалы и методы

В статье использованы труды русских востоковедов XIX – начала XX в., занимавшихся изучением авестийской географии. Также использованы отчеты русских ученых полевых исследований в Центральной Азии, в которых содержатся подробные сведения по гидрографии, орографии топонимии горных районов Центральной Азии.

Автор использовал методы сравнительного исторического анализа первоисточников, трудов русских востоковедов и отчетов русских ученых полевых исследований в Центральной Азии и объективной оценки заслуг русских ученых.

Результаты исследования

Центральная Азия, расположенная в центральной части Евразийского материка, испокон веков представляла собой территорию пересечения культур, хозяйственных укладов и миграционных потоков. В пределах этого региона на протяжении тысячелетий взаимодействовали как кочевые скотоводческие племена, так и оседлые земледельческие общины, что сформировало сложную этнокультурную и историко-географическую картину. Особое значение Центральная Азия приобрела и как составная часть системы древнейших торговых путей, включая трансконтинентальный маршрут Великого шелкового пути.

Изучение исторической географии Центральной Азии в доисламскую эпоху связано с необходимостью реконструкции древних оронимов, гидронимов и топонимов, определения ареалов проживания племен, а также восстановления локализации государственных образований, упоминаемых в письменной традиции. Доисламский период, охватывающий временную рамку от второй половины II тыс. до н.э. до начала VIII в., характеризуется высокой динамикой этнических процессов и культурных трансформаций, что делает его изучение особенно сложным и значимым.

Невозможно переоценить вклад русских исследователей XIX – начала XX в. в изучение исторической географии Центральной Азии в доисламский период. Благодаря их полевым наблюдениям, топографическим данным и этнографическим материалам были заложены основы современной науки о древней географии Центральной Азии, включая важнейший ее пласт – авестийскую географию.

Русские исследователи и становление изучения авестийской географии

Интерес к авестийской географии в российской научной среде начинает активно развиваться во второй половине XIX в. Это было обусловлено как

развитием отечественного востоковедения, так и включением Средней Азии в состав Российской империи. Среди основных народов региона значительное место занимали таджики, язык которых относится к западной подгруппе иранских языков, входящих в более широкое индоиранское семейство – одну из ключевых восточных ветвей индоевропейской языковой семьи [30, p. 344; 31, p. 1]. В этот период русские ученые обращаются к вопросам локализации прародины индоиранских племен Арианам-Вайджа («Арийский простор»; авест. airiianəm vaējah – или airiianəm vaējō-), упомянутой в этом литературном памятнике. Это географическое название встречается в различных частях «Авесты», включая «Видевдат» (Vd. 1.1-2; 2.20-21, «Ясну» (Ya. 9.14) и «Яшты» (Yt. 1.21; 5.17, 104; 15.2; 17.45) [1; 29].

Одним из первых значимых трудов стал русский перевод «Авесты», сопровождаемый транскрипцией и комментариями, опубликованный К.А.Коссовичем в 1861 г. [15]. Его исследования положили начало отечественной научной дискуссии о сопоставлении авестийских географических реалий с реальной картиной Центральной Азии. Позднее к этим вопросам обращались Н.В.Ханыков [см.: 20, с. 24–28], З.А.Рагозина [19], К.И.Иностранцев [13, с. 284-318; 14, с. 891-895] и др., которые внесли вклад в интерпретацию ряда оронимов и гидронимов, встречающихся в священном тексте.

Особое место занимает деятельность В.В.Бартольда, чей труд «Историко-географический обзор Ирана» [8, с. 31-228] и статьи из «Энциклопедии ислама» [6, с. 319-325; 7, с. 491-493] до сих пор сохраняют фундаментальное значение. Ученый систематизировал сведения о древних областях Ирана и Средней Азии, проведя сравнительный анализ «Авесты», арабо-персидских хроник и китайских летописей, сопоставляя сведения письменных источников с данными археологии.

Следует подчеркнуть, что в большинстве исследований, при сопоставлении авестийских географических названий данные о топонимии, орографии и гидрографии Центральной Азии, особенно труднодоступных горных районов Таджикистана и Афганистана, оставались мало учтенными. Кроме того, авестийские географические реалии интерпретировались преимущественно на основе античной литературы, что зачастую приводило к неточным или умозрительным локализациям.

Тем самым отчеты русских путешественников и исследователей конца XIX – начала XX в. имеют особую ценность: они фиксировали древнюю топонимию, орографию и гидрографию, которые в советское время были утрачены.

Этнографические и топографические материалы русских исследователей

После включения Средней Азии в состав России Русское географическое общество (РГО) стало одним из основных центров, формировавших знания о данном регионе. Особое внимание в исследованиях РГО уделялось Памиру. Русских ученых, работавших на Памире, особо интересовал вопрос о происхождении самого топонима. Обращаясь к этимологии названия, М.И.Чайкин указывал, что термин «Памир» относительно молод и «имеет минимальную давность – тысячу двести пятьдесят лет» [27, с. 163-164]. Ученый связывал его с санскритским корнем mīr («озеро»), который, по его мнению, лежит в основе таких названий, как Памир, Кашмир и Аймир. М.И.Чайкин предполагал, что форма «Памир» возникла как производная от выражения «Упа-Меру», трактуемого им как «страна, расположенная над озером» [27, с. 164].

Эту гипотезу развивал А.Серебренников, интерпретируя Упа-Меру иначе – как обозначение территории у подножия мифической горы Меру, которая, согласно древнеиндийской космографии, считалась центром обитаемого мира [22, с. 443].

Раскрывая особенности местного употребления топонима, исследователи отмечали, что киргизы используют названия «Памир» или «Памыль» прежде всего для обозначения реки, вытекающей из западной оконечности озера Зоркуль и впадающей в Вахан-Дарью выше крепости Кала-и-Пяндж – тогдашней столицы Вахана. Тем же именем в ряде случаев обозначается долина этой реки и само озеро [22, с. 434-435].

Показательно, что эпитет «Крыша мира», считающийся сегодня одним из самых распространенных образных названий Памира, встречается уже в XIX в. П.Чихачёв сообщал, что в местной традиции высокогорное плато Памир известно под названием «Бомъ-и Дуні ахъ», что переводится как «Крыша мира» [28, с. 15; 31].

В экспедициях РГО, направленных на изучение Памира и соседних горных областей, принимал участие А.П.Федченко, Д.Л.Иванов, Н.А.Аристов, В.П.Зайцев, И.И.Зарубин, М.С.Андреев, Д.Н.Логофет и мн. др. В их публикациях, размещенных в «Отчетах и записках Императорского Русского географического общества», «Русском антропологическом журнале», «Военном журнале», «Инженерном журнале», «Туркестанских ведомостях» и других изданиях, подробно описывались особенности быта, традиций, мировоззрения и культуры не только таджиков, но и различных народов региона. Эти сведения дают возможность сопоставить элементы традиционной культуры таджиков с древнеиранскими религиозными представлениями.

Так, о своих впечатлениях о таджиках А.П.Федченко пишет: «Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор еще хорошо сохранили свой тип... Жители долин, напротив, смешались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом» [25, с. 39-40]. Посетив Дарваз, Рушан, Шугнан и Каратегин, Д.Л.Иванов отмечал: «Взглянешь на таджика горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу

отличают арийское племя» [12, с. 240]. Таким образом, наблюдения А.П.Федченко и Д.Л.Иванова подчеркивают антропологическую и культурную специфику таджиков как наследников иранского населения.

Важно отметить, что именно русские ученые первыми обратили внимание на этнокультурную принадлежность таджиков, указывая на их происхождение от арийских народов. Так, А.Н.Самойлович пишет: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов. Была ли она колыбелью арийских племен, или арийцы пришли сюда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор остается еще спорным» [21, с. 34]. На арийское происхождение и зороастрийские элементы в культуре таджиков, особенно горных, также обращают внимание Н.А.Аристов [5, с. 71], В.П.Зайцев [10, с. 55], И.Минаев [17, с. 190], А. Серебренников [23, с. 68; 71] и др.

Особую ценность представляют топографические сведения о районах, связанных с авестийскими оронимами. Например, локализация гор Хара Березаити (авест. Harā Bərəzaitī) в пределах Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша подтверждается сохранившимися в таджикской топонимии корнями barz / varz (Варзоб, Варзиканд, Барози Кампирак, Сари Вароз и др.), упомянутыми исследователями Е.Воронцом [9, с. 547-586], Н.Маевым [16, с. 130-255], Л.Н.Соболевым [24, с. 163-718] и др. Это создает важную базу для реконструкции авестийской географической модели.

В процессе локализации гор Хара Березаити существенным оказалось обращение к этнографическому материалу, отражающему особенности трактовки сакрального огня. Описания М.С.Андреева [2, с. 12-18] и И.И.Зарубина [10] показывают устойчивость обрядов, связанных с огнем у современных горнобадахшанцев, что позволяет проследить связь с древнеиранскими культами и объясняет происхождение обычая алоухона – «домов огня», упоминаемых русскими учеными [3, с. 140-159, 303-319; 17, с. 1-30 и др.], посетившими Каратегин и Дарваз.

Авестийские гидронимы в свете данных русских исследователей

Особое внимание привлекает гидроним Вахви-Датия (авест. vaŋhuiiå dāitiiaiiå- vaŋhuuī dāitī-, vaŋuhīmdāt), традиционно идентифицируемый с Амударьей[1]. Однако среди русских исследователей существовала и иная точка зрения. Так, К.А.Иностранцев, анализируя пехлевийские источники, приходит к выводу, что Вахви-Датия – это Вахандарья, левая составляющая реки Пяндж [14, с. 893-895].

Работы М.С.Андреева [2] предоставляют ценные сведения о локальной топонимии верховьев Пянджа и его притоков, включая Вахджир – название, созвучное корню vaŋhuuī, что усиливает аргументацию в пользу отождествления Вахви-Датии с Амударьей. Зафиксированный им топоним Выранг позволяет сопоставить его с рекой Ранха (авест. raŋhā) [3, с. 39].

1 Об идентификации гидронима «Вахви-Датия» см.: [25, с. 105-134].

Выводы

Русские исследователи XIX – начала XX в. оставили богатейший корпус сведений по топонимии, орографии, гидрографии и этнографии Центральной Азии. Эти материалы дополняют сведения письменных источников и позволяют значительно продвинуться в решении таких вопросов, как локализация авестийских географических объектов и реконструкция историко-культурного пространства, в котором формировалась зороастрийская традиция.

Систематическое изучение отчетов русских путешественников, значительная часть которых до настоящего времени остается недостаточно исследованной, открывает новые возможности для анализа авестийской географии, реконструкции жизненного пути основателя зороастрийской религии Заратуштры, а также для изучения исторической географии Центральной Азии в доисламский период. Использование этих источников позволяет интегрировать историко-географические и культурологические данные, выявлять региональные особенности и реконструировать маршруты и пути миграций древних обществ, что делает исследование междисциплинарным и актуальным для современной науки.

Список литературы

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) [The Avesta in Russian Translations (1861–1996)]. Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В.Рака. СПб.: «Журнал Нева», «Летний Сад», 1998. 480 с.
2. Андреев М.С. «Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г.». Дневник [Journey from India to Turkestan by the Overland Route in 1907. Diary] // Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Фонд 3, Опись 1, Единица хранения 20, Лист 114.
3. Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан [Materials on the Ethnography of Iranian Tribes of Central Asia: Ishkashim and Wakhan] // Сборник материалов по археологии и этнографии. 1911. № 9. С. 4–41.
4. Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) [Darvaz and Karategin (An Ethnographic Essay)] // Военный сборник. 1883. № 11. С. 140–159; № 12. С. 303–319.
5. Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям (Продолжение) [Ethnic Relations in the Pamir Region and the Neighboring Countries According to Ancient, Primarily Chinese, Historical Accounts (Continuation)] // Русский антропологический журнал. 1900. Кн. 20. № 4. С. 62–197.
6. Бартольд В.В. Аму-Дарья [Amu Darya] // Статьи из «Энциклопедии ислама». М.: Наука, 1965. Т. III. С. 319–325.
7. Бартольд В.В. Сыр-Дарья [Syr Darya] // Статьи из «Энциклопедии ислама». М.: Наука, 1965. Т. III. С. 491–493.
8. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана [Historical and Geographical Overview of Iran] // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Наука, 1971. Т. VII. С. 31–228.

9. Воронец Е. Искандер-кульская экспедиция в 1870 г. (записки сапера) [Iskander-Kul Expedition in 1870 (Notes of a Sapper)] // Инженерный журнал. 1871. № 5. С. 547–586.
10. Зайцев В.П. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк (с картой) [The Pamir Country – the Center of Turkestan. A Historical and Geographical Essay (with a Map)]. Новый Маргелан: Типогр. ферганского обл. правл., 1903. 41 с.
11. Зарубин И.И. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук [Archive of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences]. Фонд 121. Единица хранения 277. Лист 15; Единица хранения 242. Лист 110.
12. Иванов Д.Л. Путешествие на Памир [Journey to the Pamirs] // Известия Р.Г.О. 1884. Т. XX, Вып. 3. С. 268–274.
13. Иностранцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса [On the Pre-Islamic Culture of the Khiva Oasis] // Журнал Министерства народного образования. 1911. Ч. XXXI (новая серия) С. 284–318.
14. Иностранцев К.А. Река Ērān-Вэджа в парсидской традиции [River Uran-Veja in the Parsi Tradition] // Известия Российской академии наук. 1917. Сер. VI., № 12. С. 891–895.
15. Коссович К.А. Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария [Four Chapters from the Zend-Avesta, with the Addition of a Transcription, Russian and Latin Translations, Commentary, Critical Notes, a Sanskrit Translation, and a Comparative Glossary]. СПб.: Типография Императорской Академии, 1861. 159 с.
16. Маев Н. Очерки Гиссарского края [Essays on the Hissar Region] // Материалы для статистики Туркестанского края. 1879. Вып. 5. С. 130–255.
17. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год) [Information About the Countries in the Upper Reaches of the Amu Darya (up to 1878)]. СПб.: Типогр. В.С.Балашова, 1879. 140 с.
18. Новицкий В.Ф. Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 г. [Trip to the Peter the Great Range in the Summer of 1903] // Известия Русского географического общества. 1904. Т. 40. Вып. 1–2. С. 1–30.
19. Рагозина З.А. Исторія Мидіи, второго Вавилонского царства и возникновенія Персидской державы [The History of Media, the Second Babylonian Kingdom, and the Rise of the Persian Empire]. СПб.: Изданіе А.Ф.Маркса, 1903. 537 с.
20. Риттер К. Иран [Iran]. Часть 1. Перевод и дополнения Н.В.Ханыкова. СПб.: Изд. Имп. Р.Г.О., 1874. С. 24–28.
21. Самойлович А.Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк [Western Turkestan from the Time of the Arab Conquest to Mongol Rule: A Historical and Geographical Essay]. СПб.: Типография «Столичная скоропечатня», 1903. 144 с.
22. Серебренников А. Очерк Памира [An Essay of the Pamirs] // Военный сборник. 1899. № 6. С. 432–444.
23. Серебренников А. Очерк Памира [An Essay of the Pamirs]. СПб.: Типогр. глав. упр. уделов, 1900. 97 с.
24. Соболев Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест Округа [Geographical and Statistical Information About the Zeravshan District with an Appendix List of Populated Areas of the District] // Записки Императорского Рус. геогр. об-ва по отд. статист. СПб.: Импер. АН. 1874. С. 163–718.
25. Федченко А.П. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 25 октября 1868 г. по 15 апреля 1869 г.) [First Report of the Turkestan Scientific Expedition of the Imperial Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography Enthusiasts (from October 25, 1868, to April 15, 1869)] // Московские университетские известия. 1869. № 7. С. 439–468.
26. Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период [Historical Geography of Central Asia in the Pre-Islamic Period]. Душанбе: Дониш, 2017. 380 с.
27. Чайкин М.И. Географический очерк Восточного Памира. Извлечения из доклада М.И.Чайкина [A Geographical Essay of the Eastern Pamir. Extracts from the Report by M.I.Chaikin] // Изв. Турк. отд. Рус. геогр. об-ва. Ташкент: Типогр. Я.П.Эдельмана, 1914. Т. 10. Вып. I. С. 163–185.
28. Чихачев П. Об исследовании вершины Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памиръ [On the Exploration of the Sources of the Syr and Amu Darya and the Upland Plateau of the Pamir] // Записки Русского Географического Общества. Кн. 3. СПб., Типогр. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1849. С. 50–70.
29. Avesta. URL: http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm.

30. Skjærvø P.O. Iran vi. Iranian Languages and Script // Encyclopaedia Iranica. Ed. by E.Yarsharter. London – New-York: Encyclopaedia Iranica Foundation, Inc., 2006. P. 344–377. URL: https://www.iranicaonline.org/articles/iran-vi-iranian-languages-and-scripts/.
31. Windfuhr G. Introduction to the Iranian Languages // The Iranian Languages. Ed. by G.Windfuhr. London- New-York: Routledge, 2009. P. 1–3.

Информация об авторе

ХОДЖАЕВА Наргис Джомиевна. Доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана. https://orcid.org/0009-0005-6540-0915. Республика Таджикистан, 734025, пр. Рудаки, 33. rangha@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 февраля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. The Avesta in Russian Translations (1861–1996). Compiled and Ed., with Notes and Reference Section by I.V.Rak. St. Petersburg: Journal Neva; Letniy Sad [Neva Journal; Summer Garden], 1998. 480 p. [In Russian].
2. Andreyev M.S. Journey from India to Turkestan by the Overland Route in 1907. Diary. Arhiv oriyentalistov. Institut vostochnyh rukopisei. Rossiiskaya academiya nauk [Archive of Orientalists. Institute of Oriental Manuscripts. Russian Academy of Sciences]. Fund 3, Inventory 1, Storage unit 20, Sheet 114 [In Russian].
3. Andreyev M., Polovtsev A.A. Materials on the Ethnography of Iranian Tribes of Central Asia: Ishkashim and Wakhan. Sbornik materialov po archeologii i etnografii [Collection of Materials on Archaeology and Ethnography]. 1911; 9:4–41 [In Russian].
4. Arandarenko G. A. Darvaz and Karategin. (An Ethnographic Essay). Voennyj sbornik [Military Collection]. 1883; 11:140–159; 1883; 12:303–319[In Russian].
5. Aristov N.A. Ethnic Relations in the Pamir Region and the Neighboring Countries According to Ancient, Primarily Chinese, Historical Accounts (Continuation). Russkii antropologicheskii jurnal [Russian Anthropological Journal].1900; 4:62–197[In Russian].
6. Barthold V.V. Amu Darya. Stat'i iz entsiklopedii Islama [Articles from the Encyclopaedia of Islam]. Moscow: Nauka, 1965; 3: 319–325 [In Russian].
7. Barthold V.V. Syr Darya. Stat'i iz entsiklopedii Islama [Articles from the Encyclopaedia of Islam]. Moscow: Nauka, 1965; 3: 491–493 [In Russian].
8. Barthold V.V. Historical and Geographical Overview of Iran. Raboty po istoricheskoi geografii i istorii Irana [Works on Historical Geography and the History of Iran]. Moscow: Nauka, 1971; 7: 31–228 [In Russian].

9. Voronets E. Iskander-Kul Expedition in 1870 (Notes of a Sapper). Inzhenernyi zhurnal [Engineering Journal]. 1871; 5: 547–586 [In Russian].
10. Zaitsev V.P. The Pamir Country – the Center of Turkestan: A Historical and Geographical Essay (with a Map). Novy Margelan: Tipografiya Ferganskogo oblastnogo pravleniya [New Margelan: Typography of the Fergana Regional Administration], 1903. 41 p. [In Russian].
11. Zarubin I.I. Archive of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Fond 121, Storage Unit 277, Sheet 15; Storage Unit 242, Sheet 110 [In Russian].
12. Ivanov D.L. Journey to the Pamirs. [Izvestiya (Herald) of the Russian Geographical Society]. 1884; 20, 3: 268–274 [In Russian].
13. Inostrantsev K.A. On the Pre-Islamic Culture of the Khiva Oasis. Zhurnal Ministerstva narodnogo obrazovaniya [Journal of the Ministry of Public Education]. 1911; 31, new series: 284–318 [In Russian].
14. Inostrantsev K.A. River Uran-Veja in the Parsi Tradition. Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 1917. VI, 12: 891–895 [In Russian].
15. Kossovich K.A. Four Chapters from the Zend-Avesta, with the Addition of a Transcription, Russian and Latin Translations, Commentary, Critical Notes, a Sanskrit Translation, and a Comparative Glossary. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk[Typography of the Imperial Academy of Sciences], 1861. 159 p. [In Russian].
16. Maev N. Essays on the Hissar Region. Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya [Materials for Statistics of the Turkestan Region]. 1879; 5: 130–255[In Russian].
17. Minaev I. Information About the Countries in the Upper Reaches of the Amu Darya (up to 1878) [Svedeniya o stranakh po verkhov'yam Amu-Daryi (po 1878 godu)]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balashova [Typography of V. S. Balashov], 1879. 140 p. [In Russian].
18. Novitsky V.F. Trip to the Peter the Great Range in the Summer of 1903. Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Izvestiya (Herald) of the Russian Geographical Society]. 1904; 40, 1–2:1–30 [In Russian].
19. Ragozina, Z. A. The History of Media, the Second Babylonian Kingdom, and the Rise of the Persian Empire. St. Petersburg: Izdanie A.F.Marksa [Publishing House of A.F.Marks], 1903. 537 p. [In Russian].
20. Ritter K. Iran. Part 1. Translated and supplemented by N.V.Khanykov. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obtschestva [Typography of the Imperial Russian Geographical Society], 1874:24–28 [In Russian].
21. Samoylovich A.N. Western Turkestan from the Time of the Arab Conquest to Mongol Rule: A Historical and Geographical Essay. St.Petersburg: Stolichnaya Skoropechatnya [Typography of the Capital Rapid], 1903. 144 p. [In Russian].
22. Serebrennikov A. An Essay of the Pamirs. Voennyy sbornik. [Millitary Collection].1899; 6:432–444 [In Russian].
23. Serebrennikov A. An Essay of the Pamirs. St. Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov [Typography of the Main Administration of Udel], 1900. 97 p. [In Russian].
24. Sobolev L.N. Geographical and Statistical Information on the Zeravshan District with an Appendix of the List of Settlements in the District. Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obtschestva po Otdelenity Statistiki [Notes of the Imperial Russian Geographical Society, Department of Statistics] St. etersburg: Tipografiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obtschestva [Typography of the Imperial Academy of Sciences], 1874: 163–718 [In Russian].
25. Fedchenko A.P. First Report of the Turkestan Scientific Expedition of the Imperial Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography Enthusiasts (from October 25, 1868, to April 15, 1869). Moskovskie universitetskie izvestiya [Herald of the Moscow University]. 1869; 7:439–468 [In Russian].
26. Khojaeva N.J. Historical Geography of Central Asia in the Pre-Islamic Period. Dushanbe: Donish, 2017. 380 p. [In Russian].
27. Chaikin M.I. A Geographical Essay of the Eastern Pamir. Extracts from the Report by M.I.Chaikin. Izvestiya Turkestanskogo Otdeleniya Russkogo Geograficheskogo Obtschestva [Izvestiya (Herald) of Turkestan Branch of the Russian Geographical Society]. Tashkent: Tipografiya Ya.P.Edel'man [Typography of Ya.P.Edelman], 1914; 10(I):163–185 [In Russian].
28. Chikhachev P. On the Exploration of the Sources of the Syr and Amu Darya and the Upland Plateau of the Pamir. Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]. St. Petersburg: Typography of the Second Department of His Imperial Majesty, 1849; 3: 50–70 [In Russian].
29. Avesta [In English]. Available from: http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm.

30. Skjærvø P.O. Iran vi. Iranian Languages and Script. Encyclopaedia Iranica. Ed. by E.Yarsharter. London – New-York: Encyclopaedia Iranica Foundation, Inc., 2006. P. 344–377 [In English]. Available from: https://www.iranicaonline.org/articles/iran-vi-iranian-languages-and-scripts/.
31. Windfuhr G. Introduction to the Iranian Languages. The Iranian Languages. Ed. By G. Windfuhr. London- New-York: Routledge, 2009:1–3 [In English].

About the author

Nargis J. KHOJAEVA. DSc. (Hist.). Leading Researcher of Department of Ancient, Medieval, and Modern History of Institute of History, Archaeology, and Ethnography named after A.Donish at National Academy of Sciences of Tajikistan. https://orcid.org/0009-0005-6540-0915. Address: 33, Rudaki Avenue, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. rangha@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: February 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE
РОССИЯ И МИР
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Неизменной позицией остается восстановление румынско-молдавской цивилизации и решение территориального вопроса. «Великая Румыния» была недолговечной мечтой, ставшей реальностью.

Азаренкова А.А.
Интерпретация Второй мировой войны как способ формирования общественного сознания Румынии

В настоящее время Германия эксплицитно декларирует готовность к ведению относительно проактивного вектора своей политики безопасности и обороны, претендуя на роль потенциально сильнейшей конвенциональной европейской армии.

Агафонова О.В.
Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры

Отсутствие систематического изучения не только периода Гражданской войны и диктатуры, но и переходного периода из-за ограничений в доступе к информации и архивам того времени приводит к навязыванию государством фиксированной позиции, воспроизводящей стереотипы, зависящие от партии у власти.

Пупышева М.В.
От забвения к признанию: политика памяти в Испании

…Введенный журналистами термин «берлусконизм» описывает не только популистский дискурс в итальянской политике, но гораздо более глубокое и масштабное явление, которое мы характеризуем как глобальный неопатримониальный тренд. В настоящее время данный тренд охватывает различные страны и регионы планеты, не исключая США и другие оплоты западной либеральной демократии.

Чайко И.В.
«Берлусконизм» как политический феномен: неопатримониальная интерпретация

Научная статья
УДК 32.01
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-198-212

Политические науки

Интерпретация Второй мировой войны как способ формирования общественного сознания Румынии

Алина Александровна Азаренкова ✉

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
azarenkova_alina99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-8466-3668

Аннотация. Формирование общественного сознания и историческая память как его компонент играют важную роль в конструировании национальной идентичности. В статье рассматривается румынское общественное сознание, в которое закладывается идея о «правильной» трактовке истории событий Второй мировой войны, а также проводимая в соответствии с ним историческая политика с официальной, научной и институциональной точки зрения. Изучается румынская и отечественная научная историческая мысль, материалы средств массовой информации, а также музеи и мемориалы. Анализируется, как воспоминания о военном периоде сохраняются и интерпретируются в современном румынском обществе, а также исследуется влияние отдельных сюжетов румынской истории на формирование национальной идентичности и общественного самосознания. Одной из спорных тем в исторической памяти Румынии о Второй мировой войне является оценка роли Румынии как сателлита нацистской Германии из-за угрозы со стороны Советского Союза и неимения потенциальных союзников. Противоречивой являются оценки восстания 23 августа 1944 г. Некоторые считают его героическим актом, который спас Румынию от нацистской оккупации, в то время как другие могут рассматривать его как попытку спасти страну от поражения в войне. Также рассматриваются роль И.Антонеску и его оценка в румынской историографии, а также реализация геополитического проекта «Великой Румынии» как одного из мотивов участия в войне. Особое внимание уделяется различным аспектам восприятия войны: от участия Румынии в военных действиях до последствий для страны и ее народа.

© Азаренкова А.А., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License
ISSN 2782-3067 (Print)

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2026-0002).

Ключевые слова: общественное сознание, историческое сознание, Вторая мировая война, национальная историческая память, историческая политика, Румыния, «Великая Румыния», национальная идентичность

Для цитирования: Азаренкова А.А. Интерпретация Второй мировой войны как способ формирования общественного сознания Румынии // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 198-212, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-198-212

Original article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-198-212

Political Sciences

Interpretation of the Second World War as a Way of Shaping Public Consciousness in Romania

Alina A. Azarenkova ✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
azarenkova_alina99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0004-8466-3668

Abstract. The formation of public consciousness and historical memory as its component play an important role in the construction of national identity. The article examines Romanian public consciousness, which is based on the idea of a "correct" interpretation of the history of the events of the Second World War, as well as historical policy conducted in accordance with it from an official, scientific and institutional point of view. Romanian and Russian scientific thought, media materials, as well as museums and memorials are studied. The article analyzes how memories of the war period are preserved and interpreted in modern Romanian society, and also examines the influence of individual plots of Romanian history on the formation of national identity and public consciousness. One of the controversial topics in Romania's historical memory of World War II is the assessment of Romania's role as a satellite of Nazi Germany due to the threat from the Soviet Union and the lack of potential allies. The estimates of the August 23, 1944 uprising are contradictory. Some consider it a heroic act that saved Romania from Nazi occupation, while others may view it as an attempt to save the country from defeat in the war. The article also examines the role of I. Antonescu and his assessment in Romanian historiography, as well as the implementation of the geopolitical project of "Greater Romania" as one of the motives for participating in the war. Special attention is paid to various aspects of the perception of the war: from Romania's participation in hostilities to the consequences for the country and its people.

The study was carried out as part of the state-funded research assignment of Moscow State Linguistic University (project No. FSFU-2026-0002).

Keywords: public consciousness, historical consciousness, World War II, national historical memory, historical politics, Romania, "Greater Romania", national identity

For citation: Azarenkova A.A. Interpretation of the Second World War as a Way of Shaping Public Consciousness in Romania. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 198-212, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-198-212

© Азаренкова А.А., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Введение

Историческая память является важным компонентом общественного сознания и может выступать как средство манипулирования им, формируя при этом особый феномен – историческое сознание. Она также имеет фундаментальное значение для развития национальной идентичности и, следовательно, играет важную роль в политических процессах строительства национальных государств, формирует массовое сознание, мифы и стереотипы закрепляются в нормативно-правовых актах, определенным образом выстраивается система образования [2]. Проводимые исследования подтверждают и связь исторической памяти с внешнеполитическим позиционированием государства: как и кем выстраиваются международные отношения и внешняя политика в целом, а также система региональной безопасности [24]. Что касается внутренней политики, то преимущественно она используется для создания определенной социальной и идеологической действительности с целью формирования и закрепления определенных установок, касающихся не только понимания определенного исторического периода, но и в целом восприятия и поддержки государственной политики, а также конструирования национальной идентичности. Так, цель проводимого исследования заключается в выявлении идеологических доминант, связанных с участием Румынии во Второй мировой войне в современном общественном сознании.

Конструирование общественного сознания через призму национальной исторической памяти является результатом трансформации стран бывшего социалистического блока на восточноевропейском пространстве. Так, историческая память Румынии базируется в первую очередь на национальной идеологии, а также европеизме и атлантизме [5]. Романтический национализм, исторически свойственный этой стране и ее народу, выражается не только в укреплении нации, но и в стремлении к восстановлению былого величия, воплощенного в румынской цивилизации. В Румынии много исследований, посвященных проблеме национальной, коллективной, в меньшей степени – исторической памяти [19]. История все чаще выступает как инструмент дискредитации или, наоборот, оправдания тех или иных действий.

Материалы и методы

Эмпирический материал, на котором построено исследование, включает в себя научные статьи и монографии ведущих отечественных и зарубежных ученых, занимающихся данной проблематикой, а также исторические, дипломатические и официальные документы. Заявленная тема и подобранная источниковая база определили металогическую основу исследования. Среди применяемых методов следует отметить исторический, институциональный, дискурс- и ивент-анализ, а также контент-анализ официальных документов.

Результаты исследования

Институционализация исторического сознания

Для понимания содержания и направленности румынского исторического сознания важно иметь представление о том, какое место отводится изучению истории в стране. Государственных учреждений, занимающихся изучением истории в Румынии, не так много. Некоторыми из них являются:

Румынская Академия, основными целями которой являются сохранение и продвижение румынского языка, литературы и истории. В ее состав входят несколько институтов, таких как Центр европейской цивилизации и истории, Центр трансильванских исследований, Институт археологии и истории искусства, Институт социогуманитарных исследований, Институт истории А.Д.Ксенополя, Институт истории религий, Институт изучения Юго-Восточной Европы, Национальный институт «Буковина», Национальный институт изучения тоталитаризма и др.;

Институт расследования коммунистических преступлений и памяти румынской эмиграции (государственное учреждение) фокусируется, как заявляется, на научном исследовании памяти коммунистического режима в сотрудничестве с другими государственными учреждениями в соответствии с действующим законодательством, целью которого является разработка образовательных программ и стратегий по познанию истории коммунизма на национальном и международном уровнях;

Национальный институт исследования Холокоста в Румынии «Эли Визель». Является одним из самых развитых исторических исследовательских институтов. Основная деятельность направлена на изучение общественного мнения; также выпускается научный журнал и другие аналитические материалы, в том числе посвященные теме исторической памяти;

Общество румынской исторической науки и др.

Отдельным феноменом является историческая военная память, «работу» с которой курирует Министерство национальной обороны Румынии. Все же следует констатировать, что изучение истории не имеет особой популярности в государстве на современном этапе.

Румыния во Второй мировой войне: управление прошлым

Вторая мировая война в памяти современного румынского общества базируется прежде всего на решении таких вопросов, как участие Румынии на стороне Германии, переход на сторону антигитлеровской коалиции, Холокост на территории

государства, а также роль в этих процессах некоторых исторических личностей, таких как генерал Ион Антонеску и король Михая I.

В описываемый период внутриполитическое развитие государства и модернизация были внезапно прерваны в 1938 г., в условиях двух сменявших друг друга диктатур: до 1940 г. – короля Карла II, а затем – маршала Антонеску. Последний установил жесткую военную диктатуру, которая просуществовала до 1944 г. Смена режима в Бухаресте и его диктаторский характер с 1938 г. наложили свой отпечаток на стратегическое поведение страны. Первоначально нейтральная, но явно вставшая на сторону союзников и примкнувшая к Франции – стране, которую Бухарест считал своим главным союзником и ближайшим партнером в 20–30-х гг., – Румыния вступила в войну на стороне Германии. В современном румынском дискурсе приводится ряд причин происшедшему. Одна из них: среди потенциальных союзников Франция была оккупирована, Великобритания лишь частично участвовала в боевых действиях на континенте, а Советский Союз – главным образом из-за опасений Бухареста в вопросе территорий – считался неподходящим союзником. Страх перед СССР был вызван видением большевиками общественно-политического устройства и их ирредентизмом в Бессарабии, свою роль сыграла и оценка секретных протоколов пакта Молотова-Риббентропа [3]. Некоторые румынские исследователи считают, что Румыния могла тогда выйти на мировую политическую арену, что важно с точки зрения национальных интересов, поскольку до этого страна была изолирована, в частности, после подписания пакта Молотова-Риббентропа, а также в результате утраты территорий.

В настоящее время в Румынии приводится объяснение, что поскольку присоединение к союзникам означало бы самоубийственную миссию – в одиночку противостоять Германии на Восточном фронте, единственным вариантом было остаться на стороне Германии до тех пор, пока в войну не вступили Советский Союз и США. Затем Румыния перешла на сторону союзников, объявив войну Германии в августе 1944 г., проявив свою успешную стратегию балансирования между различными центрами силы.

Возвращаясь к вступлению Румынии во Вторую мировую войну на стороне Германии в 1941 г., можно отметить некоторые противоречия. С одной стороны, Румыния была сателлитом нацистской Германии и участвовала в военных действиях против Советского Союза. С другой стороны, румынский народ также пострадал от нацистской оккупации и испытал на себе ужасы войны: этнические чистки, перемещения населения, экономические и политические последствия и т.д. Вместе с тем правомерно поставить вопрос: стало ли это поворотным событием в истории страны?

Можно резюмировать, что Румыния поднялась во время одной большой войны и потеряла все былое величие во второй. По мнению некоторых специалистов, она была «вынуждена» выступить на стороне фашистской Германии не только с точки зрения перспектив расширения своей территории, но и ввиду ограниченности при опоре на союзников: Франция была оккупирована, а принять сторону Советского Союза мешали стратегические опасения [15]. Вместе с тем некоторые историки высказывают сомнения относительно безальтернативности пути Румынии [12]. Так, присоединиться к своим традиционным союзникам не позволяли обстоятельства, иначе бы Румынии пришлось одной противостоять Германии, что было бы для нее губительно. Единственным решением было оставаться на более сильной стороне до того момента, пока преимущество не перешло на сторону антигитлеровской коалиции. При этом очевидно, что Германию мало заботил территориальный вопрос Румынии, ее интересовали нефтяные запасы. Перетянуть Румынию на свою территорию Германии было просто и в условиях популярности в стране легионерского движения[1]. В результате оказалось, что румыны вместо разработки собственной политики и идеологии переняли фашистскую, принятую политической элитой, что распространилось и на общество. На государство было легко оказать давление, чем нацистская Германия умело воспользовалась.

Вступление румынской армии в 1941 г. на территорию Бессарабии при объявлении Германией войны СССР расценивается Румынией как освобождение исторической территории, как «священная война» для всей румыно-молдавской цивилизации [3]. При этом вклад Румынии с военной точки зрения оказался одним из самых значимых по сравнению с другими союзниками Германии [8]. Все действия, совершенные Румынией под протекторатом Германии, несомненно, принесли определенный ущерб международному престижу страны, который она все же пыталась восстановить, но уже используя события после перехода на сторону антигитлеровской коалиции. Так, Румынии принадлежит особая роль в освобождении словацких территорий в период Второй мировой войны [13], что широко используется в румынской науке для характеристики потенциала построения международных связей.

Ситуация изменилась после переворота 23 августа 1944 г., когда коалиция сил во главе с королем Михаем I решила перейти на сторону СССР (в румынской историографии – на сторону Организации Объединенных Наций). Румынские войска, оказавшиеся с 7 сентября 1944 г. в подчинении 2-го Украинского фронта Красной армии, продолжала операции против Германии – сначала на территории Румынии (до 25 октября 1944 г.), а затем на территории Венгрии, Словакии, Чехии и Австрии (до 12 мая 1945 г.).

Идея «Великой Румынии» как лейтмотив участия во Второй мировой войне

Современные исследователи высказывают мнение о том, что так называемый великорумынский геополитический проект выступил главной мотивацией для участия страны во Второй мировой войне [6]. Считающееся важным историческим

1 «Легионерское движение» – собирательный термин, под которым обычно понимается румынская фашистская организация, действовавшая с 1927 по 1941 г. под названиями «Легион Архангела Михаила», «Железная гвардия», партия «Все для страны».

событием вступление во Вторую мировую войну, причем именно в контексте нападения на СССР, рассматривается в отдельном номере выпускаемого в Румынии «Журнала военной истории». В предисловии открыто говорится о том, что с самого начала действия Румынии были направлены на освобождение исторических территорий, болезненно утраченных до начала войны – Бессарабии и Северной Буковины, «аннексированных СССР» [18, с. 1]. Умалчивается, что для этого пришлось стать союзниками нацистов и вступить к ним в подчинение.

Тем не менее в сознании румынских граждан участие страны во Второй мировой войне стоит далеко не на первом месте, но одна из первостепенных личностей того времени, Антонеску, как политический лидер, имеет определенную поддержку среди населения (5,6%) [23]. Это тесно связано с территориальным вопросом, так как возрождение «Великой Румынии» после «революции» 1989 г. отчасти строилось на идеях кондукэтора Антонеску, а также популярного в межвоенное время национализма и легионерского движения. 23 августа, день свержения режима Иона Антонеску, с 1949 по 2011 г. считался Днем освобождения от фашистской оккупации. А с 2011 г., согласно новому закону, принятому парламентом страны, эта памятная дата отмечается как День памяти жертв фашизма в память о двух событиях: перевороте 1944 г. и подписании пакта Молотова-Риббентропа. Официальные лица, в частности, президент страны, заявляли о преступном характере этого пакта, искажении истории коммунистическим режимом, а также о фундаментальной исторической релевантности даты 23 августа 1944 г. Конечно, были и позитивные движения в реализуемой исторической политике: 2015 г. был объявлен Годом ветеранов войны в Румынии, в связи с чем публиковалось немало материалов об участии румынских солдат во Второй мировой войне.

В сознании населения доминируют невиновность Румынии, перекладывание ответственности на влияние нацистской Германии и некоторые провальные действия Антонеску. Интересно и само отношение граждан к кондукэтору: большинство граждан видит его как патриота, стратега, борца с коммунизмом, того, кто заслуживает реабилитации за свои деяния относительно румынского государства, и только потом – как диктатора и ответственного за преступления против евреев и цыган [16]. В конечном же счете, с точки зрения И.Антонеску, постулат «Величие страны – величие нации» сводился к двум главным задачам: воссозданию «Великой Румынии» и очищению ее от всех неугодных. При этом территории, на которых так или иначе проживали румыны, считаются неотъемлемой частью национального государства. В массовом сознании закрепился образ Антонеску как традиционного румынского националиста и сторонника реализации великорумынского проекта. Данная идея, хоть и не в таком радикальном контексте, вошла и в современный румынский политический дискурс.

При этом стоит помнить, что в современной Румынии функционирует Закон о запрете организаций и символов фашистского, расистского или ксенофобского характера и продвижении культа лиц, виновных в совершении преступлений против мира и человечества от 2002 г. (с поправками 2015 г.), который, в первую очередь запрещает легионерское движение[2]. Тем не менее не следует забывать, что по данному вопросу так и не было приведено единого мнения в исторических научных кругах [7], что делает названный закон не только противоречивым, но и четко определяет тот период в истории страны, который так и не был осмыслен в коллективной памяти самих румын, что позволяет конструировать историографию в нужном для политической элиты направлении.

Относительно памятных дат в Румынии вырисовывается следующая картина. День победы в Румынии отмечается 9 мая, однако совпадает с такими праздниками, как День независимости и День Европы, что важнее для них с точки зрения евроатлантической направленности. Так, в 2020 г. был внесен законопроект о переносе праздника на 8 мая, согласно европейским стандартам. Существовали и другие прецеденты: в 2024 г. некоторые воинские части, чтобы не праздновать этот день одновременно с Россией, перенесли торжественную часть на 10 мая[3]. Продолжая тему законодательного регулирования, стоит обратиться к Закону от 1 июля 1994 г. о ветеранах войны и некоторых правах инвалидов и военных вдов: «За жертвы, принесенные румынскими военнопленными во время Второй мировой войны, вынужденными мириться с ужасами и бесчеловечным обращением в лагерях принудительного труда, и за их преданность Румынии, не желая предавать родину, в знак благодарности и в память о них учреждается День румынских военнопленных, который проводится ежегодно 24 августа»[4]. В документе отмечается также, что Правительство, местные органы власти и другие государственные учреждения могут проводить культурно-образовательные программы и демонстрации, вызывающие воспоминания, и мероприятия научного характера в духе традиций румынского народа, а также официальные и/или военные церемонии, посвященные румынским военнопленным. В знак признания заслуг ветеранов войны на полях сражений за защиту независимости, суверенитета, территориальной целостности и интересов Румынии учреждается День ветеранов войны, который проводится ежегодно 29 апреля. Тем не менее подобные мероприятия в стране практически не проводятся. Следующей памятной датой является 25 октября, День румынской армии, что в истории совпадает с Дебреценской операцией и освобождением Трансильвании. То есть на первый план снова выходит территориальный вопрос. В публикациях СМИ крайне редко встречаются материалы касательно юбилея Победы, чаще речь идет о вступлении Румынии во Вторую мировую войну [22], вероятно, это делается для некоторой героизации армии. Причем в современной Румынии история используется и

2 Lege 217 23/07/2015 // Legislație.just.ro. 26.02.2026. URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/170057.
3 Monitorul Apărării și securitate, 26.02.2026. URL: https://monitorulapararii.ro/8-mai-ziua-victoriei-in-europa-dar-nu-si-in-romania-pentru-a-nu-celebra-odata-cu-rusia-unele-unitati-militare-au-programat-evenimentul-vineri-10-mai-1-54701.
4 Lege nr. 44 din 1 iulie 1994 privind veteranii de război, precum și unele drepturi ale invalizilor și văduvelor de război // Legislație.just.ro. 26.02.2026. URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/269905.

как инструмент дискредитации политической оппозиции. Так, уже бывший кандидат в президенты Кэлин Джеоржеску неоднократно обвинялся в поддержке запрещенного легионерского движения в румынских СМИ.

Тем не менее все еще недостаточно внимания уделяется непосредственно самой истории Второй мировой войны и участию в ней Румынии. В упомянутом выше Национальном историческом музее всего одна экспозиция посвящена конкретно этому историческому периоду, румыны склонны уделять больше внимания так называемым «маленькому» (1859 г.) и «большому» (1918 г.) объединениям. На выставке представлен и ряд музейных свидетельств об участии румынской армии в «Освободительной войне в Бессарабии, Северной Буковине и Земле Герца, территориях, оскорбительно аннексированных Советским Союзом после в конце июня 1940 года»[5]. Схожая ситуация складывается и в школьном образовании. В учебниках говорится о том, что в 1939 г. Румыния придерживалась нейтралитета, однако пакт Молотова-Риббентропа вынудил страну вступить в войну. При этом совершенно отсутствует описание хронологии участия Румынии в войне – обозначены два момента: вступление в войну в 1941 г. и государственный переворот 1944 г., а также Холокост [14], вопрос изучения и осмысления которого следует рассмотреть отдельно.

Относительно Холокоста, который имел место во время военной диктатуры И.Антонеску, в румынской историографии до сих пор нет единого мнения. Свою роль в признании этих драматических событий сыграла европейская интеграция Румынии, в процессе которой постановлением Правительства в 2005 г. был учрежден Национальный институт по изучению Холокоста, а также Национальный день памяти жертв Холокоста (9 октября). Согласно последнему опросу, проведенному в 2021 г., об отношении румын к Холокосту, всего лишь 32% считают, что на территории Румынии он имел место. По мнению румынского общества, больше всего от Холокоста пострадали цыгане (38%), 7% – румыны, молдаване, жители Бессарабии, а 42% не смогли ответить на поставленный вопрос [16]. Ответственность за Холокост несет в первую очередь Германия (53%), а уже потом –Румыния (31%). В то же время отмечается, что на данный момент тема Холокоста в Румынии изучена недостаточно, хотя и проблема получила свое законодательное закрепление в связи с евроатлантической интеграцией страны: «Под Холокостом на территории Румынии понимаются систематические преследования и уничтожение евреев и ромов, поддерживаемые властями и учреждениями румынского государства на территориях, находящихся под их управлением с 1940 по 1944 год»[6]. Проблематика приобрела особую популярность в связи с принятой на себя, хоть и ограниченной, ответственностью со стороны Румынии, а также европеизацией.

5 România în al Doilea Război Mondial // MNIR.ro. 26.02.2026. URL: https://www.mnir.ro/romania-in-al-doilea-razboi-mondial/.

6 Lege 217 23/07/2015 // Legislație.just.ro. 26.02.2026. URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/170057.

Конструирование мифа о советской агрессии

Красной линией во всей трактовке истории Второй мировой войны проходит словосочетание «агрессия Советского Союза». Говоря о Ясско-Кишиневской операции и выходе Румынии из войны на стороне Гитлера, по мнению отечественных историков, это был единственно правильный шаг, позволивший сохранить румынскую государственность и территориальную целостность путем возврата Трансильвании, при этом потеряв Бессарабию, что, как утверждается, оставило огромную травму для румынского народа, которая до сих пор отражается в массовом сознании и политике по воссозданию «Великой Румынии». Советский Союз отрицал какие-либо вероятные территориальные приобретения и изменения существующего строя Румынии в 1944 г., при этом были сокращены репарационные платежи [10]. Проведенный анализ позволяет утверждать, что данное обстоятельство не упоминается ни в румынской публицистике, ни в профильной научной литературе.

Тем не менее в румынской историографии широко распространен миф о недружественном отношении и оккупации Красной армией после событий 23 августа 1944 г. [9]. Так, например, в единственной выставке, посвященной этим событиям («Румыния во Второй мировой войне»), оспаривается освободительный характер действий Красной армии (в контексте – она не освобождала, а просто проходила без сопротивления через населенные пункты Румынии). Используются следующие штампы: «пропагандистский аппарат Москвы», «исчезновение Великой Румынии», «Северная Трансильвания под оккупацией» и т.д. В действительности же Советский Союз отрицал какие-либо вероятные территориальные приобретения и изменения существующего строя Румынии в 1944 г. Между тем в социалистический период в Румынии был распространен нарратив о том, что Красная армия успешно поборола немецко-фашистских захватчиков и дала возможность народу бороться за национальную независимость и демократию [4].

В 2022 г. вышла книга, касающаяся проблемы исторической памяти, «Политика памяти в постсоциалистической Румынии. Отношение общества к переименованию улиц и демонтажу памятников», подготовленная румынскими социологами М.Руссу и А.Кроитору. В издании, в частности, рассматривалась судьба памятников, связанных с Советской армией. Хотя после августа 1944 г. Румыния вошла в состав антигитлеровской коалиции, румыны по понятным причинам не испытывают теплых чувств к «освободителям». Бронзовый памятник Советскому солдату в Яссах был установлен в 1956 г. В 1991 г. его перевезли на участок захоронения советских солдат на одном из городских кладбищ. Дефицитную бронзу солдата по решению тогдашнего мэра Ясс тайком пустили на памятник господарю Михаю Храброму, установленному на месте, где стоял Советский солдат. Руссу и Кроитору назвали этот процесс «ресайклингом» [20]. В 2007 г. Российское посольство в Румынии решило возложить венок и обнаружило «наличие отсутствия». Возник дипломатический скандал. Следующий инцидент был связан с переименованием парка имени Маршала Советского Союза Толбухина

(Бухарест) в 2021 г., однако после событий 2022 г. его все же переименовали в «Шелковый сад» (Grădina Mătăsari).

Со своей стороны, Россия практически не препятствует открытию военных кладбищ, первое из которых было открыто в 2015 г. в Волгограде, что было приурочено к участию Румынии в Сталинградской битве на стороне Германии. Стоит несколько подробнее остановиться на данном сюжете, так как поражение под Сталинградом румынских войск, которые были одними из самых многочисленных, воспринимается крайне болезненно и признается румынским научным сообществом. Вина здесь возлагается именно на Антонеску, ошибочные действия которого внесли свой вклад в выход из войны на стороне Германии. Второе подобное кладбище было открыто в 2018 г. под Краснодаром [21].

В современном румынском обществе набирает силу тенденция считать себя жертвой коммунистического режима, «бесчеловечного и преступного», который был навязан СССР, остается также некоторая обида на западные государства, которые отдали Румынию в советскую зону влияния. Подобные обвинения многочисленны: «Советская оккупация ознаменовала кампанию по уничтожению румынского национального существа путем массовой депортации и запрета румынских ценностей»[7]. В некотором смысле и сам Антонеску стал символом борьбы с российской угрозой. Вероятно, его возвеличивают в том числе из-за направленности на самостоятельный курс и антисоветские настроения.

Особую роль в обосновании целесообразности агрессии против СССР сыграла и Румынская православная церковь путем использования румынизации с созданием в дальнейшем собственной православной сферы влияния и навязывания идеологии агрессивного румынизма с нетерпимым отношением к остальному славянскому миру [11]. Сама по себе румынизация изначально была концепцией нациестроительства, позже – этнической чистки, постепенно перейдя с приходом демократии в распространение румынского языка, культуры, образа жизни.

Отдельно в общественном сознании Румынии трактуется вопрос судьбы военнопленных. В подготовленных совместно с Россией материалах на эту тему крайне аккуратно говорится и об участии во Второй мировой войне: «Румыния участвовала как в кампании на Востоке (22 июня 1941 г. – 23 августа 1944 г.), так и на Западе (23 августа 1944 г. – 9 мая 1945 г.)» , а «непосредственное участие румынской армии на театрах военных действий привело к многочисленным человеческим потерям для нашего народа» [17, с. 8]. При этом среди главных негативных последствий перечисляются такие эпизоды, как утраченные территории (Бессарабия) и борьба с коммунизмом, представляющим угрозу не только для европейского пространства, но и для всего мира. Так, очевидно, что переписыванию подлежат именно периоды «потепления» в российско-румынских отношениях.

7 81 de ani de la intrarea României în cel de-al Doilea Război Mondial // Evenimentul istoric. 26.02.2026. URL: https://evenimentulistoric.ro/81-de-ani-de-la-intrarea-romaniei-in-cel-de-al-doilea-razboi-mondial.html.

Выводы

Историческое сознание Румынии имеет свои особенности, связанные с ее историческим прошлым и его трактовкой на официальном уровне. После Второй мировой войны страна понесла значительные территориальные потери, в стране утвердились социалистическая идеология и общественно-политическое устройство. Для Румынии самое страшное преступление – не участие во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии, не режим Антонеску и Холокост, а коммунистическое прошлое, которое отрицается и порицается на официальном уровне. Неизменной позицией остается восстановление румынско-молдавской цивилизации и решение территориального вопроса. «Великая Румыния» была недолговечной мечтой, ставшей реальностью. Во время Второй мировой войны Бухарестом правили две диктатуры подряд. Румыния, как и любая другая страна, должна, казалось бы, принимать, а не отрицать свое прошлое, осмысливать его в научном ключе. Между тем и у политической элиты, и у румынского общества отсутствует объективное восприятие Второй мировой войны, ее причин и результатов. Отсюда и попытки переписать историю, сформировать и укрепить национальную идентичность для позиционирования на международной арене, используя при этом западные политические установки. Очевидно также, что России необходимо выстраивать свой внешнеполитический курс в отношении Румынии, исходя исключительно из прагматичных и стратегических соображений и национальных интересов, ориентируясь не на идеологические и сиюминутные предпочтения, а на научный и экспертный подход [1]. Соответствующие – убедительные – рычаги воздействия на партнеров у нашей страны имеются.

Список литературы

1. Белозёров В.К. О научном сопровождении обеспечения национальной безопасности и развития России [On the Scientific Support for Ensuring National Security and Development of Russia] // Безопасность Евразии. 2008. № 3. С. 426–431.
2. Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур [Methods for Analyzing Strategic Cultures] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49.
3. Биткова Т.Г. История и политика: Вторая мировая война в памяти современного румынского общества [History and Politics: World War II in the Memory of Modern Romanian Society] // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 61–86.
4. Георгиу-Деж Г. Статьи и речи [Articles and Speeches]. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
5. Кирчанов М.В. Историческая политика и мемориальная культура современного румынского общества [Historical Politics and Memorial Culture of Modern Romanian Society] // Вестник Балтийского федерального университета имени И.Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки, 2023. № 3. С. 69–84.
6. Малютина Т.П. Притязания Румынии на приграничные советские территории и Трансильванию в годы Второй Мировой войны [Romania's Claims to Border Soviet Territories and Transylvania During World War II] // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 46–50.
7. Мачь М. В лабиринте памяти. Проработка прошлого в коммунистической Румынии [In the Labyrinth of Memory. Working Through the Past in Communist Romania] // Историческая экспертиза. 2015. № 4(5). С. 4–39.

8. Мунтян М.А. Румыния во Второй мировой войне: по обе стороны одного и того же фронта [Romania in World War II: on Both Sides of the Same Front] // Великая Победа. Т. IX. Агония / С.Н.Нарышкин, А.В.Торкунов. М.: МГИМО(У) МИД России; РВИО, 2015. С. 74–81.
9. Назария С., Поливцев В. Глупость или невежество? Ясско-Кишинёвская операция в современной румынской историографии [Folly or Ignorance? The Iasi Kishinev Operation in Modern Romanian Historiography] // Родина. 2010. № 11. С. 144–147.
10. Попович К.Ф. Память времени. Воспоминания и документ. Очерки [Memory of Time. Memoirs and Document. Essays]. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1986.
11. Смолин М.Б. Идеологические предпосылки мессианского экспансионизма Румынии во Второй Мировой войне [Ideological Premises of Romania's Messianic Expansionism in World War II] // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XX вв.). Сборник докладов международной научной конференции. М.: РИСИ, 2011. С. 142–155.
12. Солонарь В.А. Очищение нации. Насильственные перемещения населения и этнические чистки в Румынии в период диктатуры Иона Антонеску (1940–1944) [Purification of the Nation. Forced Population Movements and Ethnic Cleansing in Romania During the Dictatorship of Ion Antonescu (1940–1944)]. М.: Нестор-История, 2020.
13. Bratau G.-C. Memoria colectivă în diplomație și relațiile internaționale // Saeculum. 2023. № 55(1). P. 40–59.
14. Stan M., Vornicu C. Istorie. Manual pentru clasa a X-a. Editura București: Niculescu ABC, 2005.
15. Joja I.-S. Romania's Strategic Culture 1990–2014: Continuity and Change in a Post-Communist Country's Evolution of National Interests and Security Policies. Policies. Stuttgart: ibidem Press, 2019.
16. Perceptions of interethnic relations and the Holocaust in Romania. National survey. November-December 2021.
17. Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică: documente: 1941–1945. trad.: Laurențiu Constantiniu, Vitalie Văratic, Simion Iurac. București: Monitorul Oficial R.A., 2013.
18. Revista de Istorie Militară. 2021. Vol. 185–186, № 3–4.
19. Rusu M.S. Memoria națională românească. Facerea și prefacerii discursive ale trecutului național., Iași: Institutul European, 2015.
20. Rusu M.S., Croitoru A. Politici ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuilor. București: Institutul European, 2015.
21. Scipor I. Neuitarea eroilor români ai campaniei din est. Între deziderate și trăiri personale // Revista de istorie militară. 2022. № 193–194 (5-6). P. 98–110.
22. Sfetcu N. România în al Doilea Război Mondial // Intelligence Info. 2022. № 1. P. 61–71.
23. Ticu C. Istorie și memoria. O abordare psihologică // Xenopoliana. 2003. №. XI (3–4). P. 41–59.
24. Weng Z. Memory Politics, Identity and Conflict. Historical Memory as a Variable. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018.

Информация об авторе

АЗАРЕНКОВА Алина Александровна. Преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета. Преподаватель кафедры (базовой) международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М.Губкина. https://orcid.org/0009-0004-8466-3668. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. azarenkova_alina99@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belozerov V.K. On the Scientific Support for Ensuring National Security and Development of Russia. Bezopasnost' Evrazii [Security of Eurasia]. 2008; 3:426–431 [In Russian].
2. Belozerov V.K. Methods for Analyzing Strategic Cultures. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022; 15(5):29–49 [In Russian].
3. Bitkova T.G. History and Politics: World War II in the Memory of Modern Romanian Society. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]. 2017; 3:61–86 [In Russian].
4. Georgiu Dezh G. Articles and Speeches. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Politicheskoy Literatury [State Publishing House of Political Literature], 1956 [In Russian].
5. Kirchanov M.V. Historical Politics and Memorial Culture of Modern Romanian Society. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [IKBFU's Vestnik. Humanities and Social Sciences]. 2023; 3:69–84 [In Russian].
6. Malyutina T.P. Romania's Claims to Border Soviet Territories and Transylvania During World War II. Manuskript [Manuscript]. 2019; 12(5):46–50 [In Russian].
7. Mach' M. In the Labyrinth of Memory. Working Through the Past in Communist Romania. Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]. 2015; 4(5):4–39 [In Russian].
8. Muntian M.A. Romania in World War II: on Both Sides of the Same Front. In: The Great Victory. S.N.Naryshkin, A.V. Torkunov (eds.). Vol. IX. Agony. Moscow: MGIMO(U) MID Rossii; RVIO, 2015:74–81 [In Russian].
9. Nazariya S., Polivtsev V. Folly or Ignorance? The Iasi Kishinev Operation in Modern Romanian Historiography. Rodina [Rodina]. 2010; 11:144–147 [In Russian].
10. Popovich K.F. Memory of Time. Memoirs and Document. Essays. Chisinau: Kartya Moldovenyaske, 1986 [In Russian].
11. Smolin M.B. Ideological Premises of Romania's Messianic Expansionism in World War II. In: Romania's Eastern Policy in the Past Andpresent (late 19th – early 20th Centuries. Collection of Reports from an International Scientific Conference]. Moscow: RISI, 2011:142–155 [In Russian].
12. Solonar' V.A. Purification of the Nation. Forced Population Movements and Ethnic Cleansing in Romania During the Dictatorship of Ion Antonescu (1940–1944). Moscow: Nestor Istoriya [Nestor History], 2020 [In Russian].
13. Bratau G.-C. Memoria colectivă în diplomație și relațiile internaționale. Saeculum. 2023; 55(1):40–59 [In Romanian].
14. Stan M., Vornicu C. Istorie. Manual pentru clasa a X-a. București: Editura Niculescu ABC, 2005 [In Romanian].
15. Joja I.-S. Romania's Strategic Culture 1990–2014: Continuity and Change in a Post Communist Country's Evolution of National Interests and Security Policies. Stuttgart: ibidem Press, 2019 [In English].
16. Perceptions of interethnic relations and the Holocaust in Romania. National survey. November-December 2021 [In English].
17. Prizonieri de război români în Uniunea Sovietică: documente: 1941-1945. Translated by: Laurențiu Constantiniu, Vitalie Văratic, Simion Iurac. Monitorul Oficial R.A., București, 2013. [In Romanian].
18. Revista de Istorie Militară, 2021, 185–186(3–4). [In Romanian].
19. Rusu M.S. Memoria națională românească. Facerea și prefacerii discursive ale trecutului național. Institutul European, Iași, 2015 [In Romanian].
20. Rusu M.S., Croitoru A. Politici ale memoriei în România postsocialistă. Atitudini sociale față de redenumirea străzilor și înlăturarea statuilor. Institutul European, București. 2015 [In Romanian].
21. Scipor I. Neuitarea eroilor români ai campaniei din est. Între deziderate și trăiri personale. Revista de istorie militară. 2022; 193–194(5-6):98–110 [In Romanian].
22. Sfetcu N. România în al Doilea Război Mondial. Intelligence Info. 2022; 1:61–71. [In Romanian].
23. Ticu C. Istorie și memoria. O abordare psihologică. Xenopoliana. 2003; XI(3–4):41–59. [In Romanian].
24. Weng Z. Memory Politics, Identity and Conflict. Historical Memory as a Variable. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018 [In English].

About the author

Alina A. AZARENKOVA. Lecturer at the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences at Moscow State Linguistic University, Lecturer at the Department (Basic) of International Cooperation in the Field of Security at Gubkin Russian State University of Oil and Gas. https://orcid.org/0009-0004-8466-3668. Address: Build. 1, Ostozhenka str., 38, Moscow, 119034, Russian Federation. azarenkova_alina99@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ISSN 2782-3067 (Print)

Научная статья
Политические науки
УДК 327
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224

Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры

Ольга Владимировна Агафонова✉

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
olga.agafonova92@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8460-8555

Аннотация. В современных исследованиях европейской безопасности одним из наиболее актуальных и дискуссионных вопросов является определение динамики и характера деятельности ФРГ по обеспечению своей обороноспособности. «Смена эпох» как новый этап в оборонной политике Германии послужила импульсом к масштабному процессу доктринального переосмысления немецкой политики безопасности. Его нормативным воплощением стали первая в истории ФРГ Стратегия национальной безопасности и Военная стратегия, закрепившие курс на наращивание оборонного потенциала страны и переосмысление ее роли в системе евроатлантической безопасности. Центральный исследовательский вопрос состоит в том, является ли наращивание военного потенциала ФРГ проявлением милитаризации или же представляет собой оборонительную адаптацию в рамках исторически сложившейся стратегической культуры страны.

Опираясь на концепцию стратегической культуры, статистические данные об оборонных расходах ФРГ, положения официальных документов, автор дает альтернативную интерпретацию происходящего, квалифицируя его как «переходная нормализация». Она подразумевает наращивание военного

© Агафонова О.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

потенциала при сохранении основополагающих паттернов немецкой стратегической культуры: многосторонности, союзной лояльности и правового подхода к безопасности. Исторически сложившаяся немецкая стратегическая культура рассматривается как нормативный и концептуальный контекст текущих изменений, по своей сути контрастирующий с (ре-)милитаризацией. Оцениваются вероятность и перспективы обретения Германией статуса лидирующей конвенциональной военной державы на территории Европы в структуре НАТО. Наблюдаемые в настоящий момент темпы и планы по перевооружению интерпретируются как давно назревавшие меры по укреплению обороноспособности ФРГ, проблемы которой занимали ранее скорее второстепенные позиции в немецкой политической повестке дня.

Ключевые слова: Германия, политика безопасности, стратегическая культура, перевооружение, «смена эпох», военные расходы, «переходная нормализация»

Для цитирования: Агафонова О.В. Германия на пути к перевооружению: трансформация политики безопасности в контексте стратегической культуры // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 213-224, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224

Original article Political Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224

Germany on the Way to Rearmament: Transformation of Security Policy within the Framework of Strategic Culture

Olga V. Agafonova✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olga.agafonova92@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8460-8555

Abstract. The characterization of Germany's evolving security and defense policy remains one of the most topical and debated issues in modern European security studies. "Zeitenwende" marked a new phase in Germany's security policy, leading to a full-scale process of doctrinal reorientation. It was implemented through a series of official documents, including the National Security Strategy and the Military Strategy, which were released for the first time in Germany. These papers posited the country's commitment to enhancing its defense capabilities and redefining its role within the Euro-Atlantic security architecture. The key research question is whether increasing military capabilities are representative of (re-)militarization or they represent defensive adaptation shaped by a historically embedded strategic culture.

The author devises an alternative explanation basing on the concept of strategic culture, statistical data on German defense expenditure, and the provisions of the main official documents. According to it, the transformation of German security policy can be defined as a transitional normalization, which presumes advance of military capabilities with the framework of core values of German strategic culture, e.g., multilateralism, alliance loyalty, and a rule-based approach to security. Historically shaped strategic culture is regarded as a normative and conceptual context of current changes that contrasts with (re-)militarization. The research provides assessments to the probability and prospects of Germany taking the leading role as a European conventional military power within NATO. The ongoing rearmament measures and their implications are interpreted as long-overdue measures to address deep-seated defense deficiencies that had previously played a distinctly secondary role in the German political agenda.

Keywords: Germany, security policy, strategic culture, rearmament, "Zeitenwende", military spending, "transitional normalization"

For citation: Agafonova O.V. Germany on the Way to Rearmament: Transformation of Security Policy within the Framework of Strategic Culture. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 213-224, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-213-224

Введение

В настоящее время происходит трансформация политики безопасности и обороны ФРГ на фоне переосмысления Берлином своей роли в европейской системе безопасности. В политическом, общественном и научном дискурсе российского и западного политологического сообщества активизируются дискуссии о происходящем, для характеристики которого используются термины «милитаризация», «ремилитаризация» и «перевооружение». Нередко они используются как взаимосвязанные или взаимозаменяемые, понятийное разграничение между ними достаточно размыто, из-за чего не учитываются принципиальные качественные различия между ними. В связи с этим уточним смысловую нагрузку каждого из концептов.

Милитаризм как феномен включает в себя широкий спектр явлений: от идеологии, в которой интересы подготовки и ведения войны безусловно доминируют над политикой и гражданской сферой, до совокупности социальных установок, характеризующих образец общества в совокупности [3]. Согласно определению данного феномена, представленному в «Российском словаре современного политического языка», при милитаризации происходит, с одной стороны, безусловное подчинение социальной жизни общества потребностям подготовки к будущей войне и, с другой стороны, использование методов вооруженной борьбы для достижения политического господства и гегемонии[1]. Ремилитаризация – историко-контекстуальный концепт – предполагает не просто оборонный потенциал, но и возврат к военной силе после периода демилитаризации, то есть контекстуально применим к государствам, прошедшим через разоружение. Его использование требует особой осторожности ввиду семантики «возврата к былой военной мощи» [15]. Перевооружение трактуется как количественный и технический процесс наращивания обороноспособности государства вне зависимости от идеологических целей и социальных последствий [13].

1 Российский словарь современного политического языка / под ред. А.Ю.Шутова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. С. 158.

Целью данного исследования является концептуально-аналитическое осмысление трансформации политики безопасности и обороны ФРГ в контексте укрепления ее оборонного потенциала через призму стратегической культуры. Актуальность данного исследовательского вопроса определяется комплексом факторов: изменениями и турбулентностями на геополитическом ландшафте, принципиальным изменением структуры финансирования немецкой обороны, принятием ряда концептуальных документов, таких как Стратегия национальной безопасности в 2023 г. и Военная стратегия в 2026 г. Важно подчеркнуть, что данные документы были разработаны впервые в истории Германии.

Материалы и методы

Методологическая база исследования выстроена в рамках конструктивистского подхода, опирающегося на концепцию стратегической культуры. Анализ стратегической культуры представляет собой познавательный инструмент, раскрывающий логику выстраиваемого государством политического курса через исследование его норм, ценностей и идентичностей, опосредованных историческим прошлым нации, в том числе ее военным опытом [2]. Эмпирическую базу исследования составляют первичные официальные документы ФРГ, статистические и количественные данные, научные публикации и аналитические доклады.

Исследование имеет несколько методологических ограничений. Первое связано с прогностическим компонентом, который несет высокую степень неопределенности ввиду динамичности и волатильности политической обстановки в Европе. Во-вторых, концепты «переходная нормализация» и «секьюритизация для сдерживания» не имеют устоявшегося статуса и являются авторскими операциональными определениями. В-третьих, статистические данные о запланированных военных расходах ФРГ носят предположительный прогнозный характер и могут быть подвергнуты корректировкам в зависимости от политической конъюнктуры.

Результаты исследования

Концепт стратегической культуры предполагает анализ нуклеарных (основополагающих) принципов, формирующих государственный нарратив, которые включают в себя исторический опыт страны, логику и специфику функционирования ее институтов, общественных установок, детерминирующих подходы к обеспечению национальной безопасности, обороны, военного строительства [10]. В качестве определения данного термина мы будем использовать дефиницию, предложенную профессором В.К.Белозёровым: «Это совокупность норм, идей, способов поведения, которые детерминируют действия государства в сфере внешней политики и политики безопасности» [4, с. 13].

Исследование стратегической культуры ФРГ вызывает особый исследовательский интерес ввиду специфики выстраивания ею идентичности в контексте безопасности, что отличается от стратегических культур других стран (например, Франции, России или Китая) [9]. Формообразующим фактором немецкой стратегической культуры выступает травматический опыт Второй мировой войны и его последующая рефлексия в общественном и политическом сознании. Ее ключевые ценности ассоциируются с мультилатерализмом (многосторонностью) во взаимоотношениях со странами-партнерами, стремлением к консенсусу и верностью союзническим обязательствам, приверженностью институтам, выраженным и устойчивым антимилитаризмом, базирующемся на комплексе вины и недопустимости возникновения или развязывания войны (“nie wieder Krieg”). Учитывая эти паттерны, неудивительно, что ФРГ долгое время характеризовалась как «гражданская держава», идентичность которой выстраивается на многостороннем подходе, усилении роли институтов, сдержек и противовесов в принятии решений, наднациональной интеграции, а также на акценте на невоенные методы урегулирования кризисов и конфликтов при достаточно ограниченном применении военной силы, использование которой не исключается. Иными словами, утвердившиеся в послевоенной Германии концепции о недопустимости развязывания войны, преодолении прошлого, «гражданской державы» и «культурного сдвига» свидетельствуют скорее об отрицании милитаризма, а не военной силы как таковой [1].

Объединение Германии стало новым этапом политики безопасности и обороны страны, который развивался под эгидой «нормализации» ФРГ с точки зрения обращения к широкому инструментарию кризисного и конфликтного реагирования, включающего не только невоенные методы, но и участие бундесвера в военных операциях НАТО (например, на Балканах в 1990-е гг. или затем в Афганистане). Учитывая исторический контекст, подобное участие в международных делах не обходилось без ограничений, дискуссий, оговорок и даже скепсиса со стороны стран-партнеров, таких как Франция и Великобритания [17]. Вместе с тем наблюдалась и активизация оборонной политики ФРГ, расширение сферы ее интересов в вопросах обеспечения безопасности. Они более не были лимитированы национальными границами, что фиксировалось в доктринальных документах, таких как Белая книга безопасности (в 2006 и 2016 гг.), Директива по оборонной политике (начиная с 2003 г.). Подобная динамика носила ограниченно-реформаторский характер, не выходящий за сложившиеся на протяжении десятилетий концептуальные рамки.

Ключевым событием в политике безопасности и обороны ФРГ стала «смена эпох», провозгласившая перелом в феврале 2022 г., чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, после окончания холодной войны Германия вполне объяснимо пользовалась «дивидендами мира»: финансирование обороны выступало долгое время вопросом «второго порядка», уступая место таким ситуативно наиболее насущным проблемам, как экономическая и социальная политика (особенно учитывая факт, что объединение разделенной страны не ограничивалось

подписанием документов, а несло существенную нагрузку на бюджет). Закономерным следствием стало планомерное сокращение военного бюджета, который с 2005 по 2018 г. стабильно держался на уровне 1,1–1,2% ВВП[2], что являлось историческим минимумом для объединенной Германии. Другой мерой, вполне согласующейся с немецким позиционированием как «гражданской державы», стала отмена призыва на воинскую службу в 2011 г. Помимо этого, к 2022 г. бундесвер стал испытывать дефицит боеприпасов, запасных частей и несовместимости устаревающей техники. Таким образом, бундесвер к 2022 г. находился в состоянии системного упадка, продолжающегося на протяжении долгого времени[3].

Во-вторых, следует упомянуть, что по результатам саммита НАТО в Уэльсе в 2014 г. ФРГ взяла на себя обязательство довести расходы на оборону до 2% ВВП, что не выполнялось вплоть до 2024 г. Следовательно, давление на изменение фискальной политики в области обеспечения безопасности назревало задолго до артикулирования «смены эпох».

В-третьих, «смена эпох» обозначила разрыв с рядом традиционных установок – прежде всего с политикой «изменений через торговлю», предполагавшей нивелирование угроз безопасности через глубокую экономическую и энергетическую взаимозависимость с Россией. Одновременно подтвердились базовые паттерны немецкой стратегической культуры: союзническая лояльность, мультилатерализм, приверженность правовому порядку, что свидетельствует об окончательном принятии Германией нового европейского порядка [11].

В-четвертых, трансформационным процессам в оборонной политике ФРГ способствовала геополитическая турбулентность, набравшая обороты с февраля 2022 г. С одной стороны, она привела к деградации взаимоотношений с Россией, с которой существовали глубокие партнерские отношения, в первую очередь в области экономики и энергетики. В сфере безопасности Москва концептуально воспринималась Берлином в качестве партнера даже при учете некоторого охлаждения взаимоотношений между странами, наблюдавшегося с 2014 г., и квалификации России в качестве вызова безопасности ФРГ в Белой книге политике безопасности и будущего бундесвера 2016 г. Деградация взаимоотношений, начавшаяся в 2022 г., подорвала концептуальные идеи о партнерстве с Москвой, создав тем самым окно возможностей для давно, как полагают некоторые эксперты, назревших, но политически труднодостижимых решений в сфере обороны [11].

Данные об оборонных расходах ФРГ (Таблица) показывают, что в 2024 г. оборонный бюджет составил 88,5 млрд долл., что эквивалентно 1,9% ВВП. В сравнении с 2023 г. прирост составил 28% и 89% в сопоставлении с 2015 г. По объему выделяемых на оборону средств в абсолютных значениях ФРГ впервые после объединения вышла на четвертое место в мире с наиболее крупным бюджетом в Центральной и Западной Европе[4].

Таблица. Расходы ФРГ на оборону в 2015–2029 гг.
Table. German Defense Spending (2015–2029)

Год	Расходы (млрд $)	Доля ВВП
2015	$46,8 млрд	1,2%
2022	$55,8 млрд	1,4%
2023	$66,8 млрд	1,5%
2024	$88,5 млрд	1,9%
2025	$114 млрд	2,3%
2026	€108 (~$118) млрд	2,8%
2029	€152–162 (~$166–177) млрд	3,5%

Источник: данные для таблицы агрегированы автором из годовых отчетов Стокгольмского международного института исследований проблем мира за 2015, 2022, 2023, 2024 и 2025 гг.[5]

Source: The data for the table is Aggregated by the Author from the Annual Reports of the Stockholm International Peace Research Institute for 2015, 2022, 2023, 2024 and 20255

Обратим внимание, что значительная часть роста военных расходов обеспечивается специальным фондом в 100 млрд евро, который был создан канцлером О.Шольцем в 2022 г. Более того, в марте 2025 г. в Основной закон ФРГ была внесена поправка, согласно которой расходы на оборону, превышающие 1% ВВП, освобождаются от ограничений «долгового тормоза» (механизма, вводящего лимит структурного дефицита федерального бюджета в 0,35% ВВП как гарантию долгосрочной бюджетной дисциплины). Бюджетные планы, утвержденные на 2025 и 2026 гг. (95,1 и 108,2 млрд евро соответственно[6]), являются максимальными показателями финансирования обороны со времен холодной войны. Долгосрочная фискальная политика по обеспечению обороноспособности страны демонстрирует более масштабные намерения. Согласно плану министерства финансов, к 2029 г. оборонный бюджет планируется довести по 152–162 млрд евро[7], что составит 3,5% ВВП. Таким образом, существует перспектива удвоения номинального оборонного бюджета ФРГ в период с 2025 по 2029 г. Если эти планы будут реализованы, то

2 Military expenditure (% of GDP) – Germany. URL: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?locations=DE.

3 14. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten // Bundesministerium der Verteidigung. Dezember 2021. URL: https://www.bmvg.de/resource/blob/5325320/1f15343d355c6d77c332b06f27ebd025/download-14-ruestungsbericht-data.pdf.

4 Unprecedented rise in global military expenditure as European and Middle East spending surges // SIPRI. 28 April 2025. URL: https://www.sipri.org/media/press-release/2025/unprecedented-rise-global-military-expenditure-european-and-middle-east-spending-surges.

5 SIPRI Military Expenditure Database. Stockholm International Peace Research Institute, 2026. URL: https://www.sipri.org/databases/milex.

6 Deutschland investiert in Verteidigung und stärkt das Bündnis // Bundesministerium der Verteidigung. 26.11.2025. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-investiert-in-verteidigung-und-staerkt-das-buendnis-6045046.

7 German Parliament Approves 2026 Defence Budget // DSEI Gateway. 03.12.2025. URL: https://dsei-gateway.com/en/news/budget-investment/german-parliament-approves-2026-defence-budget/.

военный бюджет ФРГ продемонстрирует динамику роста, не имеющую прецедентов среди крупнейших европейских экономик.

Еще одной проблемной точкой в политике безопасности и обороны ФРГ остается состояние и комплектование бундесвера. В этом направлении инициирован ряд крупных закупочных программ: в 2024 г. Берлин одобрил 97 крупных проектов в области оборонных закупок, что является беспрецедентным показателем в истории страны. Совокупный объем одобренных контрактов превышает 58 млрд евро в рамках программ по производству танков, подводных лодок, зенитных ракетных комплексов и другого вооружения[8]. Отрицательная динамика численности личного состава бундесвера, снизившаяся в 2024 г. до показателей в 181 тыс. человек, сменилась ростом в 2025 г., достигнув численности в 184,2 тыс. человек. Военная стратегия ФРГ, представленная в апреле 2026 г., предусматривает увеличение к середине 2030-х гг. численности военнослужащих до 260 тыс. человек и количества резервистов до 200 тыс. человек, что суммарно составит 460 тыс. военнослужащих[9].

Обсуждение

Интерпретация этих тенденций в научно-аналитическом сообществе остаётся дискуссионной. Ряд исследователей квалифицирует происходящее как (ре-)милитаризацию страны [6–8; 16], отмечая ускоренный рост конвенциональных сил, развертывание новых воинских формирований, перевооружение и увеличение численности бундесвера. Вместе с тем в западных экспертных кругах преобладают более сдержанные оценки, сводящиеся к тезису о перевооружении страны в ответ на новые угрозы безопасности [11; 19]. В пользу этого свидетельствуют сохранение прямого парламентского контроля над бундесвером, встроенность немецкой оборонной политики в архитектуру НАТО, а также неизменность нуклеарных ценностных установок (нуклеарных паттернов) стратегической культуры Германии. Внешнеполитический курс России характеризуется как катализатор ускоренной модернизации оборонного потенциала ФРГ.

Изменения, происходящие в настоящий момент, представляют собой глубокую трансформацию как ресурсного, так и концептуального измерения немецкой оборонной политики [14; 18]. Одновременно сохраняют свое действие ключевые ценности и идеи, заложенные в стратегической культуре страны. Это позволяет предположить, что данные тенденции иллюстрируют «переходную нормализацию» в политике безопасности и обороны, при которой страна отходит от модели «гражданской державы» к модели «секьюритизации для сдерживания», где остаются неизменными многосторонний и правовой подход к безопасности при расширении инструментария ее обеспечения. В.К.Белозёров отмечает ключевое противоречие этого процесса: активизация мер по обеспечению безопасности представляется идеологически и ситуативно детерминированной, строящейся на противостоянии России. Как следствие, подобная ситуативность несет определенный риск: выстраиваемая на темпоральной оппозиции и антагонизме стратегическая культура остается уязвимой и не гарантирует долгосрочного стратегического суверенитета, декларируемого немецкой политической элитой [1].

Анализ данных тенденций позволяет очертить перспективы дальнейшего развития политики безопасности и обороны ФРГ. Есть основания полагать, что взятый Берлином курс на военное строительство будет последовательно реализовываться, пусть и неравномерно. При существующей динамике Германия, по всей видимости, продолжит усиление своей обороноспособности посредством наращивания оборонного бюджета, расширения численного состава бундесвера и модернизации парка военной техники. В пользу этого предположения свидетельствует и контекст обеспечения обороны европейского региона с опорой на НАТО, в которой роль и степень вовлеченности США остаются неопределенными. В связи с этим немецкий нарратив базируется на идее, что именно Европа ответственна за обеспечение собственной безопасности, а ФРГ должна стать ее краеугольным камнем за счет развития самой сильной европейской конвенциональной армии [5]. Нельзя исключать и обратный, менее вероятный, сценарий, когда намеченные планы военного строительства будут существенно замедлены или приостановлены. На это могут повлиять внутриполитические факторы, в первую очередь связанные с экономическими трудностями, а также гипотетический рост популярности и влияния партий, выступающих против наращивания военных расходов («Альтернатива для Германии» или «Союз Сары Вагенкнехт»). Данный сценарий может найти свою репрезентацию в случае нормализации ситуации на Украине, что вызовет замедление реализации принятых мер по усилению обороноспособности ФРГ. В то же время надо уточнить, что принятые в рамках «смены эпох» конституционные изменения и новые доктринальные документы, а также существующие структурные обязательства перед НАТО делают полную ремиссию практически невозможной.

Выводы

Трансформационные процессы, происходящие в вопросах поддержания обороноспособности ФРГ, представляют собой один из наиболее примечательных и значимых сюжетов в европейской архитектуре безопасности. В настоящее время Германия эксплицитно декларирует готовность к ведению относительно проактивного вектора своей политики безопасности и обороны, претендуя на роль потенциально сильнейшей конвенциональной европейской армии. С концептуальной

8 Germany's Accelerated Military Procurement: What Went Well and What Not // Großwald European Defence Intelligence. 28.03.2025. URL: https://www.grosswald.org/germanys-accelerated-military-procurement-what-went-well-and-what-not/.

9 Gesamtkonzeption militärische Verteidigung. Militärstrategie und Plan für die Streitkräfte. Verantwortung für Europa // Bundesministerium der Verteidigung. April 2026 // URL: https://www.bmvg.de/resource/blob/6093766/01b1718498c25db9010ea13724d7a37a/dl-gesamtkonzeption-der-militaerischen-download-deu-data.pdf.

точки зрения происходящее не является милитаризацией, при которой происходили бы абсолютизация и проникновение военного нарратива во все сферы жизни немецкого общества. Скорее можно отметить перевооружение страны в смысле сосредоточения усилий на вопросах укрепления обороноспособности (увеличение расходов, модернизация комплектования и численное наращивание личного состава и воинских формирований и т.д.), которые ранее не занимали весомого места (а порой ими пренебрегали) в политической повестке дня. Данный факт указывает в большей степени на «нормализацию» немецкой стратегической идентичности, которая двигается от модели «гражданской державы» в сторону секьюритизации.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру [Germany Building a Strategic Culture] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 166–177. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177.
2. Белозёров В.К. Методы анализа стратегических культур [Methods of Analysis of Strategic Cultures] // Контуры глобальных трансформаций. 2022. Т. 15. № 5. С. 29–49. https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.02.
3. Белозёров В.К. Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях [Image of Future War in Political Ideologies and State Strategies] // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России: коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н.Расторгуев; науч. ред. А.В.Никандров; Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С.Лихачёва; МГУ им. М.В.Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия, 2018. С. 106–123.
4. Белозёров В.К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран [Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German Speaking Countries] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1. С. 10–18. https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_1_846_10.
5. Белозёров В.К. Abwehr или Drang? К выходу первой в истории Германии Военной стратегии [Abwehr or Drang? Following the Release of First German Military Strategy] // Россия в глобальной политике. 30.04.2026. URL: https://globalaffairs.ru/articles/abwehr-ili-drang-belozyorov/.
6. Германия. 2023 [Germany. 2023]: монография / [В.Б.Белов и др.]. М.: Ин-т Европы РАН, 2024. 194 с. https://doi.org/10.15211/report22024_408.
7. Ознобищев С.К., Климов В.А. «Новая» милитаризация Европы? ["New" Militarization of Europe?] // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 12. С. 14–25. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25.
8. Трунов Ф.О. Тенденции милитаризации европейских «либеральных демократий» [Militarization Tendencies Among European "Liberal Democracies"] // Международная жизнь. 2025. № 10. С. 46–59.
9. Ухорская А.И., Кирилина Е.Ю., Кожухова К.Е. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) [Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China)] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 1. С. 110–117. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.
10. Berger T. Cultures of Antimilitarism. Johns Hopkins University Press, 2003. 272 p. https://doi.org/10.56021/9780801858208.
11. Bunde T. Zeitenwende as a Foreign Policy Identity Crisis: Germany and the Travails of Adaptation after Russia's Invasion of Ukraine // The British Journal of Politics and International Relations. 2025. Vol. 27. № 4. P. 1223–1246. https://doi.org/ 10.1177/13691481241311568.
12. Etzold T. Germany's Security and Defence Policies after the Zeitenwende: New Government, New Direction? Report – 4 / 2025 // Norwegian Institute of International Affairs. 2025. URL: https://www.nupi.no/content/pdf_preview/30288/file/NUPI_report_4_2025_Etzold.pdf.
13. Fiott D. Europe's Rearmament Dilemmas // Current History. 2026. Vol. 125, № 869. P. 87–92. https://doi.org/10.1525/curh.2026.125.869.87.

14. Fix L. The End of Civilian Power // Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century. London: Routledge, 2024. P. 38–57. https://doi.org/10.4324/9781003341161-4.
15. Helferich J. The (False) Promise of Germany's Zeitenwende // European View. 2023. Vol. 22, № 1. P. 85–95. https://doi.org/10.1177/17816858231157556.
16. Käßmann M. Schleichende Militarisierung. Beobachtungen zur Veränderung der Zivilgesellschaft // APuZ. 2024. 47–48 / 2024. S. 41–46.
17. Maull H. Germany and the Use of Force: Still a "Civilian Power"? // Survival. 2000. Vol. 42. № 2. P. 56–80. https://doi.org/10.1093/survival/42.2.56.
18. Maull H.W. Noch Zivilmacht?: die Außen- und Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland // SWP-Studie 13 / 2025. 2025. S. 1–36. https://doi.org/10.18449/2025S13.
19. Mello P.A. Zeitenwende: German Foreign Policy Change in the Wake of Russia's War Against Ukraine // Politics and Governance. 2024. Vol. 12. P. 7346. https://doi.org/10.17645/pag.7346.

Информация об авторе

АГАФОНОВА Ольга Владимировна. Соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук; научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета. https://orcid.org/0000-0001-8460-8555. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. olga.agafonova92@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г. Одобрена после рецензирования: 20 мая 2026 г. Принята к публикации: 25 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belozerov V.K. Germany Building a Strategic Culture. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2023; 21(5):166–177 [In Russian]. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177.
2. Belozerov V.K. Methods of Analysis of Strategic Cultures. Kontury global'nyh transformacij [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022; 15(5):29–49 [In Russian]. https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.02.
3. Belozerov V.K. Image of Future War in Political Ideologies and State Strategies. In Options for Long-Term Strategy in Conditions of Global Instability and Russian Civilizational Heritage: Collective Monography Following XV International Panarin Readings, Eds.: V.N.Rastorguev, A.V.Nikandrov. Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Lomonosov Moscow State University. Moscow: Institut Nasledija [Heritage Institute]. 2018:106–123 [In Russian].
4. Belozerov V.K. Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German Speaking Countries. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. 2022; 1:10–18 [In Russian]. https://doi.org/10.52070/2500-347x_2022_1_846_10.
5. Belozerov V.K. Abwehr или Drang? Following the Release of First German Military Strategy. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 30.04.2026 [In Russian]. Available from: https://globalaffairs.ru/articles/abwehr-ili-drang-belozyorov/.

6. Germany. 2023: monograph. [V.B.Belov et al.]. Moscow: In-t Evropy RAN [Institute of Europe of RAS], 2024. 194 p. [In Russian]. https://doi.org/10.15211/report22024_408.
7. Oznobishchev S.K., Klimov V.A. "New" Militarization of Europe? Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2024; 68(12):14–25 [In Russian]. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25.
8. Trunov F.O. Militarization Tendencies Among European "Liberal Democracies". Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2025; 10:46–59 [In Russian].
9. Ukhorskaya A.I., Kirilina E.Yu., Kozhukhova K.E. Antinomies of the Strategic Cultures of the West and the East (On the Example of Germany, France, and China). Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. 2021; 21(1):110–117 [In Russian]. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117.
10. Berger T. Cultures of Antimilitarism. Johns Hopkins University Press, 2003. 272 p. [In English]. https://doi.org/10.56021/9780801858208.
11. Bunde T. Zeitenwende as a Foreign Policy Identity Crisis: Germany and the Travails of Adaptation after Russia's Invasion of Ukraine. The British Journal of Politics and International Relations. 2025; 27(4):1223–1246 [In English]. https://doi.org/ 10.1177/13691481241311568.
12. Etzold T. Germany's Security and Defence Policies after the Zeitenwende: New Government, New Direction? Report - 4 / 2025. Norwegian Institute of International Affairs. 2025 [In English]. Available from: https://www.nupi.no/content/pdf_preview/30288/file/NUPI_report_4_2025_Etzold.pdf.
13. Fiott D. Europe's Rearmament Dilemmas. Current History. 2026; 125(869):87–92 [In English]. https://doi.org/10.1525/curh.2026.125.869.87.
14. Fix L. The End of Civilian Power. Germany and Nuclear Weapons in the 21st Century. London: Routledge, 2024:38–57 [In English]. https://doi.org/10.4324/9781003341161-4.
15. Helferich J. The (False) Promise of Germany's Zeitenwende. European View. 2023; 22(1):85–95 [In English]. https://doi.org/10.1177/17816858231157556.
16. Käßmann M. Schleichende Militarisierung. Beobachtungen zur Veränderung der Zivilgesellschaft. APuZ. 2024; 47–48 / 2024:41–46 [In German].
17. Maull H. Germany and the Use of Force: Still a "Civilian Power"? Survival. 2000; 42(2):56–80 [In English]. https://doi.org/10.1093/survival/42.2.56.
18. Maull H.W. Noch Zivilmacht?: die Außen- und Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland. SWP-Studie. 2025; 13 / 2025:1–36 [In German]. https://doi.org/10.18449/2025S13.
19. Mello P.A. Zeitenwende: German Foreign Policy Change in the Wake of Russia's War Against Ukraine. Politics and Governance. 2024; 12:7346 [In English]. https://doi.org/10.17645/pag.7346.

About the author

Olga V. AGAFONOVA. Postgraduate student of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences; Researcher of the Centre for Socio-Cognitive Discourse Studies at Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0001-8460-8555. Address: Build. 1, Ostozhenka str., 38, Moscow, 119034, Russian Federation. olga.agafonova92@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: May 5, 2026. Approved after peer review: May 20, 2026. Accepted for publication: May 25, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this wor

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО
Политические институты, процессы и технологии
POWER, POLITICS, STATE
Political institutions, processes and technologies

Научная статья Политические науки
УДК 32
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-225-241

От забвения к признанию: политика памяти в Испании

Мария Владимировна Пупышева ✉

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pupysheva.maria@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9565-7333

Аннотация. Статья посвящена изменениям политики памяти в Испании с момента перехода к демократии (1975–1982) до наших дней, где ключевой проблемой является конфликт между официальным «пактом забвения» (амнистия 1977 г., Конституция 1978 г.) и растущим давлением активистов, общественности и мемориальных организаций. Исследование было разделено на три этапа: консенсусный переход, характеризующийся замалчиванием прошлого; «войны памяти» 1990–2000-х гг., основанные на столкновении интересов мемориальных организаций (в частности, Ассоциации по восстановлению исторической памяти и Фонда Франсиско Франко) и разрушении мифа о «двух Испаниях»; институционализация (несмотря на сопротивление правых сил). Анализ показывает, что политика памяти Испании трансформировалась с течением времени: от консенсусного «пакта забвения» переходного периода (1975–1982) к открытому противостоянию благодаря активизму снизу и институциональным сдвигам сверху. Законы об исторической (2007) и демократической памяти (2022) ознаменовали начало процесса по признанию жертв, однако опросы показывают рост поляризации в обществе и ностальгии по прошлому среди молодежи. Использованные методы включают анализ законодательства и данных Центра социологических исследований Испании, дискурс-анализ СМИ и выступлений официальных лиц. Память о Гражданской войне и диктатуре превратилась в инструмент политической легитимизации, приведшей к новым «войнам памяти», лишь усиливающим раскол между правыми и левыми партиями современной Испании. Автор заключает, что отсутствие консенсуса препятствует примирению и объективному осмыслению Гражданской войны и диктатуры.

© Пупышева М.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Ключевые слова: политика памяти, пакт забвения, франкизм, закон об исторической памяти, закон о демократической памяти, мемориальные организации, «войны памяти»

Для цитирования: Пупышева М.В. От забвения к признанию: политика памяти в Испании // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 225-241, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-225-241

Original article Political Sciences
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-225-241

From Oblivion to Recognition: Memory Politics in Spain

Maria V. Pupysheva ✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pupysheva.maria@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9565-7333

Abstract. The article examines the evolution of memory politics in Spain from the transition to democracy (1975–1982) to the present day. The central issue is the conflict between the official "pact of oblivion" (1977 Amnesty, 1978 Constitution) and mounting pressure from activists, the public, and memorial organizations. The study is structured around three stages: the consensus transition marked by silencing the past; the "memory wars" of the 1990s–2000s, driven by clashes between memorial organizations (notably the Association for the Recovery of Historical Memory and the Francisco Franco Foundation) and the dismantling of the "two Spains" myth; and institutionalization despite resistance from right-wing forces. Analysis demonstrates that Spain's memory politics has transformed over time: from the consensus "pact of oblivion" of the transitional period (1975–1982) to open confrontation fueled by bottom-up activism and top-down institutional shifts. The Historical Memory Law (2007) and Democratic Memory Law (2022) initiated victim recognition processes; however, surveys from Spain's Sociological Research Center reveal growing societal polarization and nostalgia among youth. Methods employed include legislative analysis, Sociological Research Center data review, discourse analysis of media and official statements. Memory of the Civil War and dictatorship has become a tool of political legitimization, sparking new "memory wars" that only exacerbate divisions between right- and left-wing parties in contemporary Spain. The author concludes that the lack of consensus hinders reconciliation and objective reckoning with the Civil War and dictatorship.

Keywords: memory politics, pact of oblivion, Francoism, historical memory law, democratic memory law, memorial organizations, "memory wars"

For citation: Pupysheva M.V. From Oblivion to Recognition: Memory Politics in Spain. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 225-241, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-225-241

Введение

Прошло более 50 лет с окончания режима Франко. Ни одно из фундаментальных политических решений, введенных при становлении диктатуры в 1939 г., не сохранилось в современной Испании. Тем не менее было бы ошибочным предполагать, что четыре десятилетия истории страны могут исчезнуть, не оставив следа, что политические и институциональные компромиссы, принятые во время переходного периода, а также молчание, с ними связанное, стерли воспоминания о прошлом.

Немногие процессы политических трансформаций были столь сильно подвержены влиянию памяти, как эпоха перехода к демократии [5]. На сегодняшний день официальная интерпретация коллективного прошлого зависит как от идеологической подоплеки и необходимости провести моральную черту между демократией и диктатурой, так и от силы социальных воспоминаний, вторгающихся в национальное сознание. С этой точки зрения, истина находится на стыке двух подходов к прошлому, которые необходимо учитывать, чтобы прояснить формы взаимодействия и конфронтации между действующими акторами, а также факторы, на них влияющие. Палома Агилар Фернандес [9] пишет о взаимодействии между политиками памяти (совокупность публичных инициатив, направленных на защиту или укрепление особой интерпретации значимых для социальных или политических групп событий прошлого) и памятью о политике, под которой подразумеваются непосредственно реципиенты или же «целевая аудитория» политик памяти. Данная статья предлагает интерпретировать эволюцию памяти в постфранкистский период через призму политической борьбы, в которой сталкиваются эти два элемента.

Материалы и методы

Проведенное исследование основывалось на изучении законодательства, регулирующего политику памяти в Испании, в частности, Конституции 1978 г., Закона об исторической памяти 2007 г., Закона о демократической памяти 2022 г. Особое внимание уделялось деятельности ключевых мемориальных организаций: Ассоциации по восстановлению исторической памяти (ARMH) и Фонда Франсиско Франко (FFF). Для анализа эволюции общественных представлений о Гражданской войне и франкизме был использован сравнительный анализ данных социологических опросов разных годов. Дискурс-анализ материалов федеральных СМИ и парламентских выступлений позволил изучить реакции политических элит на мемориальные инициативы.

Результаты исследования

Молчание ради консенсуса

Процесс демократического перехода в Испании представляет собой промежуток времени, в течение которого осуществлялась корректировка работы политических и социальных институтов – переход от авторитарного управления, основанного на репрессиях, к иному гражданскому соглашению, в котором определение и функционирование государственных структур подлежат общественному обсуждению. Это процесс временной делегитимизации и дестабилизации [7], в ходе которого появляются демократические институты и процессы, стремящиеся к легитимности в противовес авторитарным институтам и практикам. Трансформация затрагивает коллективные представления об обществе, участвующие в устранении прежнего порядка для создания нового. Тем не менее любой процесс изменений не лишен неопределенности, и если переход является ключевым моментом для выражения и нормативного закрепления коллективной памяти, это также время размывания восприятия прошлого. Это период, в котором сосуществуют элементы институциализации и пре-институциализации [7], когда авторитарный режим теряет свою целостность, не приобретая полностью характеристики нового демократического режима.

После смерти Франко построение демократического общества является стремлением большинства испанцев, однако оно же представляет политический вызов ввиду разнообразия авторов и срочности проблем: определение характера режима и институтов, роли вооруженных сил и т.д. Воспоминания о гражданской войне и репрессиях приводят к принятию ряда соглашений между гражданскими, военными и политическими элитами, результатом которых стали Закон об амнистии 1977 г., Конституция 1978 г. и провал попытки государственного переворота 1981 г.

С этой точки зрения переход можно охарактеризовать как «консенсусный» или «примирительный» [2], поскольку действующий демократический режим не является продуктом окончательного разрыва с диктатурой. Институты последней регулировали самороспуск, гарантируя себе минимальный контроль над властью. Условия были сформулированы и согласованы с ключевыми политическими фигурами того времени (включая короля Хуана Карлоса, председателя правительства и франкиста А.Суареса и главу компартии С.Каррильо) еще до смерти Франко. Процесс прошел с соблюдением всех условий, выдвинутых франкистским режимом: сохранение единства Испании перед лицом сепаратистских движений, самороспуск Кортесов и Национального движения, однако важным представляется требование об отсутствии судебного преследования военных и членов администрации. Демократии пришлось столкнуться с препятствиями в процессе становления [17], поскольку политические элиты продолжали воспринимать

Испанию как не примирившееся общество, отмеченное травмой гражданской войны и репрессий.

Во время перехода политические элиты обязались провести окончательную амнистию франкистов и коллаборационистов, ожидая, что она приведет к большему сплочению в обществе. Однако климат насилия, в котором протекал переход к демократии, и страх перед радикализацией общества, приведший к смягчению требований представителей политических групп, привели к обратному эффекту. После самороспуска франкистских Кортесов наиболее радикальные настроения оформились в активные действия. В 1977 г. ЕТА возобновила свою террористическую деятельность, в том же году неофранкистский отряд убил пятерых адвокатов в Мадриде. Более 600 убийств, попытка государственного переворота через три года после принятия Конституции не способствовали политическому пересмотру и дебатам о последствиях диктатуры.

Вскоре в прессе и в интеллектуальных кругах начинают появляться заявления, пусть и миноритарные, осуждающие замалчивание прошлого ради становления нового демократического режима и указывающие на существование секретных соглашений между политическими элитами [15]. Сторонники этого тезиса полагали, что политические пакты ограничивают возможности открытого обсуждения прошлого и препятствуют совершению правосудия для жертв диктатуры. Эта теория предвосхитила то, что впоследствии было названо «пактом забвения» [8], утверждающим, что травматичное воспоминание о гражданской войне присутствовало на протяжении всего этапа перехода и повлияло на принятие ключевых политических решений. Теория вводит понятие совместной ответственности обеих сторон за замалчивание реальности войны в коллективной памяти. Было ли это сделано для предотвращения повторения и могли ли открытые дебаты достичь более эффективных результатов – вопрос спорный. Однако слово «консенсус» становится одним из ключевых слов в период перехода, в особенности в официальном дискурсе.

Несмотря на прошедшие десятилетия, к периоду обращаются лишь с целью вытеснить его в сферу забвения, как к болезненному воспоминанию, способному возобновить конфликт. Политические элиты взяли на себя обязательство не использовать этот фрагмент прошлого как несовместимый с задачей установления в Испании стабильного демократического режима. Конституция Испании является воплощением политики консенсуса – ни один конституционный текст не был принят единогласно [12]. Исследователи называют ее «Конституцией примирения», поскольку она утверждает, что последствия войны преодолены, что позиции «победителей» и «побежденных» размываются и что новый режим обеспечит равенство всех испанцев перед законом. Хосе Видаль Бенейто писал, что «демократия, которой управляется Испания, была построена на плитах, покрывающих могилу коллективной памяти» [20, с. 33].

Двусмысленность и внутренние противоречия официальных заявлений являются характерными для этого периода. Данной риторике присуще стремление

навязать молчание и автоцензуру в отношении прошлого, позволяя консервативному крылу не утрачивать свое влияние. Франкистские элиты согласились на мирный переход к демократии в обмен на политическую амнистию, основанную на молчании о прошлом. Никто не был призван к ответственности перед судом, не существовало комиссий для объективного установления исторических фактов. Не существовало и официальной реабилитации, а новые политические силы избегали осуждения диктатуры.

Иными словами, в обмен на реформы и новые институциональные рамки целый ряд вопросов, связанных с недавним прошлым, был выведен за границы политических дебатов. Однако перед лицом официального молчания появились частные инициативы, требующие возвращения к прошлому.

«Войны памяти»

Появление первых мемориальных организаций в Испании приходится на 1990-е гг. Знаковой является «Ассоциация за восстановление исторической памяти» (ARMH), выступающая за восстановление исторической памяти и требующая эксгумации братских могил. Отвергнувшие «пакт забвения» мнемонические воины [6] добиваются одновременно установления исторической правды и достойного погребения, чтобы семьи убитых могли завершить траур. По оценкам объединения, в годы существования диктатуры исчезло не менее 30 000 человек, в 1936–1939 гг. от 40 000 до 60 000 республиканцев были убиты или расстреляны. Несмотря на то, что после войны многие были эксгумированы, а их останки возвращены семьям, большая часть погибших до сих пор числятся пропавшими без вести. ARMH ставит своей задачей их поиск на основе документов и свидетельств.

Франкистский режим наложил запрет на признание погибших республиканцев, не только скрывая расположение братских могил, но и запретив посещение кладбищ, возложение цветов и даже ношение черной одежды, сводя к минимуму возможность для родственников жертв пережить траур. Благодаря поиску захоронений, эксгумациям и анализу останков ассоциация предоставляет людям возможность оплакать близких и разрушает франкистский миф о «двух Испаниях», основанный на противопоставлении хорошего католического испанца и плохого красного. Благодаря мобилизации семей, «детей войны», эвакуированных за границу, бывших политзаключенных, а также потомков эмигрантов память о Гражданской войне постепенно возвращается в публичные дебаты [3].

Главная причина столь позднего появления подобных ассоциаций кроется, с одной стороны, в отсутствии индивидуальных, политических и гражданских свобод в течение диктатуры, с другой – в низком уровне политической институционализации вплоть до конца 1980-х гг., что отразилось на способности общества к самоорганизации [16]. Ситуация усугубилась отсутствием помощи со стороны государства: множественные обращения граждан, стремившихся зарегистрировать смерть пропавших без вести родственников и добиться их признания, так и не получили официального ответа.

В последние годы тема франкистских захоронений проникла в медиасферу и в политическое пространство. ARMH привлекает к себе внимание не только национальной, но и зарубежной прессы, а также международных правозащитных организаций. В частности, представители ассоциации выступали в ООН, добиваясь финансирования[1]. Воздействие этого обращения к испанскому правительству породило парламентские дискуссии, в которых левые партии настаивали на применении ретроактивного правосудия.

Несмотря на то, что ARMH не преследует политических целей, оно возвращает в публичное пространство ценности и идеологии прошлого, которые могут быть критическими по отношению к действующим структурам власти. В связи с этим ассоциация стремится сохранять идеологическую независимость и отказывается от привязки к партиям, хотя на практике не отвергает единичных форм сотрудничества с политическими акторами.

Таким образом, не будучи ограниченной идеологическими рамками и сопряженными с ними политическими требованиями, ARMH способствует артикуляции требований общественности, связанных с последствиями насилия времен Гражданской войны и диктатуры, пробуждая интерес политических и институциональных акторов. Тем не менее члены ассоциации неоднократно заявляли, что ощущали дискриминацию, в особенности в период правления Х.М.Аснара. В то время как ассоциация безуспешно добивалась предоставления государственной помощи для возвращения тел погибших их семьям, правительство выделяло субсидии на создание и работу Фонда Франсиско Франко, который получил более 150 тысяч евро только на архивные проекты. Для сравнения: в 2007–2011 гг. ARMH получала от 45 до 60 тысяч евро в год на организацию эксгумаций, однако экономический кризис существенно сократил поток государственного финансирования, которое в данный момент выделяется редко и только на конкретные проекты.

В 2000 г. при поддержке правительства Х.М.Аснара (Народная партия, PP) из средств Министерства культуры была негласно выделена ежегодная субсидия в размере 150 000 евро на создание и развитие деятельности Фонда Франсиско Франко (FFF), официально учрежденного в 2002 г. и возглавляемого дочерью каудильо, герцогиней Кармен Франко Поло. Согласно данным, целью фонда является «распространение знаний о фигуре Франсиско Франко в ее человеческом, политическом и военном измерениях, а также о достижениях и свершениях, осуществляемых его режимом»[2]. Направления деятельности

1 España sigue bloqueando la investigación de las desapariciones del franquismo tras 15 años de reproches de la ONU. URL: https://www.eldiario.es/sociedad/espana-entorpeciendo-investigacion-desapariciones-onu_1_3219698.html.

2 Fundación Nacional Francisco Franco: Historia y fines URL: https://fnff.es/la-fundacion/historia-y-fines/.

фонда опираются на документальный фонд 1939–1975 гг., тематика которого обозначена как «национальная и международная политика, предназначенная для использования историками, преподавателями, журналистами и аспирантами».

С 2002 г. FFF разрешил доступ к своим архивам менее чем 200 исследователям, поскольку администрация автоматически отказывает в доступе людям, не имеющим национального исследовательского удостоверения, что ограничивает возможности для независимых и иностранных исследователей. Поскольку фонд финансируется за счет государственных субсидий, ограничение доступа вызывало вопросы общественности и стало предметом обсуждения. В 2002 г. партия «Инициатива за Каталонию – Зелёные» (ICV) запросила у Министерства культуры разъяснения относительно государственного субсидирования фонда, однако не получила ответа. В 2003 г. Испанская социалистическая рабочая партия (PSOE), Конвергенция и Союз (CiU) и Галисийский националистический блок (BNG) отправили запрос в Комиссию по культуре Конгресса на выяснение законности субсидий в пользу фонда, ставшего второй по объему государственного финансирования частной организацией.

Наиболее заметным действием фонда, вызвавшим широкие дебаты общественности, стало празднование годовщины смерти генерала Франко, ежегодно проводившееся в Долине Павших вплоть до 2019 г. Пантеон, в котором захоронены павшие во время Гражданской войны, был задуман и спроектирован самим Франко с целью увековечить свою власть и память о союзниках и их славе. Бесплатное посещение Долины Павших и проведение там религиозных обрядов в честь диктатора вызывало протесты со стороны ассоциаций жертв франкизма, которые обвиняли правительство в финансировании политико-мемориального устройства вокруг Фонда. Присутствие и участие на мероприятии видных деятелей и политических лидеров свидетельствует о том, что FFF служил местом политического притяжения и возвышения не только для ультраправых партий Испании, но и косвенно для PP[3], поскольку он получал значительную часть средств от государственных субсидий. Сложившуюся ситуацию можно определить как форму сакрализации власти: если для Франко Долина Павших была способом утверждения своей власти, то финансирование Фонда правительством Аснара и ежегодная месса 20 ноября могут быть расценены как политический жест и способ передачи политического наследия.

Празднование в Долине Павших стало ритуалом, повторяющимся из года в год и получающим широкую огласку. Фактически оно стремилось зафиксировать в коллективной памяти события, считающиеся значимыми для истории Испании. Благодаря повторяющимся действиям создавалась иллюзия непрерывности истории, порождающей миф о единой народной памяти.

3 Основателем Народной партии Испании был Мануэль Фрага – министр при Франко. Этот факт сам по себе свидетельствует о политическом интересе PP в финансировании деятельности Фонда.

Официальное празднование было прекращено лишь после эксгумации останков в октябре 2019 г., что сделало ритуал невозможным. Сторонники Франко, включая Фонд, продолжают праздновать 20 ноября, не получая, однако, такого широкого освещения. После принятия Закона об исторической памяти официальные мероприятия в Долине Павших были запрещены, чтобы избежать прославления диктатуры. Тем не менее 21,3% испанцев считают франкизм «хорошим или очень хорошим» для страны (61,7% среди избирателей Vox и 41,6% – среди голосующих за Народную партию), в то время как 68,9% оценивают его как «плохой или очень плохой». Лишь 74,6% предпочитают демократию диктатуре, в то время как 17,3% (17% среди молодёжи 18–24 лет) думают иначе[4]. Сравнение с данными опросов от 2008 г. (10% – «очень хороший», 46% – «не хороший и не плохой», 37% – «плохой»)[5] показывает рост ностальгии среди молодежи, а также свидетельствует о растущей поляризации в коллективной памяти.

Закон об исторической памяти

С приходом к власти Испанской социалистической рабочей партии и председателя правительства Х.Л.Родригеса Сапатеро в 2004 г. у ассоциаций памяти и левых политических партий открываются новые возможности. В том же году создается Межминистерская комиссия по изучению положения жертв Гражданской войны и франкизма. На основе выводов комиссии были разработаны законодательные предложения, легшие в основу так называемого Закона об исторической памяти, представленного в парламент в 2006 г. В день утверждения законопроекта в Совете министров социалисты сталкиваются с обвинениями со стороны Народной партии в стремлении оживить призраков прошлого[6]. Согласно PP, законопроект подрывает политический и институциональный консенсус, которого испанское общество достигло, ослабляя тем самым демократическое основание существующей политической системы.

Столкнувшись с протестами, кабинет Сапатеро предлагает нейтральную версию первоначального проекта, и вместо «Закона об исторической памяти» он получает название «Закон о признании и расширении прав лиц, пострадавших в результате Гражданской войны и диктатуры». Подобный исход оставляет практически все фракции неудовлетворенными:

4 El 21,3% de los españoles piensa que la dictadura de Franco fue buena o muy buena, según el CIS. Datos RTVE 13.10.2025 URL: https://www.rtve.es/noticias/20251013/cis-dictadura-franco/16768390.shtml.

5 Centro de Investigación Sociológico, Memoria de la guerra civil y del franquismo, UNED, Estudio 2760, 16 de Abril de 2008.

6 В частности, «подорвать переход» и возродить «вражду одних против других», поскольку предложенный закон «не преследует цели помочь кому-либо», а нацелен на то, чтобы «обострить, накалить обстановку и вновь открыть спор, о забывании которого мы договорились», приняв Конституцию 1978 г. El PP acusa a Zapatero de “olvidar la Transición y rememorar la Guerra. URL: http://www.elmundo.es/elmundo/2007/10/08/espana/1191860210.html.

- для PP, ультраправых организаций и католической церкви этот закон открывает вопрос, который уже был закрыт с принятием Конституции, и создает новые линии раскола;
- для левых партий, выступивших инициаторами законопроекта, ассоциаций и правозащитных организаций окончательный проект оказался недостаточным для обеспечения справедливости для жертв франкизма.

Одним из наиболее конфликтных пунктов стал вопрос о пересмотре судебных приговоров [11]. Ссылаясь на Конституцию, PSOE не включила в закон положение об аннулировании приговоров, вынесенных франкистскими судами. Около двухсот поправок только к этому пункту было внесено различными оппозиционными блоками, что предвосхитило более радикальный курс PSOE в 2022 г., когда в Законе о демократической памяти они были в значительной степени учтены.

В то же время мемориальные организации с недовольством встречают нормы, предложенные правительством для регулирования эксгумаций из братских могил. Закон предусматривал, что работы по извлечению останков должны производиться по заявлению прямых потомков жертв или заинтересованных организаций, однако также требовалось разрешение правительства автономных сообществ и органов местного самоуправления. Для вскрытия братских могил требовалось не только решение судьи, как ранее, но и согласие администрации автономии. Новый закон был представлен как создающий механизм содействия центрального правительства идентификации останков, однако при этом Мадрид не принял на себя ответственности за ее осуществление, лишь бюрократизировав процесс.

Наряду с этим социалистическое правительство дает понять франкистским и ультраправым организациям об ограничении торжеств и прославления Гражданской войны и диктатуры, обязав Фонд Франсиско Франко внести изменения в уставные документы под угрозой отмены государственного субсидирования. Закон предусматривал деполитизацию Долины Павших путем запрета на ее территории политических акций, прославлявших франкизм. Данный вопрос раскалывает общество: общественные группы, усиленные активным освещением в СМИ, настаивают на реабилитации жертв франкизма и требуют переноса останков Франко и Примо де Риверы из долины, финансируемой за счет налогоплательщиков, в то время как другая сторона отстаивает идею о том, что нельзя препятствовать совершению католических обрядов для «павших за Бога и Испанию»[7]. Примечательным представляется тот факт, что за три дня до утверждения закона в Риме прошла массовая беатификация 498 священников, казненных республиканцами во время Гражданской войны.

7 Caídos por Dios y por España – формула поминовения павших сторонников Франсиско Франко во время Гражданской войны в Испании. Согласно идеологии франкизма, война трактовалась не как политический конфликт, а как «крестовый поход» против безбожников и коммунистов [19].

Ассоциации жертв франкизма и общественность восприняли акт Ватикана как провокацию и требовала от Церкви «простить и просить прощения»[8].

Разногласия в обществе вызвали реакцию умеренных националистов, до тех пор не принимавших участия в обсуждении, которые потребовали, чтобы в законе также было указано на злоупотребления, совершенные республиканцами в годы войны. Социалистическое правительство отказывается вносить правки в текст закона, мотивируя отказ нежеланием выносить оценки историческим событиям. Несмотря на это, PSOE необходимы голоса националистов, чтобы принять закон до парламентских выборов 2008 г. Переговоры завершаются соглашением о создании Центра документации, который должен включить в себя Общий архив Гражданской войны. Это соглашение между центральным правительством и Galeuscat (Баскская националистическая партия, Галисийский националистический блок и каталонская Конвергенция и Союз) позволило все же принять закон, получивший название «О признании и расширении прав лиц, пострадавших в результате Гражданской войны и диктатуры».

Однако принятие закона не объединило общество, а перевело конфликт в плоскость практического применения. В последующие годы мемориальные организации неоднократно указывали на медлительность администрации, недостаточность ресурсов, в то время как политическая дискуссия о масштабе репараций по-прежнему оставалась заметной в медийном пространстве.

В декабре 2011 г. к власти вновь вернулась Народная партия, выбрав председателем правительства Мариано Рахоя. В силу экономического кризиса и незаинтересованности центральной власти закон отошел на второй план. Государственный бюджет на 2012 г. по этой статье был сокращен на 60%, а Офис по делам жертв Гражданской войны и диктатуры был упразднен. С 2013 г. финансирование эксгумаций было упразднено.

Демократическая память

Использование прошлого в качестве инструмента политической борьбы укоренилось в испанском обществе. Со времени принятия Закона об исторической памяти и до 2020 г., когда был принят Закон о демократической памяти, дискурс и позиции по вопросам памяти в Испании практически не изменились. Первый закон, утвердивший механизмы репараций, эксгумации и идентификации исчезнувших во время Гражданской войны и франкизма, встретил сопротивление значительной части парламента, воспринявшей его как политику реваншизма. Фактическое замораживание действия закона на протяжении правого правительства Рахоя встретило, в свою очередь, критику

8 La asociación de la memoria reclama que la iglesia perdone y pida perdón. URL: hrtp://www.elpais.com/articulo/sociedad/Asociacion/MemoIrgilaes/irae/cpelradmoane//pida/perdon/elpepusoc/20071028elpepisoc_6/Tes.

со стороны оппозиционных партий. Активное освещение межпартийных конфликтов лишь усилило раскол в обществе.

1 июня 2018 г. был выдвинут первый в истории Испании вотум недоверия, после которого к власти вновь пришли социалисты, а в круг тем, подлежащих общественному обсуждению, – политика памяти. Еще в 2017 г. PSOE зарегистрировала проект закона о реформе Закона 52 / 2007 «Об исторической памяти», во многом учитывавший предложения, озвученные оппозицией. Он предусматривал аннулирование франкистских приговоров, создание Комиссии по установлению истины и Реестра жертв, а также эксгумацию как прямую ответственность государства. Представляется интересным, что в проекте также присутствует словарь с определением ключевых понятий. В частности, «справедливость» определяется как «расследование без последующего уголовного преследования», что расходится с международными практиками и роднит его с термином «право на установление истины» [18]. Последующие инициативы PSOE уже при власти были более сдержанными в вопросах истины и справедливости.

В том же 2018 г. состоялось два круга парламентских выборов, и лишь после второго PSOE удалось сформировать коалиционное правительство с левым альянсом «Унидас Подемос» (UP). Эти выборы имели ключевое значение, поскольку в Кортесы вошла ультраправая партия Vox, выступающая против политики памяти как таковой и осуждения франкизма. В частности, на выборах она использовала образ Реконкисты, представляя современную Испанию как арену борьбы с внутренними и внешними врагами-иммигрантами, левыми и разрушителями традиционных ценностей [13], фактически продолжая франкистскую традицию очищения нации от врагов.

С другой стороны, в соглашении PSOE-UP выделяется отдельный пункт, посвященный восстановлению демократической памяти в форме признания жертв Гражданской войны и диктатуры, разработки программы эксгумаций, устранения франкистской символики и запрета на возвеличивание франкизма, признания ничтожными приговоров франкистского периода, а также проведения аудита имущества, конфискованного при франкизме, с целью его возврата законным владельцам.

Мемориальные организации отреагировали на коалиционное соглашение в целом положительно, однако с осторожностью и критикой, расценив его как важный, но недостаточный шаг вперед. Президент ARMH Эмилио Сильва подчеркнул, что включение эксгумаций в государственные обязанности, запрет апологии франкизма и аннулирование приговоров являются многолетними требованиями организации[9], однако принятый минимум рискует быть размытым бюрократией, как это произошло в 2007 г.

После возвращения левого правительства в 2018 г., хотя и с существенной потерей мест в парламенте, было предпринято несколько важных инициатив в рамках политики памяти. Ключевой стала эксгумация Франсиско Франко из Долины

9 La primera década con Ley de Memoria Histórica deja “todo por hacer” al Gobierno de coalición. URL: https://www.eldiario.es/sociedad/ley-memoria-historica-gobierno-coalicion_1_1098552.html.

Павших с перезахоронением в фамильном пантеоне, проходившая в атмосфере острой политической и медийной полемики. В рамках переосмысления долины как мемориального пространства было намечено выселение бенедиктинской общины, а также включение оправдания франкизма в перечень уголовных преступлений. Данные инициативы были реализованы в спешке, перед лицом предстоящих выборов, что не позволило выработать консенсус, который сделал бы политику памяти вопросом государственного значения, а потому она воспринимается как партийно окрашенный инструмент.

Принятие Закона об исторической памяти 5 октября 2022 г. демонстрирует сохранение укоренившихся проблем в сфере политики памяти: политическая демонстративность, политизация вопроса, подчинение памяти идентитарному прочтению.

Представленный в 2020 г. проект закона получил название «О демократической памяти». Принятие нового закона вместо внесения изменений в предыдущий, а также смена названия были призваны избежать политических и общественных дебатов, с которыми столкнулся Закон об исторической памяти. Переориентация была существенной: законопроект ставил жертв репрессий в центр государственной политики путем признания незаконными военные трибуналы и их приговоры. Некоторые из наиболее известных положений закона были запущены до его утверждения, в частности отзыв медалей, званий и наград, присужденных участникам военного переворота или диктатуры, а также роспуск фондов и ассоциаций, занимающихся прославлением франкизма [1].

Переосмысление Долины Павших, инициированное эксгумацией Франко и жертв Гражданской войны, стало главным аргументом правительства Санчеса. Место, построенное политическими заключенными и военнопленными, должно было стать пространством памяти вне политики и идеологии, придав прошлому педагогическую и демократическую ценность. Целью было примирение республиканцев и националистов, отказ от дихотомии «победители» и «побежденные» франкистского режима [10]. Однако превращение символа прошлого в место памяти открыло новую проблему, поскольку не только закрывало тему войны и диктатуры, но и ставило символическую точку в периоде перехода к демократии.

Закон ставит всех лиц, подвергшихся преследованиям во время Гражданской войны и франкизма в центр признания и репараций. Однако в реальности из субъекта они превратились в нечто второстепенное, в заинтересованную сторону в столкновении интересов и групп давления [14]. Помимо политических, существуют и образовательные интересы (изменение образовательных программ и подготовка новых учебников), интересы академической среды (включение политики памяти в образовательный процесс на всех уровнях), исследователей (открытие документальных фондов), мира культуры и мемориальных организаций. Кроме того, закон также подвергся обвинениям в противоречии духу перехода, поскольку расширял изучение нарушений прав человека вплоть до 1983 г.

Выводы

Политика памяти в Испании остается ареной противостояния между «памятью сверху» (законодательство, парламентские инициативы) и «памятью снизу» (мемориальные организации и семьи жертв). Эволюция от «пакта молчания» и компромиссного Закона об исторической памяти к Закону о демократической памяти показывает не только прогресс в принятии исторического периода, но и рост поляризации в обществе. Финансирование проектов остается спорным на фоне экономических, политических и социальных кризисов последних лет, ностальгия по стабильному прошлому среди молодежи растет.

Полемика и отказ части политического спектра и гражданской общественности от принятия обоих законов свидетельствует о неготовности испанского общества к символическому принятию прошлого [4], необходимости его преодоления и места, которое все жертвы должны занимать в коллективной памяти. Отсутствие систематического изучения не только периода Гражданской войны и диктатуры, но и переходного периода из-за ограничений в доступе к информации и архивам того времени приводит к навязыванию государством фиксированной позиции, воспроизводящей стереотипы, зависящие от партии у власти. Проблема состоит не столько в искажении истории, а в ее превращении в объект политической борьбы, в то время как многие парламентарии придерживаются мнения, что данные периоды нужно закрыть, а не открыть. В современной Испании политический дискурс все еще обращается к вымышленному прошлому, подогнанному под настоящее. Политическая поляризация делает невозможным отказ от эмоциональной идентификации с прошлым и, следовательно, абстрагирование, необходимое для анализа событий, и финальное примирение сторон в коллективной памяти общества.

Список литературы

1. Гранцева Е.О. Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? [The Law of Democratic Memory in Spain: an Attempt at Consolidation or a New Phase of Conflict?] // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 36. С. 76–113.
2. Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств [The Official Remembrance Policy: A Comparative Analysis of the Legislation and Judicial Practice of Modern States] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5–15.
3. Кирчанов М.В. Государственные и общественные участники политики исторической памяти в современной Испании [State and Activist Participants in the Policy of Historical Memory in Modern Spain] // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 401–408.
4. Наварро Наварро Х.Ф., Гранцева Е.О. Тени прошлого в Испании: историческая политика и общественная память о гражданской войне и франкизме [Shadows of the Past in Spain: Historical Policy and Collective Memory of Civil War and Francism] // Концепт: философия, религия, культура. 2021 № 5(4). С. 96–113.
5. Посас М.Х. Переход Испании к демократии как модель политической консолидации [The Spanish Transition as a Model of Political Consolidation] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. № 4. С. 1218–1230.
6. Прохоренко И.Л. «Войны памяти» в разделенных обществах: испанский случай [The “Memory Wars” in Divided Societies: the Case of Spain] // Иберoамериканские тетради. 2021. № 9(3). С. 67–78.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах [Political Order in Changing Societies]. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
8. Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти [Spain: Controversy around Historical Memory] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 72–87.
9. Aguilar Fernández P. Políticas de la memoria y memorias de la política. Madrid: Alianza Editorial, 2008.
10. Aguilar P, Jimeno R. De la “memoria histórica” a la “memoria democrática.” La evolución de las políticas públicas de memoria y justicia transicional en España. In: Penadés A, Garmendia A (eds) Informe sobre la Democracia en España 2022. El largo plazo. Madrid: Fundación Alternativas, 2023. P. 67–104.
11. Boyd C.P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 617(1). P. 133–148.
12. Encarnación Omar G. Memory and Politics in Democratic Spain in Diego Muro, and Ignacio Lago (eds), The Oxford Handbook of Spanish Politics, Oxford Handbooks, 2020.
13. Hepworth A. Memory Activism as Advocacy for Transitional Justice: Memory Laws, Mass Graves and Impunity in Spain // International Journal of Transitional Justice. 2023. Vol. 17. № 2. P. 268–285.
14. López Ulla J. M. Del derecho a la verdad al deber de memoria: a propósito de la nueva Ley de Memoria Democrática // Revista de Derecho Político. 2023. № 117. P. 99–130.
15. Macé J.-F. Los conflictos de memoria en la España post-franquista (1976-2010) // Bulletin hispanique. 2021. № 114–2. P. 749–774.
16. Porcar Orihuela J.L. Políticas de memoria en España // Barataria. Revista Castellano-Manchega De Ciencias Sociales. 2016. № 20. P. 61–77.
17. Reig Tapia A. Memoria de la Guerra Civil: los mitos de la tribu. Madrid: Alianza, 2000.
18. Sánchez Moreno M. Las políticas de memoria democrática en España: entre la impunidad y las obligaciones internacionales // Cuadernos de Gobierno y Administración Pública. 2020. № 7(1). P. 41–52.
19. Sevillano-Calero F. Caídos por Dios y por España. El culto a la muerte en la fundación de la dictadura franquista // Historia contemporánea. 2017. № 55. P. 609–635.
20. Vidal Beneyto J. Diario de una ocasión perdida: materiales para un principio. Barcelona: editorial Kairos, 1981.

Информация об авторе

ПУПЫШЕВА Мария Владимировна. Кандидат политических наук. Доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета. https://orcid.org/0000-0002-9565-7333. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Остоженка, 38, стр. 1. pupysheva.maria@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 марта 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Grantseva E.O. The Law of Democratic Memory in Spain: an Attempt at Consolidation or a New Phase of Conflict? Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah [Latin American Historical Almanac]. 2022; 36:76–113 [In Russian].
2. Dorskaya A.A., Pashentsev D.A. The Official Remembrance Policy: A Comparative Analysis of the Legislation and Judicial Practice of Modern States. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]. 2021; 17(6):5–15 [In Russian].
3. Kyrchanoff M.W. Sta State and Activist Participants in the Policy of Historical Memory in Modern Spain. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and Law Research]. 2025; 12(3):401–408 [In Russian].
4. Navarro Navarro J.F., Grantseva E.O. Shadows of the Past in Spain: Historical Policy and Collective Memory of Civil War and Francism. Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura [Concept: Philosophy, Religion, Culture]. 2021; 5(4):96–113 [In Russian].
5. Pozas M.J. The Spanish Transition as a Model of Political Consolidation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2020; 4(65):1218–1230 [In Russian].
6. Prokhorenko I.L. The "Memory Wars" in Divided Societies: the Case of Spain. Iberoamerikanskie tetradi [Cuadernos Iberoamericanos]. 2021; 9(3):67–78 [In Russian].
7. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. Moscow: Progress–Tradicija [Progress–Tradition], 2004 [In Russian].
8. Khenkin S.M. Spain: Controversy around Historical Memory. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2019; 4(12):72–87 [In Russian].
9. Aguilar Fernández P. Políticas de la memoria y memorias de la política. Madrid: Alianza Editorial, 2008 [In Spanish].
10. Aguilar P, Jimeno R. De la "memoria histórica" a la "memoria democrática." La evolución de las políticas públicas de memoria y justicia transicional en España. In: Penadés A, Garmendia A (eds) Informe sobre la Democracia en España 2022. El largo plazo. Madrid: Fundación Alternativas, 2023:67–104 [In Spanish].
11. Boyd C.P. The Politics of History and Memory in Democratic Spain. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008; 617(1):133–148 [In English].
12. Encarnación Omar G. Memory and Politics in Democratic Spain in Diego Muro, and Ignacio Lago (eds), The Oxford Handbook of Spanish Politics, Oxford Handbooks, 2020 [In English].
13. Hepworth A. Memory Activism as Advocacy for Transitional Justice: Memory Laws, Mass Graves and Impunity in Spain. International Journal of Transitional Justice. 2023; 2(17):268–285 [In English].
14. López Ulla J. M. Del derecho a la verdad al deber de memoria: a propósito de la nueva Ley de Memoria Democrática. Revista de Derecho Político. 2023; 117: 99–130 [In Spanish].
15. Macé J.-F. Los conflictos de memoria en la España post-franquista (1976-2010). Bulletin hispanique. 2021; 114–2:749–774 [In Spanish].
16. Porcar Orihuela J.L. Políticas de memoria en España. Barataria. Revista Castellano-Manchega De Ciencias Sociales. 2016; 20:61–77 [In Spanish].
17. Reig Tapia A. Memoria de la Guerra Civil: los mitos de la tribu. Madrid: Alianza, 2020 [In Spanish].
18. Sánchez Moreno M. Las políticas de memoria democrática en España: entre la impunidad y las obligaciones internacionales. Cuadernos de Gobierno y Administración Pública. 2020; 7(1):41–52 [In Spanish].
19. Sevillano-Calero F. Caídos por Dios y por España. El culto a la muerte en la fundación de la dictadura franquista. Historia contemporánea. 2017; 55:609–635 [In Spanish].
20. Vidal Beneyto J. Diario de una ocasión perdida: materiales para un principio. Barcelona: editorial Kairos, 1981 [In Spanish].

About the author

Maria V. PUPYSHEVA. CandSc. (Polit.). Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Media Technologies at Moscow State Linguistic University. https://orcid.org/0000-0002-9565-7333. Address: Build. 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. pupysheva.maria@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: March 16, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Научная статья
УДК 321
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-242-253

Политические науки

«Берлусконизм» как политический феномен: неопатримониальная интерпретация

Игорь Владимирович Чайко✉

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
ivchaiko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1326-596X

Аннотация. Актуальность темы обусловлена нарастанием консервативных тенденций в политической жизни различных стран мира. Для объяснения данного явления автор использует неопатримониальный подход, акцентирующий внимание на механизмах воспроизводства традиционных практик в институциональной среде современного административного государства. Главную гипотезу выражает тезис о том, что система политического управления, сложившаяся в Италии в период правления С.Берлускони, имела ярко выраженные неопатримониальные черты.

Для обоснования данной гипотезы были поставлены следующие задачи: выявить предпосылки возникновения «берлусконизма» как политического и культурного феномена и доказать его неопатримониальную природу; показать, что неопатримониальные практики, широко использовавшиеся С.Берлускони и его правительством, оказались достаточно эффективными в социально-экономическом плане и вполне совместимыми с функционированием институтов демократии.

В ходе исследования был проведен комплексный анализ основных факторов, способствовавших политическим успехам С.Берлускони и созданной им партии «Вперед, Италия». Установлено, что реализованная С.Берлускони стратегия наиболее полно отвечала культурно-историческим традициям итальянского общества и особенностям его политической культуры. Автор отмечает общие черты таких политических феноменов, как «берлусконизм», «трампизм» и ряд других, в рамках которых традиционные ценности органично сочетаются с установками на социальный и экономический прогресс. Сделаны общие выводы о том, что демократический спад последних десятилетий, рост авторитарного популизма и набирающий силу неопатримониальный тренд представляют собой взаимосвязанные процессы, во многом определившие характер и направленность политических трансформаций современной эпохи.

Ключевые слова: Италия, политическая культура, партии, «берлусконизм», «трампизм», неопатримониализм, глобальный тренд

Для цитирования: Чайко И.В. «Берлусконизм» как политический феномен: неопатримониальная интерпретация // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 2(20). С. 242-253, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-242-253

© Чайко И.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ISSN 2782-3067 (Print)

Original article
https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-242-253

Political Sciences

«Berlusconism» as a Political Phenomenon: the Neopatrimonial Interpretation

Igor V. Chaiko✉

Russian State Social University, Moscow, Russia
ivchaiko@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1326-596X

Abstract. The relevance of the topic is related to the growth of conservative trends in the modern world. The reasons for this phenomenon are explained by the theory of neopatrimonialism, which focuses on the reproduction of traditional practices in the activities of modern bureaucracy. The author hypothesizes that the system of political governance created by S.Berlusconi had pronounced neopatrimonial features.

To prove this hypothesis, the following tasks were set: to identify the prerequisites for the emergence of “Berlusconism” as a political and cultural phenomenon and to prove its neopatrimonial nature; to show that the neopatrimonial practices used by the government of S.Berlusconi were economically effective and fully compatible with the institutions of democracy. The study analyzed the main factors that contributed to the political success of S.Berlusconi and his party.

© Чайко И.В., 2026
© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2026

ISSN 2782-3067 (Print)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

It is established that S.Berlusconi's strategy was most consistent with the political traditions of Italy. The author notes the common features of such political phenomena as "Berlusconism", "Trumpism" and a number of others. It is concluded that the democratic decline, the rise of authoritarian populism, and the neopatrimonial trend are interrelated processes that have largely determined the content of the political transformations of the modern era.

Keywords: Italy, political culture, parties, «Berlusconism», «Trumpism», neopatrimonialism, global trend

For citation: Chaiko I.V. «Berlusconism» as a Political Phenomenon: the Neopatrimonial Interpretation. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 2(20): 242-253, https://doi.org/10.53658/RW2026-4-2(20)-242-253

Введение

В настоящее время политические аналитики констатируют усиление консервативных тенденций во многих странах мира [12]. Основную угрозу либеральной демократии они видят в росте авторитарного популизма и усилении позиций «правых» партий и движений [1]. Это дает основания для выводов о том, что западная демократия находится в упадке, а на смену демократической «волне» 1990-х гг. пришла глобальная «волна» автократизации [17, с. 9].

Альтернативный взгляд на данные процессы представили С.Хэнсон и Дж.Копштейн, по мнению которых главная тенденция современного политического развития заключается не в усилении авторитарных тенденций, а в нарастающей «волне» патримониализма [16]. Сам термин «патримониализм» в рамках веберовской традиции авторы трактуют как одну из форм традиционного господства, при которой средства управления апроприируются частными лицами и превращаются в инструменты личной власти [21, с. 226-241]. Процессы репатримониализации, согласно С.Хэнсону и Дж.Копштейну, могут развиваться как в автократических, так и в демократических обществах: в первом случае – посредством «автократической узурпации прежних конституционных норм», во втором – путем создания «патримониальных» партий, которые приходят к власти в результате свободных и демократических выборов [16, с. 241].

Материалы и методы

Обращение к научному наследию М.Вебера представляется весьма перспективным, особенно в свете теории неопатримониализма, которую обосновали в 60–70-х гг. XX в. Г.Рот, Ш.Эйзенштадт, Г.Хигер, Р.Теобальд, Ж.-Ф.Медар и ряд других ученых [9]. Сам термин «неопатримониализм» впервые использовал Ш.Эйзенштадт, подчеркивая наличие принципиальных различий между традиционными (патримониальными), модернизированными и неопатримониальными системами

[14]. В соответствии с этими установками неопатримониализм трактуется как особый тип политической организации, характерный для многих современных обществ. От «чистого» патримониализма его отличают:

- наличие современных правовых институтов либо их внешних атрибутов;
- опосредованный характер патримониальных практик;
- наличие высокопрофессионального бюрократического аппарата, способного эффективно решать проблемы национально-государственного развития [20, с. 2].

Первоначально теория неопатримониализма использовалась для описания политической специфики развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, однако в дальнейшем ее положения стали применять при анализе политических процессов в некоторых странах Восточной и Южной Европы [16]. Правомерность этого подхода стала еще более очевидной после того, как правительство Италии возглавил в мае 1994 г. крупнейший в стране миллиардер и медиамагнат Сильвио Берлускони. Неопатримониальные черты созданной им системы управления отмечали, в частности, Джованни Орсина [19], Мауро Баризионе [10], Пол Гинзборг [15], Антонелла Коко [11], Манар Лезаар [18]. Все это подтверждает мнение о том, что неопатримониальная парадигма может быть использована при анализе политических систем не только развивающихся, но и высокоразвитых стран, не исключая западные либеральные демократии.

В соответствии с этими установками методологической основой работы выступает неопатримониальный подход как метод междисциплинарного анализа, концентрирующий внимание на способах легитимации власти и соотношении формальных и неформальных практик политического управления. В рамках данного подхода применялись:

- метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий рассматривать процесс эволюции политической системы Италии в сравнительно-исторической перспективе;
- политико-компаративный анализ (использован для выявления специфических характеристик итальянской политической системы);
- процессуальный подход, акцентирующий внимание на способах принятия и реализации решений в условиях неопатримониального правления.

В качестве эмпирических методов исследования использовались: качественный анализ документов, вторичный анализ статистических данных и результатов экспертных оценок, дискурсивный анализ (как метод изучения неопатримониального дискурса в итальянских СМИ), интерпретативный метод (стал основой для формулировки общих выводов).

Источниковую базу исследования составляют: обширный круг научной литературы, посвященной деятельности С.Берлускони и его правительства, публикации в печатных и электронных СМИ, данные мировой статистики (Всемирный банк, Международный валютный фонд и др.), доклады известных научно-исследовательских центров (институт V-Dem, журнал «The Economist» и др.).

Научная новизна исследования состоит в критике утверждений о росте «авторитарного популизма» и обосновании представлений о нарастании глобального неопатримониального тренда, в силу которого все большую роль в политическом процессе играют партии и движения, политические программы которых органично сочетают в себе, с одной стороны, установки на достижение и инновации, а с другой – ориентации на защиту традиционных ценностей, включая ценности безопасности, этатизма, клерикализма, а также сильной, стабильной и в значительной степени персонифицированной власти.

Результаты исследования

Предпосылки «берлусконизма» и его роль в политической жизни Италии

Описывая истоки «берлусконизма», Дж.Орсина отмечает, что политическая уникальность Италии основана скорее на негативных, чем на положительных характеристиках: ее основными чертами являются «институциональная слабость, взаимная делегитимация со стороны противоборствующих политических сил… вербальный и другие виды радикализма, а также глубокое недоверие между государством и гражданами» [19, с. 8]. Немаловажное значение имеет также региональная специфика итальянской экономики, представленной промышленно развитым Севером и слаборазвитым Югом [7, с. 82-83]. Именно на юге Италии зародился «политико-криминальный капитализм», основанный на взаимодействии политиков, бюрократии, частного бизнеса и местных преступных кланов, что способствовало формированию теневого сектора в экономике и распространению его на центральные и северные регионы страны [18, с. 2020].

Наиболее полно эта политическая специфика проявилась в начале 1990-х гг., когда правоохранительные органы Италии приступили к проведению масштабной операции по борьбе с организованной преступностью «Чистые руки». В ходе операции были выявлены огромные масштабы коррупции во всех структурах государственной власти, включая парламент и партии. Одной из центральных фигур судебного расследования стал бывший премьер-министр Италии Беттино Кракси, который вскоре бежал в Тунис и был заочно осужден за коррупцию и незаконное финансирование политических партий[1].

Эти коррупционные скандалы пошатнули политическую систему Италии, что привело к крушению Первой Итальянской Республики (1947–1993) и исчезновению ряда ведущих партий. На 27 марта 1994 г. были назначены внеочередные парламентские выборы, ознаменовавшие начало становления в Италии Второй Республики (1994 г. – н/в). Предпочтительные шансы на успех имела левая коалиция – «Прогрессисты» во главе с Демократической партией, правопреемницей Итальянской коммунистической партии (ИКП). Ей противостояла центристская коалиция во главе с созданной в 1994 г. Итальянской народной партией (ИНП), вокруг которой консолидировались остатки влиятельной прежде Христианско-демократической партии (ХДП) [8, с. 8-11]. В то же время активизировались ультраправые националистические организации. Неофашистское Итальянское социальное движение в 1995 г. было преобразовано в Национальный альянс; сепаратистское движение «Лига Севера» также заметно укрепило свои позиции. Однако идеологические разногласия между этими организациями препятствовали их объединению в составе «правой» коалиции [5, с. 174-176].

Именно в этот период начал свою политическую деятельность 57-летний Сильвио Берлускони. По мнению ряда экспертов, он стремился, прежде всего, предотвратить победу коммунистов на предстоявших выборах, чтобы спасти свою финансовую «империю» и реабилитировать правительство Б.Кракси, с которым тесно сотрудничал. Всего за три месяца до выборов С.Берлускони создал новое политическое движение «Вперед, Италия», преобразованное в 1996 г. в партию.

Предвыборная стратегия С.Берлускони заключалась в создании мощной правоцентристской коалиции, способной противостоять коммунистам и христианским демократам. В этих целях он сумел заключить союз с Национальным альянсом и «Лигой Севера», даже не объединяя их друг с другом. В то же время, желая придать менее радикальный имидж созданной коалиции, Берлускони через подконтрольные ему СМИ стал называть своих политических союзников «умеренными правоцентристами»[2].

Результаты состоявшихся выборов превзошли все ожидания: за возглавляемое С.Берлускони движение «Вперед, Италия» проголосовали более 8 млн избирателей (43%), а созданное им объединение «Полюс свобод» получило абсолютное большинство в Палате депутатов. 11 мая 1994 г. С.Берлускони сформировал коалиционное правительство, ключевые посты в котором получили его сторонники [4, с. 117]. В дальнейшем С.Берлускони, несмотря на все связанные с ним скандалы и судебные расследования[3], еще трижды возглавлял итальянское правительство (в 2001–2005, 2005–2006 и 2008–2011 гг.). На выборах 2022 г. воссозданная им партия «Вперед, Италия» показала пятый результат (8,11% голосов на выборах в Палату депутатов и 8,27% голосов на выборах в Сенат), получив в итоге пять мест в правительстве, возглавляемом Джорджей Мелони [1, с. 168-169]. Однако сам С.Берлускони в это правительство не вошел, оставаясь, вплоть до своей смерти в 2023 г., депутатом Европарламента и членом итальянского Сената от избирательного округа Монца[4].

1 Фридман А. Берлускони. Пер. с англ. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. С. 114–116.

2 Хупер Дж. Итальянцы. Пер. с англ. М.: Альпина нонфикшн, 2016. С. 101.

3 Фридман А. Указ. соч. С. 301–319.

4 Биография Сильвио Берлускони // РИА Новости. 12.06.2023. URL: https://ria.ru/20230612/berluskoni-1877630568.html?ysclid=m1g957zv6523814627.

«Берлусконизм» как отражение неопатримониального тренда

Феномен С.Берлускони, четырежды занимавшего пост премьер-министр Италии, давно стал предметом внимания со стороны ученых, писателей и журналистов. Под термином «берлусконизм» они понимают определенную политическую практику, а также набор идеологических установок, представлявших собой своеобразную смесь либерализма, популизма и консерватизма. Впервые данный термин появился в 1980-х гг. и обладал ярко выраженной положительной коннотацией, однако по мере развития политической карьеры С.Берлускони его семантика существенно изменилась. При этом, характеризуя политико-экономическую систему Италии в период премьерства С.Берлускони, аналитики нередко ставят знак равенства между понятиями «берлусконизм» и «неопатримониализм» [11; 18].

Неопатримониальный характер используемых С.Берлускони практик нашел отражение, прежде всего, в деятельности созданной им партии. Ее программными ценностями Берлускони провозгласил веру в свободный рынок и конкуренцию, в предпринимательскую инициативу итальянцев и их способность создать эффективную экономику. Важное место в политической риторике Берлускони отводилось также пропаганде традиционных ценностей, таких как социальный корпоративизм, уважение к церкви, вера в семью и в сильную личность[5]. Привлекательный имидж партии создавал сам Берлускони, активно используя все возможности подконтрольных ему СМИ [19, с. 30]. В результате ему удалось завоевать симпатии и поддержку значительной части электората, используя для этого новые способы коммуникации, а также доступный политический язык и символы. В то же время С.Берлускони лично участвовал в решении всех кадровых вопросов, активно влияя на процессы выдвижения региональных руководителей, кандидатов на выборах всех уровней, составление партийных списков, парламентских групп или кандидатов в состав правительства[6].

Созданная С.Берлускони в период его премьерства модель правления включала все атрибуты неопатримониализма, такие как: высокая степень персонификации политической власти; вождистская партия, полностью подконтрольная своему лидеру; наличие обширных клиентарно-патронажных сетей, замыкающихся на партийных боссов; всепроникающая коррупция административного аппарата (что доказывают многочисленные судебные процессы); система получения и распределения теневой ренты между правящими элитами; активное использование государственных ресурсов в политических целях и, прежде всего, для организации избирательных кампаний и легитимации пришедших к власти политических сил [11].

Тем не менее социально-экономическая политика, проводимая правительством С.Берлускони, оказалась достаточно эффективной, несмотря на тяжелые для страны

5 Фридман А. Указ. соч. С. 130–135.
6 Там же. С. 130.

последствия финансового кризиса 2008 г. и более низкие, чем в среднем по ЕС, темпы экономического роста [3, с. 159]. На протяжении всего периода правления С.Берлускони Италия оставалась восьмой экономикой мира и третьей в еврозоне. К моменту отставки возглавляемого им правительства в 2011 г. дефицит бюджета Италии составлял 4,6% от ВВП, то есть был меньше, чем аналогичные показатели Великобритании и Франции, и лишь немногим превышал бюджетный дефицит Германии (4,3%). В то же время частный (корпоративный) долг Италии составлял 42% от ВВП, что значительно меньше, чем аналогичные показатели Франции и Великобритании (103% от ВВП). В целом по совокупности частного и государственного долга ситуация в Италии в 2011 г. была намного благоприятнее, чем в таких европейских странах, как Испания, Франция, Бельгия, Португалия, Греция [3, с. 158-159]. С другой стороны, после отставки Берлускони в конце 2011 г. доля населения Италии, живущего за чертой бедности, стала стремительно расти. По сравнению с 2007 г. значение этого показателя к 2015 г. возросло почти в двое и составило 4,81 млн человек, что стало прямым следствием сокращения социальных расходов, предпринятых преемниками Берлускони под давлением Брюсселя [6, с. 18].

В области внешней политики С.Берлускони высказывал значительный скепсис в вопросах евроинтеграции и считал, что строить систему европейской безопасности можно только при активном сотрудничестве с Россией [13, с. 161-162]. 14 октября 1994 г. между Россией и Италией был заключен договор о дружбе и сотрудничестве, заложивший основу для дальнейшего развития двусторонних отношений [2, с. 43]. В период с 1994 по 2013 г. товарооборот между Италией и Россией вырос с 4,4 млрд долларов до 53 млрд, то есть более чем в 10 раз[7]; вплоть до 2015 г. Италия занимала третье место среди стран ЕС по объему торгово-экономических связей с Россией, уступая лишь Германии и Нидерландам [2, с. 48]. Выступая в 2015–2018 гг. в качестве официального посредника между Евросоюзом и Россией по «крымскому вопросу», Берлускони, в частности, отмечал, что он решительно не согласен с позицией Евросоюза и США по Украине, а также с санкциями, принимаемыми по отношению к России[8].

Вместе с тем эксперты отмечают, что феномен «берлусконизма» имеет прямые аналогии в других западных демократиях. Именно прецедент Берлускони, по их мнению, имел следствием возникновение такого политического явления, как американский «трампизм». Известный американский политолог Р.Коэн заметил по данному поводу: «Никто, кто знает Берлускони и наблюдал за подъемом Дональда Трампа, не может не быть поражен параллелями. Дело не только в том, что они оба начинали с недвижимости и перешли на телевидение… Нет, это что-то из духа времени. Америка созрела для Трампа так же, как Италия созрела для Берлускони»[9].

7 Там же. С. 161–166.
8 Там же. С. 172–173.
9 Cohen R. The Trump-Berlusconi Syndrome // The New York Times. 14.03.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/03/15/opinion/the-trump-berlusconi-syndrome.html?ysclid=m1xp5no4m2285088000.

Выводы

В заключение можно сделать выводы о том, что обращение к неопатримониальной парадигме открывает возможности для изучения таких политических феноменов, как «берлусконизм», «трампизм» и ряд других, не находящих объяснения в рамках иных политических теорий. С этих позиций главная причина успехов С.Берлускони видится в том, что ему лучше, чем кому-либо другому, удалось «оседлать» неопатримониальную «волну», охватившую Италию во второй половине XX в. и имевшую следствием крушение Первой Республики. Политическая программа С.Берлускони и его партии наиболее полно учитывала реальное состояние итальянского общества и его институтов, представляя их в позитивном свете, что неизбежно вело к отрицанию концепции правового государства и широкому использованию неформальных практик управления. Такая позиция Берлускони нашла соответствующий отклик в обществе, и на протяжении двух десятилетий возглавляемая им партия играла ведущую роль в итальянской политике, выступая в качестве консолидирующей силы. В то же время политическая система Италии полностью сохраняла присущие ей демократические черты, и это полностью опровергает утверждения о несовместимости неопатримониализма и демократии.

Таким образом, можно утверждать, что введенный журналистами термин «берлусконизм» описывает не только популистский дискурс в итальянской политике, но гораздо более глубокое и масштабное явление, которое мы характеризуем как глобальный неопатримониальный тренд. В настоящее время данный тренд охватывает различные страны и регионы планеты, не исключая США и другие оплоты западной либеральной демократии. В таком контексте демократический спад последних десятилетий, рост авторитарного популизма и усиление позиций «правых» партий и движений следует рассматривать как комплексные и взаимообусловленные процессы, отражающие главное содержание данного тренда и общую направленность масштабных политических трансформаций современной эпохи.

Список литературы

1. Алексеенкова Е.С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики [The Political Process in Modern Italy: Anti-Politics and Populism of the Second Republic Era]. М.: Ин-т Европы РАН, 2023. 218 с. https://doi.org/10.15211/9785981632136. EDN: DXUUDI.
2. Зонова Т.В. Современный этап российско-итальянских отношений [The Current Stage of Russian-Italian Relations] // Италия: от Второй Республики к Третьей? / под ред. Е.А.Масловой. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 43–57. EDN: ULDLWH.
3. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) [The EU Crisis and the Prospects for European Integration (Political Aspects)] / Отв. ред. Н.К.Арбатова, А.М.Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 204 с.
4. Маслова Е.А., Шебалина Е.О. Трансформация партийно-политической системы Италии [Party-Political System Transformation in Italy] // Современная Европа. 2021. № 2. С. 111–123. https://doi.org/10.15211/soveurope22021111123. EDN: LOYQXJ.

5. Мухаметов Р.С. Итальянские персоналистские партии: особенности и причины возникновения [Italian Personalist Parties: Features and Reasons for Emergence] // Современная Европа. 2025. № 5. С. 172–181. https://doi.org/10.31857/S0201708325050146. EDN: WWHMBE.
6. Овакимян М.С. Неустойчивый рост итальянской экономики и перспективы развития [Unstable Growth of the Italian Economy and Development Outlooks] // Италия: от Второй Республики к Третьей? / под ред. Е.А.Масловой. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 16–27. EDN: ULDMYT.
7. Терехова Н.Г. Общественный дискурс в Италии [Public Discourse in Italy] // Италия: от Второй Республики к Третьей? / под ред. Е.А.Масловой. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 78–97.
8. Холодковский К.Г. Социально-политические основы Второй Республики [Socio-Political Foundations of the Second Republic] // Италия: от Второй Республики к Третьей? / под ред. Е.А.Масловой. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 7–11.
9. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология [Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology] // Отечественные записки. 2007. № 6. С. 8–28.
10. Barisione M. Berlusconismo as a Case of “Hybrid Neopatrimonialism” // Neopatrimonialism in Africa and Beyond /ed. by D.Bach, M.Gazibo. London: Routledge, 2011. P. 197–207.
11. Coco A. Neopatrimonialism and Local Elite Attitudes. Similarities and Differences Across Italian Regions // Territory, Politics, Governance. 2014. Vol. 3. № 2. P. 1–20. https://doi.org/10.1080/21622671.2014.929532.
12. Diamond L. Facing Up to the Democratic recession // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26. № 1. P. 141–155. https://doi.org/10.1353/jod.2015.0009.
13. Diodato E., Niglia F. Berlusconi “The Diplomat”: Populism and Foreign Policy in Italy. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 226 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97262-6.
14. Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1973. 95 p.
15. Ginsborg P. Silvio Berlusconi: Television, Power and Patrimony. London; New York: Verso, 2005. 195 p.
16. Hanson S.E., Kopstein J.S. Understanding the Global Patrimonial Wave // Perspectives on Politics. 2021. Vol. 20. Iss. 1. P. 237–249. https://doi.org/10.1017/S1537592721001195.
17. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. London: Viking, 2018. 301 p.
18. Lezaar M. Neo-patrimonial regimes in Africa and the rest of the world and their economic repercussions: A comparison. Princeton, N.J.: Academic Paper, 2020. 26 p.
19. Orsina G. Berlusconism and Italy: A Historical Interpretation. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 209 p. https://doi.org/10.1057/9781137438676.
20. Sigman R., Lindberg S. Neopatrimonialism and Democracy: An Empirical Investigation of Africa’s Political Regimes // The varieties of democracy institute Working Paper. 2017. № 56. P. 1–25.
21. Weber M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology. New York: Bedminster Press Incorporated, 1968. 1469 p.

Информация об авторе

ЧАЙКО Игорь Владимирович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политических институтов, процессов и технологий Российского государственного социального университета. https://orcid.org/0000-0002-1326-596X. Адрес: Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1. ivchaiko@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 февраля 2026 г. Одобрена после рецензирования: 30 апреля 2026 г. Принята к публикации: 15 мая 2026 г. Опубликована: 1 июня 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseenkova E.S. Political Process in Modern Italy: Anti-Politics and Populism of the Second Republic. Moscow: Institut Evropy RAN [Institute of Europe RAS], 2023. 218 p. [In Russian]. https://doi.org/10.15211/9785981632136. EDN: DXUUDI.
2. Zonova T.V. The Current Stage of Russian-Italian Relations. Italy: from the Second Republic to the Third? Ed. by E.A.Maslova. Moscow: Institut Evropy RAN [Institute of Europe RAS], 2015:43–57 [In Russian]. EDN: ULDLWH.
3. The EU Crisis and the Prospects of European Integration (Political Aspects). Ed. by N.K.Arbatova, A.M.Kokeev. Moscow: IMJeMO RAN [IMEMO RAS], 2013. 204 c. [In Russian].
4. Maslova E., Shebalina E. Party-Political System Transformation in Italy. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2021; 2:111–123 [In Russian]. https://doi.org/10.15211/soveurope22021111123. EDN: LOYQXJ.
5. Mukhametov R. Italian Personalist Parties: Features and Reasons for Emergence. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2025; 5:172–181 [In Russian]. https://doi.org/10.31857/S0201708325050146. EDN: WWHMBE.
6. Ovakimyan M.S. Unstable Growth of the Italian Economy and Development Outlooks. Italy: From the Second Republic to the Third? Ed. by E.A.Maslova. Moscow: Institut Evropy RAN [Institute of Europe RAS], 2015: 16–27 [In Russian]. EDN: ULDMYT.
7. Terekhova N.G. Public Discourse in Italy. Italy: from the Second Republic to the Third? Ed. by E.A.Maslova. Moscow: Institut Evropy RAN [Institute of Europe RAS], 2015:78–97 [In Russian].
8. Kholodkovsky K.G. Socio-political Foundations of the Second Republic. Italy: from the Second Republic to the Third? Ed. by E.A.Maslova. Moscow: Institut Evropy RAN [Institute of Europe RAS], 2015:7–11 [In Russian].
9. Fisun A. Post-Soviet Neopatrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology. Otechestvennye zapiski [Domestic notes]. 2007; 6: 8–28 [In Russian].
10. Barisione M. Berlusconismo as a Case of “Hybrid Neopatrimonialism”. Neopatrimonialism in Africa and Beyond. Ed. by D.Bach, M.Gazibo. London: Routledge, 2011:197–207 [In English].
11. Coco A. Neopatrimonialism and Local Elite Attitudes. Similarities and Differences Across Italian Regions. Territory, Politics, Governance. 2014; 3(2):1–20 [In English]. https://doi.org/10.1080/21622671.2014.929532.
12. Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession. Journal of Democracy. 2015; 26(1):141–155 [In English]. https://doi.org/10.1353/jod.2015.0009.
13. Diodato E., Niglia F. Berlusconi “The Diplomat”: Populism and Foreign Policy in Italy. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 236 p. [In English].
14. Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrominialism. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1973. 95 p. [In English].
15. Ginsborg P. Silvio Berlusconi: Television, Power and Patrimony. London; New York: Verso, 2005. 195 p. [In English].
16. Hanson S.E., Kopstein J.S. Understanding the Global Patrimonial Wave. Perspectives on Politics. 2021; 20(1):237–249 [In English]. https://doi.org/10.1017/S1537592721001195.
17. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. London: Viking, 2018. 301 p. [In English].
18. Lezaar M. Neo-Patrimonial Regimes in Africa and the Rest of the World and Their Economic Repercussions: A Comparison. Princeton, N.J.: Academic Paper, 2020. 26 p. [In English].
19. Orsina G. Berlusconism and Italy: A Historical Interpretation. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 209 p. [In English]. https://doi.org/10.1057/9781137438676.
20. Sigman R., Lindberg S. Neopatrimonialism and Democracy: An Empirical Investigation of Africa’s Political Regimes. The varieties of democracy institute Working Paper. 2017; 56:1–25. [In English].
21. Weber M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology. New York: Bedminster Press Incorporated, 1968. 1469 p. [In English].

About the author

Igor V. CHAIKO. CandSc. (Politic.). Associate Professor. Associate Professor of Department of Socio-Political Institutions, Processes and Technologies at the Russian State Social University. https://orcid.org/0000-0002-1326-596X. Address: Build. 1, 4, Vilhelma Pika str., Moscow, 129226, Russian Federation. ivchaiko@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: February 28, 2026. Approved after peer review: April 30, 2026. Accepted for publication: May 15, 2026. Published: June 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружественность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружественности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружественности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружественности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношении. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (https://www.russia-world.ru/jour/index).

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р культурологии, профессор Т.Г.Бортникова
Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА
Издательский дом Perspèctum
г. Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1
Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 01.06.2026
Отпечатано
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42. Тираж 200 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Cultural studies), Professor Tatiana G. Bortnikova
Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin
Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS
Publishing House Perspèctum
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow Tel. +7 495 146 83 02
Signed in the press on 01.06.2026
Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pechati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsck, Moscow oblast
Circulation 200 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

перспéктум

ЧЕЛОВЕКиМИР ДИАЛОГ

ПП

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Обложки журнала этого года объединяет тема космизма — философского и художественного направления начала XX в., обращенного к познанию Вселенной и места человека в ней.

Оформление и дизайн выпуска вдохновлено творчеством Павла Николаевича Филонова (1883—1941) — одного из ключевых мастеров русского авангарда, теоретика «аналитического искусства» и искусства космизма.

Он учился в Петербурге, в том числе в Императорской Академии художеств как вольнослушатель, но постепенно отошел от академизма и вступил в «Союз художников», объединивший тех, кто занимался экспериментами в живописи, и это стало для него несомненным успехом. В 1910 г. Филонов участвовал в выставке «Союза молодежи» — одного из важных объединений русского авангарда, где его картины висели рядом с полотнами Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, уже известными в художественных кругах.

Увлеченный идеями космистов, стремлением которых было раскрытие в творчестве различных аспектов космоса — в человеческих образах, пейзаже и в отображении абстрактных образов внутреннего мира, он создал новое направление — «аналитическое искусство».

Его метод часто описывают как «рисунок атомами»: Филонов считал, что картина должна строиться из мельчайших элементов, как живой организм из клеток. Он призывал: «Упорно и точно рисуй каждый атом». Отсюда его предельно плотная, кропотливая манера письма тонкой кистью, когда изображение как будто нарастает изнутри.

Среди наиболее известных произведений Филонова — «Пир королей», «Формула весны», «Формула Вселенной», «Живая голова», «Рабочие» и «Крестьянская семья». Основная часть его наследия сегодня находится в Русском музее, а сам художник занимает особое место в истории русского модернизма как автор одной из самых радикальных и философски насыщенных систем искусства.